

ISSN 2073-5618

Translator **П**ереводчик

Выпуск 24
2024

ISSN 2073-5618

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Забайкальский государственный университет
Забайкальское региональное отделение
Союза переводчиков России

П Е Р Е В О Д Ч И К

Литературно-художественный журнал

Выпуск 24

Чита
ЗабГУ
2024

УДК 81'25
ББК 81.18
ББК Ш18
П 27

Литературно-художественный журнал «Переводчик»
Печатный орган Забайкальского регионального отделения
Союза переводчиков России

Главный редактор

О. В. Стельмак, канд. филол. наук, доцент,
председатель Забайкальского регионального отделения
Союза переводчиков России

Редакционный совет

Т. В. Воронченко д-р филол. наук, профессор,
директор НИИ филологии и межкультурной коммуникации ЗабГУ
М. В. Константинов д-р ист. наук, профессор кафедры истории ЗабГУ
И. А. Романов канд. филол. наук, доцент ЗабГУ

Редакционная коллегия

О. В. Ушникова, И. А. Боброва, И. Н. Костина,
А. Н. Булдыгерова, Л. В. Эмирзиади, Е. О. Филликова

Переводчик : литературно-художественный журнал / Забайкальский
П 27 государственный университет ; главный редактор О. В. Стельмак. – Чита :
ЗабГУ, 2024. – Вып. 24. – 218 с. – (ISSN 2073-5618).

Журнал «Переводчик» знакомит читателей с информацией Союза переводчиков России и Забайкальского регионального отделения СПР, новыми переводами зарубежной поэзии и прозы на русский язык. Раздел «В студенческой лаборатории» представляет молодых исследователей. Американистов и специалистов по межкультурному общению привлечёт раздел «Американа» (ред. д-р филол. наук, проф. Т. В. Воронченко). Раздел «В копилку переводчика» предназначен переводчикам-практикам. Раздел «Земля Даурская» адресован краеведам Забайкалья. Раздел «Эпистолярное наследие декабристов» (ред. Л. В. Эмирзиади) посвящён славным страницам российской истории, связанной с пребыванием декабристов в Забайкалье. Читатели найдут интересными и другие разделы нашего издания, в частности, «Конкурсы, конкурсы...!», «Приложение», «Новинки».

Издание предназначено для филологов, лингвистов, а также для всех тех, кто интересуется вопросами перевода и переводоведения.

УДК 81.25
ББК 81.18
ББК Ш18

СОДЕРЖАНИЕ

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ ПОЭЗИИ И ПРОЗЫ

Поэзия

- Борис Макаров.** Стихи бурятских поэтов в переводе на русский язык. Предисловие Ольги Стельмак..... 5
- Вячеслав Вьюнов.** Совесть Забайкальской литературы. Памяти Бориса Макарова..... 14
- Флорбела Эшпанка.** Мятежная душа или муза плача? Предисловие и перевод сонетов с португальского Ирины Фещенко-Скворцовой..... 15
- Хенрик Ибсен.** Лирика. Перевод с норвежского Ольги Панькиной..... 27
- Ренат Харис.** Поэма «Летят гуси на Донбасс». Перевод с татарского Николая Переяслова..... 31
- Марион Коксвик.** Верлибры. Перевод с норвежского Элеоноры Панкратовой и Аллы Шараповой..... 40

Проза

- Волшебные сказки британских островов.** Предисловие и перевод с английского Евгении Славороссовой..... 51
- Изабелла Крейг Нокс.** Рассказ «Стяжатель». Главы I–II. Вступительное слово и перевод с английского Ольги Стельмак..... 55
- Оулав Гюннарссон.** Новеллы. Вступление и перевод с исландского Ольги Маркеловой..... 74
- Гвидо Гоццано.** Итальянские сказки. Перевод с итальянского Леонида Зимана..... 85
- Биргир Сигюрдссон.** Пьеса «День надежды» (продолжение). Перевод с исландского Ольги Маркеловой..... 101

АМЕРИКАНА

- Рудольфо Анайя.** Роман «Тортуга». Глава I. Предисловие и перевод с английского Татьяны Воронченко..... 124

В СТУДЕНЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ

- Софья Иванова.** К вопросу о некоторых особенностях перевода

романа Лю Цысиня «Задача трёх тел» с китайского на русский язык
через язык-посредник..... 143

В КОПИЛКУ ПЕРЕВОДЧИКА

Линь Шуся. Рассказы из книги «Воспоминания». Предисловие
и перевод с китайского Николая Воропаева..... 148

Анна Булдыгерова. О некоторых аспектах стилистической
изысканности китайских публицистических текстов..... 158

ЗЕМЛЯ ДАУРСКАЯ

Анри Руссель. Забайкальские вёрсты. Главы XII–XIII из книги
«Шестнадцать лье по Азии и Океании». Перевод с французского
Николая Епишкина..... 164

Виктор Балабанов. Что же значит слово Чита? Путешествия
Через Читу. Второе возрождение. «На статус города...». Из книги
«Строкой и памятью отмечено...». Перевод на английский
Нины Марковой..... 176

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ ДЕКАБРИСТОВ

Ирэн Фрэн. Роман «Я последую за тобой в Сибирь».
Глава VIII. Ад. Вступительная статья и перевод с французского
Людмилы Эмирзиади..... 183

КОНКУРСЫ, КОНКУРСЫ!

XXIX международный конкурс молодых поэтов-переводчиков 2024..... 197

ПРИЛОЖЕНИЕ

Статистика..... 210

НОВИНКИ

Элеонора Панкратова. Рождественская мистерия
Юстейна Гордера..... 211

Сведения об авторах..... 212

Поэзия

ДОРОЖЕ ВСЕХ БОГАТСТВ

Светлой памяти Бориса Макарова

Борис Константинович Макаров (1939 – 2023), известный забайкальский писатель и переводчик с бурятского языка ушёл из жизни в последний день уходящего 2023 года.

За свою долгую творческую жизнь и большой вклад в литературу Борис Макаров получил звание заслуженного работника культуры Читинской области и Агинского бурятского автономного округа (2002). Он являлся членом Союза журналистов России, стал первым лауреатом премии губернатора Забайкальского края имени Михаила Вишнякова в области литературы за 2009 год. Награждён медалями «За заслуги перед Читинской областью» (1997), «Патриот России», знаком «За усердие на благо Забайкальского края».

Более двух десятилетий Борис Константинович Макаров плодотворно сотрудничал с литературно-художественным журналом «Переводчик» – печатным органом Забайкальского регионального отделения Союза переводчиков России. В архиве регионального отделения хранится более двадцати писем и целые подборки материалов и переводов Бориса Макарова с бурятского языка для журнала «Переводчик», напечатанных на жёлтой бумаге на старой печатной машинке. К компьютеру он, как видно, так и не приобщился. Ещё в 2003 году в одном из своих писем он писал: «...журнал интересен. Для меня особенно интересен творческими разделами. Приятно осознавать, что в нашем суровом краю, в наше суровое время растут, поднимаются молодые люди, для которых важно, интересно и дорого Слово». Позднее, в 2011 году, поздравляя редколлегию журнала и его многочисленных авторов с 10-летним юбилеем, Борис Константинович отмечал: «Переводчик» – хорошая школа для всех, кто связал свою судьбу с литературой, для всех, кто мечтает внести свою лепту в развитие нашей многонациональной культуры, в укрепление дружбы, в упрочение взаимопонимания народов Забайкалья, России». Он не скупился на добрые слова в адрес «Переводчика» и нас, его создателей. А в конце каждого письма обязатель-

но следовало тёплое, душевное пожелание, как в письме 2014 года: «Ясного солнышка, голубого небушка, золотых осеней..., счастья и успехов в благородном труде!»).

По опубликованным в журнале работам легко составить антологию лучших образцов бурятской поэзии в переводе на русский язык. В память об этом замечательном человеке мы публикуем переводы поэтических произведений агинских поэтов из книги «Дороже всех богатств»¹.

Ольга Стельмак

АРСАЛАН ЖАМБАЛОН

ДА ЗДРАВСТВУЕТ МИР

Одно у нас солнце на всех.
И жизнь нам всем дорога.
Пусть слышится детский смех
Над нашей землёй всегда.

Нам мир дороже всего!
Нам мир ценнее всего!
Наш долг – убережь его,
Наш долг – сохранить его!

Нам новые песни слагать
И без любимых грустить,
По росной траве шагать
И воздух таёжный пить.

Нам мир дороже всего!
Нам мир ценнее всего!
Наш долг – убережь его,
Наш долг – сохранить его!

Нам к звёздам ещё лететь,
Спускаться на дно морей.
Песни ещё нам петь
В кругу дорогих друзей.
Нам мир дороже всего!

¹ Из книги «Дороже всех богатств». – Чита, «Экспресс-издательство», 2014. – 320 с.

Нам мир ценнее всего!
Наш долг – уберечь его,
Наш долг – сохранить его!

Нам помнить всегда, везде,
Шагая в густой рассвет,
О чёрной глухой беде
Военных далёких лет.

Нам мир дороже всего!
Нам мир ценнее всего!
Наш долг – уберечь его,
Наш долг – сохранить его!

Сомкнём же свои ряды!
Ни шагу, товарищ, вспять!
От атомной злой беды
Мы сможем жизнь отстоять.

Нам мир дороже всего!
Нам мир ценнее всего!
Наш долг – уберечь его,
Наш долг – сохранить его!

Не ценим время,
Не считаем время,
Хотя часы имеем на руке.
А время будто всадник –
Ногу – в стремя –
И облачком растает вдалеке.
Мы так щедры –
Не замечаем суток,
Прошла неделя –
Ну и что грустить!
А ведь порой
 единственной
 минуты
нам в нашей жизни
 может не хватить...

ВРЕМЯ МОЁ

Юная девушка,
Стоя на синем крылечке,
Ловит в ладони
Весеннего солнца лучи.
Ветер ласкает
Её незащитные плечи.
Песни поют ей
Бегущие с сопки ручьи.
Девушка смотрит на мир
Удивлённо и нежно,
Веря в него
И ему доверяя сполна.
Юная девушка –
Хрупкий весенний подснежник,
Жизнью для жизни и счастья
Она создана.

(отрывок)

ЦЫДЫП ЖАМБАЛОВ

МОЯ ЛЮБОВЬ

Любовь будто пламя.
Ни чёрт и ни бог
Её не прервут набег.

Любовь, что я в сердце
Хранил и берёг,
Исчезла как вешний снег.

Любовь, говорят, болтовня из книг,
Красивая, глупая ложь.

Но стоит глаза мне закрыть на миг –
Ты рядом со мной встаёшь.

Любовь...
Я на отблеск её летел,
Усталость презрев и страх.

Любовь,
Для которой я жил и пел, –
Седая зола костра.

Вот ветер взметнул её и затих.
По травам увядшим – дрожь.

Но стоит глаза мне закрыть на миг –
Ты рядом со мной встаёшь.

ВЕСЕННЯЯ СТЕПЬ

Пришёл конец буранам злым и чёрным.
Пришла пора всюду звенеть ручьям.
Проснулась степь, вздохнула облегчённо
И потянулась к солнечным лучам.
Раздвинув прошлогодние травинки,
Впитав в себя бессмертие земли,
Вдоль шумных трасс и узеньких тропинок
Ургуйки дерзновенно расцвели.
Куда ни глянешь – голубые вежи.
А впереди так много светлых дней...
Родная степь отныне и навеки
Мне песни петь о юности твоей.

ДОРЖИ ГОМБОЕВ

АЛХАНАЙСКОЕ УТРО

Огибая хребты Алханая,
Облака уплывают в рассвет.
Им, прощально ветвями махая,
Смотрят кедры весёлые вслед.
Рябь прошла по озёрам и рекам –
Ветерок прокатился, шая.
И, проснувшись ветром согрета,
Улыбнулась родная земля.
Здравствуй, утро,
И здравствуйте, люди!
Здравствуй птичья весёлая звень!
Пусть счастливым и радостным будет
Этот новый начавшийся день.

НАД ОНОНОМ

По долинам ононским
Разметались улусы.
Здесь живётся раздольно
И бурятам и русским.
Праздник вместе ликуем.
Горе вместе встречаем.
Где Онон синеструйный
Вместе песни слагаем.
В струях искрятся звёзды.
Ветры вешние дуют.
В русских платьях берёзки
С нами ёхор танцуют.

БАТОЖАРГАЛ ГАРМАЖАПОВ

РОДИНЕ

Какие бы не ждали испытанья
В часы побед, в часы тревог и бед,
Я знаю – до последнего дыханья
Мне песни петь с любовью о тебе.
И пусть порой отчаяньем и болью
Шальные ветры наполняют грудь,
Мне ни душа, ни совесть не позволят
Тебя как мать хоть в чём-то упрекнуть.

СЧАСТЬЕ

Счастье – вот что надо человеку.
Много это иль не очень много?
Счастье – это светлый дождик с веток
Над лесной захвоенной дорогой.
Счастье – это детский смех весёлый
И беседа с аксакалом мудрым.
Счастье – это над степным посёлком
Птичья трель апрельским синим утром.
Счастье – это хлеб душистый, тёплый.
Счастье – в день рожденья телеграмма.
Счастье – это под окошком тополь
И под ним скамеечка для мамы.

Счастье – это под зелёным стогом
В страдный день глоток густого чая.
Счастье – это, в общем-то, немного –
Слово «мир» его легко вмещает.

ДОРЖИ-ХАНДА ЦЫНГУЕВА

МОЛИТВА

Помогите, боги, мне в дороге.
Слишком труден и не близок путь.
Острый щебень больно режет ноги.
Зыбкий ветер стягивает грудь.
Дайте, боги, веру мне в удачу,
Большого просить у вас не смею.
Благосклонность вашу не растрочу –
Поделюсь со спутниками ею...

ЖЕЛАНИЕ

Плету венок из солнечных лучей
И приплетаю пряди голубые
Небесной шири.
Серебрясь, ручей
В венок мой вплёлся.
И цветы Сибири
Легли в него.
Тепло моих ладоней
Он сохранит
И радуги вберёт.
И в миг, когда и мой придёт
Черёд
В страну святую
Шамбалу идти,
Хочу венок с собою унести.
Уверена, что даже в куцах рая
Не потускнеет красота земная.

Птицей с шёлковыми крыльями
В небе радуга парит.

Над деревьями, над крышами
Нити солнца и зари.
Вот возьму по нитке-лучику
(Помнит навыки рука...)
И такой ковёр получится –
Людам радость на века.

Лети, мой конь, в неведомые дали,
Чеканными подпругами звеня.
Коль где-то есть сейчас звезда Печали,
То свет её отнюдь не для меня.
Зовёт и ждёт единственно любимый,
Рассудок мой и сердце полоня.
Все пересуды, все упрёки – мимо,
Моя вина – уставший вздох коня...

СУДЬБА

Судьба человека похожа на море –
То плещется тихо,
То вздыбится дико,
То ласку дарует,
То чёрное горе,
То песней чарует,
То бешеным криком
Взорвётся,
Взовьётся,
Ударит с размаха.

...Приветливо море
К не знающим страха.

У МОРЯ

Безмятежное, голубое
Море спит.
Но приходит срок –
И, взметнувшись,
Волна прибоя
Человека сбивает
С ног.
Трус бежит

От волны кипящей,
Когти страха
В его спине.
Он не знает,
Какое счастье –
Плыть навстречу
Такой волне.

ХАНДАЖАП БУДАЕВА

ПРОЩАНИЕ

Ты молчишь, ты нахмурил брови.
Ты готов навсегда уйти.
Я печали своей не скрою,
И за слёзы меня прости.
Вот и кончилось наше лето.
Зимней стуже открыта дверь.
Я любовью была согрета.
Как мне жить без неё теперь?
Будет в доме темно и пусто.
Будет боль и тоска в груди.
Только если угасли чувства,
Не раздумывай – уходи.

О СЧАСТЬЕ

О счастье – ни слова счастливый хитрец –
Бойтся его испугнуть.
Он знает: счастье – в гнезде птенца,
Жажущий упорхнуть.
О счастье песню поэт сложил
И людям её отдал.
И пусть он не очень счастливо жил,
В тот миг он счастливым стал.
Судьба меня часто позёмкой бьёт.
В пути заплутал успех.
Но если вдруг счастье ко мне придёт,
Пусть будет оно для всех.

Перевод с бурятского Бориса Макарова

СОВЕСТЬ ЗАБАЙКАЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Уже не вспомнить, когда началась наша дружба с Борисом Константиновичем Макаровым. Наверное, году в 1978 или 1979. Разница в возрасте приличная, а вот как-то прилепились, почувствовали друг друга. В те годы Борис часто приезжал из своей Акши в Читу – «за пять хребтов». Приходил к нам в деревянный дом номер 5, что на улице Кочеткова (несколько лет назад его снесли). Курили в печку и разговаривали ночи напролёт. О чём? О литературе, а значит, о жизни. И мы с женой ездили к Макаровым – тогда они жили на улице Декабристов, дом 30. А на улице Кюхельбекера уже после. У Натальи Алексеевны были общие разговоры с Валентиной Андреевной, а мы с Борисом уходили на Онон, не столько рыбачить, сколько опять же разговаривать. Или ходили на выдувы, что на речках Смолка и Кургатайка, на стойбища древнего человека, собирали сколы, нуклеусы, каменные ножи, черепки древней посуды (стихотворение «Бульдозером здесь сняли верхний слой...» написано после таких походов). Или перебирались на многочисленные острова собирать халцедоны, которые на Ононе почему-то всегда светло-жёлтые. И опять же разговоры, разговоры. А если и ночевали у костра под плеск больших рыб, то тоже было не до сна – стихи, жизнь, литература.

А потом он приезжал ко мне на Арахлей. Я заводил свой ГАЗ-67 выпуска 1943 года, и мы уезжали в тайгу, мастерили костерок – не для тепла, а чтобы было уютно разговаривать. Вот почему в моих миниатюрах и стихах так много Бориса Макарова.

Много рассказанных им историй стали потом сюжетами произведений. Но дело даже не в этом. Борис Константинович научил меня иначе смотреть на жизнь, смотреть на другой скорости, сбавить скорость или вовсе остановиться, наклониться и рассмотреть божью коровку, которую на ходу не увидишь. Он научил меня пристальному взгляду на жизнь, где всё связано, где всё причина и следствие, надо лишь прислушаться к себе, чтобы почувствовать эти тугие связующие нити. Вот почему своим учителем в литературе я считаю Бориса Константиновича Макарова, о чём много раз и говорил ему.

Михаил Евсеевич Вишняков научил меня другому: смотреть на мир охватно, сверху, чтобы была видна вся страна – от края и до края.

В последнее время мы редко виделись, зато часто говорили по телефону. И понимали, что стягиваем духовное пространство между Тасем и Акшой.

А это короткое стихотворение – мой подарок старшему товарищу.

РОССИЯ

Она и для труда, и созерцанья,
Здесь для души неспешное житьё.
Все остальные центры мирозданья –
Лишь звёздные провинции её.

Борис Константинович на протяжении многих десятилетий держал руку на пульсе своего времени, был в курсе всех общественных и творческих дел наших поэтов и прозаиков. Он был и навсегда останется в памяти собратьев по перу и его благодарных читателей совестью забайкальской литературы.

ИРИНА ФЕЩЕНКО-СКВОРЦОВА

ФЛОРБЕЛА ЭШПАНКА (1894 – 1930)

МЯТЕЖНАЯ ДУША ИЛИ МУЗА ПЛАЧА?

Во все времена и во всех странах жизнь настоящих поэтов практически всегда была трагичной. И это неудивительно, ведь для того, чтобы откликаться на космические токи – единственное, что рождает мудрые и прекрасные строки стихов, человеку необходимо иметь утончённую нервную систему, чрезвычайно чувствительное восприятие этого мира, такого жестокого к большинству людей. Родиться поэтом и посвятить себя поэтическому творчеству – платой за это, за оставленные после себя чудесные творения является для многих отказ от обеспеченной жизни, от личной жизни (все мы помним о судьбе португальского гения – Фернандо Пессоа), прохождение через тяжелейшие эмоциональные потрясения.

А если этот поэт – женщина, и она родилась в такой патриархальной стране, как Португалия начала XX века, когда женщина занимала в обществе подчинённое положение, во всём зависела от своего мужа, подвергалась жестокому осуждению общества, если она хоть в чём-то преступала его устоявшиеся за века существования суровые правила.

Именно такая судьба выпала на долю Флорбелы Эшпанки, замечательного португальского поэта, Музы скорби в португальской поэзии,

высоко чтимой и любимой многими читателями современной Португалии. Трагедия её жизни началась с её рождением, она была незаконной дочерью одного антиквара и фотографа, женатого на благородной даме, от которой у него не было детей. От бедной деревенской девушки у него родились двое детей: дочь Флорбела и сын Апелеш. Их мать рано умерла, дети воспитывались в семье отца, который официально признал её дочерью лишь через 19 лет после её смерти. Статус незаконнорождённой сыграл печальную роль в жизни женщины-поэта, а её свободолюбие, сила и яркость чувств, поиски настоящей любви привели к тому, что при жизни её сопровождала дурная слава. А как могло быть иначе, ведь она трижды выходила замуж, будучи каждый раз инициатором развода, общалась с богемой, курила. Флорбелу можно назвать первой ласточкой в борьбе португальской женщины за свои человеческие права.

Как написала во вступлении к книге сонетов Флорбелы Эшпанки, изданной в 1990 году, Мария да Граса Орже Мартинш, Флорбела всю жизнь находила убежище в своих стихах, в жажде будущего, которое «отказывалось родиться», и в печальных воспоминаниях, которые, тем не менее, смягчали боль от того, что она не принадлежала ни к какому времени, жила вне времён. Невольно вспоминается наш замечательный поэт – Марина Цветаева, которая тоже всю жизнь жила вне времени: «Время! Я тебя миную...». Флорбела обращала своё внимание на вневременные темы: одиночество, любовь, эротика, страдание, разочарование, смерть, поиски счастья, раскрывая читателям глубины мятежной и страстной женской души.

Её борьба с жизнью продолжалась 36 лет. В 1930 году в день своего рождения Флорбела покончила с собой, выпив смертельную дозу барбитурата. Родиной Флорбелы была Вила Висоза – небольшой городок, расположенный недалеко от Эворы – самого большого города региона Алентежу, который называют книгой истории и искусства Португалии. Цветком Эворы называют теперь Эшпанку.

От родной матери Флорбела получила в наследство красоту и нервную болезнь, мучившую её длительными головными болями и предрасположенностью к депрессии. Бедная женщина умерла рано, когда девочке было 11 лет. Благодаря отцу и мачехе, Флорбела получила, по тем временам, хорошее образование, в 19 лет она вышла замуж по любви.

Главной движущей силой её творчества была любовь. И это стало, думается, главной причиной, почему женщина-поэт не могла быть покорной женой, не могла жить в семье, когда любовь угасала в её душе. Может быть, она смогла бы сублимировать свою творческую энергию, если бы стала матерью, но дважды не смогла выносить ребенка. Вот

слова из её дневника, написанные в последние годы жизни: «...я хочу слишком многого, я требую слишком многого, во мне есть жажда бесконечного; моей душе всегда плохо в реальной жизни, её мучает тоска – не знаю, по чему...». Самым большим ударом для Флорбелы стала гибель её горячо любимого брата, чей гидросамолёт потерпел аварию и затонул в водах Тежу вместе с пилотом в 1927 году. После этого удара Эшпанка уже не смогла оправиться.

Флорбела оставила после себя не только совершенные по музыке и чувству сонеты, но и рассказы, переводы французских романов, она сотрудничала во многих журналах и газетах. Вскоре после её смерти, в 1930 году, Гидо Бателли, итальянский писатель и филолог, издал её последнюю книгу «Равнина в цвету» (*Charneca em Flor*), а в 1931 году вышли две книги её рассказов «*Máscaras do Destino*» и «*Dominó Preto*». Книги её продолжают издаваться по сей день, их продолжают читать, а творчество Флорбелы Эшпанки продолжает оставаться предметом филологических исследований учёных не только Португалии и Бразилии, но и других стран Европы и мира.

Я

Людским непониманием распята,
Брожу, потерянная, без пути.
Сестра, Мечта, скажи, куда идти?
За что мне эта страшная расплата?

На боль судьба куда как таровата,
Последней боли, видно, не снести...
Душа скорбящая, ты не в чести –
Немилость рока смертью чревата.

Я – тающий туман, я – тень сквозная,
Мой облик тёмн среди бела дня,
Я плачу, отчего – сама не зная...

А может, я – лишь сон, кому-то милый?
И кто-то в мир пришёл искать меня,
Но так и не увидит до могилы...

ЛЮБИТЬ!

Хочу любить, любить самозабвенно!
Саму любовь: туман и колдовство....

Того, другого, всех, о, дерзновенно –
Любить! Любить! А в сердце – никого!

Пленить? Забыть? Равно благословенно!..
Добро ли? Зло? Ну, что мне до того?
Кто скажет, что возможно одного
Всю жизнь любить, – обманет откровенно.

Одну весну встречает всякий сущий,
Чтоб петь её, желанной и цветущей, –
Бог дал нам голос, чтобы петь, любя!

Раз пеплом стать и мне на свете этом,
Пусть ночь моя зардеется рассветом,
Терять себя... чтоб отыскать себя...

ВЕСНА

Моя любовь, прислушайся, весна!
Поля сменили грубые одежды,
Сердца деревьев, полные надежды,
Открыты настежь, цветом ночь полна!

Ах! Если любишь, эта жизнь ясна.
Противятся ей гордецы, невежды.
Скользи по ней, как по морю... Но где ж ты?
Я жду тебя, мне ночь – душна, тесна.

И я снимаю свой наряд печальный,
И пахну, словно розмарин венчальный,
Ах! Голова кружится, не до сна...

Украсила я волосы цветами,
О, распусти их, заплети мечтами!
Прислушайся, любовь моя, весна!

ТИШЕ!

Судьба моя – отверженность надлома,
Ночь мёртвая, неистовая ночь,
Я – ветра стон у стен твоих, у дома,
Я – ветра плач, и мне уже невмочь.

Кто я теперь, отчаяния дочь,
Себе самой так странно незнакома,
Поглощена влюблённостью, влекома
Пить голос твой... Ну, как уйти мне прочь?

Твой голос пить – вкушать вино причастья.
Или в стихах, деля с тобою счастье,
Тонуть душой, восторга не тая...

Ты слышишь звук неясный там, на тропке?
Мои шаги... Они впервые робки.
Нет! Тише, друг! Открой же! Это я...

СЛАДОСТРАСТИЕ

С бесстыдством юности, будто в раю,
В экстазе, какие жрицам знакомы,
Тело, трепещущее от истомы,
Заложница смерти, тебе отдаю!

Меж ложью и правдой – тень, на краю
Бездны, как тучи, что ветром влекомы...
В моих поцелуях – хмель и надломы,
В них сладострастье и низость волюю!

Красны георгины в подоле платья,
Чтоб след оставляли мои объятья,
Пальцев пылающих протуберанцы!

Телесных изгибов влекут арабески
В Дантов Ад, кружиться в пурпурном блеске
С кошачьей грацией в чувственном танце...

ИСТОМА

Закат на родине... Мираж не тает,
Лилейна свежесть, облаков штрихи,
Закат пречистый, отпусти грехи!
Твой вечер Анту¹, твой, земля золотая...

¹ Антониу Нобре (1867–1900), португальский поэт, писал под псевдонимом Анту. (Прим. пер.).

Закаты нежно в памяти листаю:
Часы благословенные тихи,
И дым, и пепел, и стихи, стихи....
Часы тоски, в которых я – святая.

Сгустились фиолетовые тени,
К фиалкам глаз прильнули в томной лени,
И крылья век смежились на лету.

А рот хранит немые поцелуи,
И бархат рук, лелея и милуя,
По воздуху рисует сон – мечту.

СÓРОР САУДАДЕ¹

*Ах, Сóроp Саудаде! Если б мне
Коснуться пульса жизни Вашей странной
И сделать мир Землёй Обетованной,
Что мне порой является во сне! (Américo Durão).*

Посвящается Américo Durão.

Меня ты Сóроp Саудаде звал
Сестрой своей... А имя, Божья милость,
Как будто солнце сквозь витраж лучилось –
Свет той земли, что ты когда-то знал.

Осенним днём твой шёпот прозвучал,
В нём осени вся прелесть заключилась,
В меня вошла щемящая унылость,
Представ во мне началом из начал.

В душе моей души да не увянет
То имя дивное... Когда настанет
Пора тоски, страдания пора, –

Тихонько звуки-лепестки роняя,
Произношу, на долю не пеняя:
О, Сóроp Саудаде! О, сестра!

¹ Сóроp Саудаде (Sóror Saudade) – Сóроp переводится как сестра, это обращение к монахине; Саудаде – тоска, ностальгия. (Прим. пер.).

СПРЯТАННЫЕ СЛЁЗЫ

Желанная, была пьяна успехом,
Не знала, что в отчаянье проснусь.
Я не вернусь к блаженным тем утехам,
Я к жизни той прошедшей не вернусь.

Мой бедный рот, что цвёл весенним смехом,
Теперь чертой суровой метит грусть.
«Оставлена, забыта, ну и пусть!», –
Звучит во мне разноголосым эхом.

Задумчиво смотрю на гладь речную.
Спокойствием её себя чарую.
Но бледен мой слоновой кости лик.

Я слёзы лью, они в душе – в темнице,
Невидимым наружу не излиться,
Невидимый и горестный родник.

БЫТЬ ПОЭТОМ

Поэтом быть – быть выше, больше всех...
Как нищий царь, чьей всё подвластно воле
По обе стороны Вселенской Боли,
Дарить печаль взыскующим утех!

Входить в сердца, как почву рвёт лемех...
Кусать, как целовать! Всё в этой доле:
Желаний блеск, неведомых дотолле,
И кондора отточенный доспех!

И жаждать, и узреть иные Лики,
Шептаться с Вечностью в ночном окне...
И стон веков сгущать в едином крике!

И так любить тебя... Самозабвенно!
Ты станешь кровью и душой во мне,
Чтоб петь могла о том, что сокровенно...

МОЙ СОНЕТ

О, этот ритм, магический тотем,
Скользящих жестов ритм в моём сонете
И отклик чувств, партнёров в менюэте...
Ритм трепетный и драгоценный тем.

Глаза мои загадочней дилемм:
Восторженны, грустнейшие на свете,
Под вечер потерявшиеся дети,
Стихи никем не читанных поэм...

Магнолии моих нежнейших пальцев, –
Интриги замышлявшие у пьальцев, –
Грехом любви влачимы на помост...

И этот рот, сверкающий рассветом,
Сквозь Млечный Путь, лучась румяным цветом,
Срывает смехом лепестки у звёзд...

ДЫМ

Ты вдалеке – свет лунный не блистает,
Ты вдалеке – не свищут соловьи,
Ты вдалеке – темны пути мои,
Дни без тепла, в молчанье ночь растает!

Глаза мои... То нищие плутают
По зимней ночи... Милый, не таи:
Открыты, ласками полны твои
Родные руки, обо мне мечтают!

О плач осенних дней! Как, умирая,
Бледнеют хризантемы... Тьма сырая,
В ней скорбным жалобам – дрожать... дрожать...

Тянусь к любви! Мечта неодолима!
И вижу: это только струйка дыма...
Летит сквозь пальцы дым – не удержать...

РАВНИНА В ЦВЕТУ

Наполни грудь страдание одно,
Молю я, колдовство в себя вбирая,
Родятся розы, вереск попирая
Обугленный, уж так заведено.

Те речи, чьё значение темно,
Мне шепчут, дивно звуками играя,
И, как от ласки в неге замирая,
Всё существо моё потрясено.

Снимаю саван, точно смерть минуя,
О, ты увидишь женщину иную –
Не Сóрор Саудáде, нет, не ту...

В глазах – экстаз, в устах – огонь и сладость,
Плода под солнцем зреющая радость:
Я – дикая равнина, вся в цвету!

МОЯ БОЛЬ

О, боль моя! Суровый монастырь...
Аркад он полон, галерей и теней,
Всё – в каменных конвульсиях сплетений,
Изысканных, но мёртвых, как пустырь.

Здесь вечно слышу звуки погребений,
Читают по умершему псалтырь...
И эта ночь – огромный нетопырь –
Сулит так мало дней или мгновений...

Ты – монастырь, о Боль! Увяли в муке
Здесь ирисы под колокола звуки,
Но эта смерть чарует, как весна...

В той келье, где висит луна седая,
Я день и ночь молюсь, кричу, рыдая,
И жду: меня услышат... Тишина...

Мертвы слепцы, не видящие ясно,
Что жизнь – лишь путь, неведомый и страшный,
Тропа тревог, тропа тоски всегдашней,
Где наши чувства над собой не властны.

Мертвы, кто не трудился ежечасно,
И на развалинах мечты вчерашней
Собрав все силы, вновь не строил Башню;
Кто не смеялся, не рыдал напрасно.

Пусть, Господи, со мной случится так:
Когда умру, позволь мне превратиться
В спокойный вечер, в тень его, во мрак.

И саваном, струящимся окрест,
Овею остывающие лица
Достоинно нёсших свой нелёгкий крест¹.

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ ТЕБЕ

Подобные цветам благоуханным,
Позволь прочесть тебе вот эти строки!
На мраморе паросском несказанном
Их резала в час тёмный, одинокий.

То бархатом, для королевы тканым,
То белым шёлком льются их потоки,
Подобные цветам благоуханным,
Чтоб свёл с ума их аромат жестокий!

Любовь моя, я их читать не стану...
Подобны губы женские дурману,
Когда удержат стих, не молвят всуе!

Люблю! Но поцелуя не давала...
Стихи исполнены любви небывалой
Скрываю я в небывшем поцелуе!

¹Это единственное стихотворение женщины-поэта, включённое в «Антологию португальской поэзии», задуманной, но не законченной Фернандо Пессоа вместе с Антониу Ботту и опубликованной последним уже после смерти Пессоа, в 1944 г. (Прим. пер.).

БАШНЯ ИЗ ТУМАНА

Я вошла в мою узкую башню,
Что из лунного тумана скована,
И с мёртвыми поэтами взволнованно
Говорила я весь день вчерашний.

И звала я счастьем всё бесстрашной,
Что стихи приходят, мне дарованы,
Но заплакали от этих слов они,
Мне ответили: «Соблазн всегдашний,

О, дитя, поверь: у нас ведь тоже
Были миражи – всего дороже,
И ушли, мертвы – века, века...»

Замолчали, и луна плывёт седая ...
И с тех пор так часто я рыдаю
В Башне, что пронзает облака...

НАИБОЛЬШЕЕ МУЧЕНИЕ

Одному большому поэту Португалии

Нет мне улады ... Только плач знаком –
Всю жизнь, все дни, все ночи... О, доколе!
Ни тени беглой, где вздохнуть на воле,
Где преклонить мне голову тайком.

Утешиться б сиреневым цветком –
Нет и его, не выпросить у доли...
Ах, верно это мать напиться боли
Дала мне с материнским молоком.

Поэт! Я – лишь чертополох презренный,
Сорняк проклятый – вытоптать, спалить...
Я смех, как ты, смех горький и надменный...

Но всё ж мучительней мой жребий дикий:
Я – не поэт, как ты, мне не излить
Всю боль в стихе, во рвущем душу крике...

СКАЗКА О ВОЛШЕБНИЦАХ

Ты видишь, я несу тебе, любимый,
Забвение страдания и зла,
Смягчаю раны боль неисцелимой,
Как собственную боль я уняла.

Цветком зовусь, а взор неуголимый
Зеленоватых глаз моих дала
Художнику, чьи краски – свет и мгла –
Раскрасить ветер, по миру гонимый.

Дарю тебе владения мои:
Жар солнца, звёздный шлейф, летящий мимо,
Трепещущие на волне буи...

Со мной дарю мир света и тепла.
Я – сказка, я – тоска твоя, любимый,
Принцесса из мечты: «Жила, была...»

НЕПОСТОЯНСТВО

Ждала я любви, а она лгала.
Слишком много я от неё хотела.
Упал, построенный неумело,
Замок, который я возвела.

Столько зарниц поглотила мгла,
Поцелуев – на губах сгорело!
Снова солнце восходило несмело,
Подобное сгоревшему дотла.

А я то любила, то забывала...
Гасло солнце, другое вставало
На смутных тропках, где брожу года...

И любовь – беглянка, что ещё снится,
Подобна той, что вспыхнет зарницей,
И снова уйдёт... не знаю, когда...

КТО ТЫ

Ты – та, кто во всё привносит печали,
Всё унижает, сжигает дотла;
Кого своей дочерью боль звала;
А Бог и мужчины не замечали...

Взоры твои небосвод омрачали,
Не знаешь дорог, по каким прошла,
Тебе любовь не румянит чела,
Грустна ты и на её карнавале!

Мёртвое море, ни волн, ни приливов,
Что, как нищенка, ползёт по песку,
Горьких слёз полно и скорбных мотивов!

Ты – год, в котором нет места весне...
Во власти химеры таишь тоску,
Ты, принцесса в заколдованном сне...

Перевод с португальского Ирины Фещенко-Скворцовой

ХЕНРИК ЮХАН ИБСЕН (1828 – 1906)

Генрик (Хенрик) Юхан Ибсен – норвежский драматург, основатель европейской «новой драмы»; поэт и публицист. Родился в семье богатого коммерсанта. Начиная с 1844 года, Генрик работал аптекарем. Тогда и написал первые стихи и драму из древнеримской истории «Катилина» (1850). Драма вышла под псевдонимом и успехом не пользовалась. В 1850 году в Кристиании поставлена пьеса Ибсена «Богатырский курган». В 1852–1857 годах руководил в Бергене первым национальным норвежским театром, а в 1857–1862-м возглавлял Норвежский театр в Кристиании.

Четверть века провёл в Италии и Германии, жил в Риме, Дрездене и Мюнхене. Первыми всемирно известными пьесами стали стихотворные драмы «Бранд» (1865) и «Пер Гюнт» (1867). Самой популярной пьесой Ибсена в России стал «Кукольный дом» (1879).

МОЯ РОДИНА

Где дух стихом моим воспламенится,
там родины моей пройдёт граница.

ЛУННОЕ НАСТРОЕНИЕ

Месяц, бледный и унылый,
блещет в зимней тишине.
Если б мог он с той же силой
озарить мрак сердца мне!

Серебристыми лучами,
что пронзают ночи тьму,
утолить мои печали,
даровать покой уму!

Месяц, я покою рад,
в сердце вдруг подобно чуду
наступило просветленье.

Только если этот лад
вечным станет, я забуду
сердца лучшие мгновенья.

ЕЁ НЕТ

Закончился вечер,
и все за порог,
прощальные речи
унёс ветерок.

И тишью безбрежной
объят дом и сад,
где голос твой нежный
звучал час назад.

Да, гости, так мило,
в саду лунный свет;
она приходила,
теперь её нет.

ВДВОЁМ

Вдвоём проводили в дому они дни
зимой и осенней порою.
Но дом их сгорел, и с усердьем они
теперь на пожарище роют.

Под домом давно был зарыт ими клад,
огню неподвластное золото.
Копают они и, как прежде, хотят
привольно зажечь и богато.

Но коль и найдут они клад золотой,
что ищут с надеждой и страстью,
она не вернёт уже веры святой,
а он – их сгоревшего счастья.

В АЛЬБОМ

Я счастья вестником назвал
тебя, небесным светом.
И видит Бог, я не солгал,
ты вестник – что в пути пропал;
ты свет – который, слаб и мал,
погас и канул где-то.

РЕЗИНЬЯЦИЯ

Неужели свет, что полнит
духа тёмные края
и сверкает ярче молний,
вспыхнул для небытия?

Неужели все стремленья
были призрачной мечтой,
и души моей томленья
породили стих пустой?

Пусть же смолкнут обертоны!
Если я их не пойму,
буду я, как миллионы,
жить во тьме и кану в тьму.

ПОЛЕВЫЕ ЦВЕТЫ И КОМНАТНЫЕ РАСТЕНИЯ

– Мой друг, никогда не понять мне ваш вкус,
ну что ж, тот, кто ищет, обрящет!
Она не красавица, Богом клянусь,
и, верно, из этих, гулящих.

– Конечно, пристойнее было бы мне,
как учат новейшие драмы,
ей тех предпочесть, что зовутся: вполне
нормальные светские дамы.

Они как растенья в теплице и тут
в комфортном и славном местечке
в горшках с унавоженным грунтом растут,
согревшись у кафельной печки.

И к сроку известному каждый цветок,
блистая, выходит из спячки;
да, будь я разумней, я даму бы мог
избрать вместо этой гордячки.

Но мне всё равно, что мне скажет, кряхтя,
рассудок, тосклив и несносен;
простора она и свободы дитя,
беспечных шестнадцати вёсен!

МОЛОДОЕ ВИНО

Я бочкой с новым сусликом слыл,
вином себе казался,
я лаврами увенчан был,
играл, искрил, бродил, бурлил –
потом процесс прервался.

Вино украл какой-то гусь,
давно нет в бочке пробки,
а вместо суслика – дрянь и гнусь,
зато теперь я не взорвусь –
я распадусь на клёпки.

Перевод с норвежского Ольги Панькиной

РЕНАТ ХАРИС (род. в 1941 году)

Ренат Магсумович Харисов – поэт, лауреат государственной премии Российской Федерации, лауреат государственной премии Республики Татарстан имени Габдуллы Тукая, автор более 60 сборников стихов, поэм и пьес, либретто музыкально-сценических произведений, в том числе либретто балета «Сказание о Йусуфе» Леонида Любовского.

ЛЕТЯТ ГУСИ НА ДОНБАСС

Поэма

*Летят гуси, летят гуси
Летят гуси на Донбасс...
Татарская народная песня «Шахта».*

1.
По радио не в первый раз
слышна мне песнь простая
о том, как гуси на Донбасс
летят по небу стаяй.
Не закрывая влажных глаз,
я им шепчу в тревоге:
«Ах, гуси, гуси, мне б от вас
не отставать в дороге!..»
Но сообщает мне экран
с утра до поздней ночи,
как мучится от тяжких ран
шахтёрский край рабочий;
как он разрушен и разбит,
над ним померкло солнце,
то взрыв снаряда прогремит,
то пламя ввысь взовьётся...
Смогу ль, как прежде, я любить
вид шахт на горизонте?
Тут страшно стало людям жить –
как на горячем фронте.
Но есть надежда, что в Донбасс
придёт миропорядок,
и засияет светом глаз
народ, познавший радость.

Он вдаль шагнёт, и следом – вширь
вслед за своей Отчиной,
и вступит в бой, как богатырь,
с наглеющим фашизмом...

2.

Донбасс – чудесный край земли,
он всем открыт, как дверца,
и стихотворец Даули¹ –
жил с ним всё время в сердце.
Мы часто пели про Донбасс,
произнося в итоге:
«Ах, гуси, гуси, мне б от вас
не отставать в дороге...»
Какую песню сочинил
народ под стать былинам!
А впрочем... «Это я сложил, –
так молвил Даули нам. –
Я гениальным был тогда,
писалось мне нетрудно,
но вместо птичьего гнезда
любовь влетела в грудь мне», –
сказал со вздохом Даули
и замолчал вдруг разом,
связав своей судьбы пути
с родным ему Донбассом.

И мчались годы мимо нас
со свистом, как метели...
Ах, если б гуси те сейчас
к нам на Донбасс летели!

3.

В Царицыне (в те дни ещё
он не был Сталинградом)
Наби-детдомовец нашёл
в себе талантов клады.
Тогда ещё он был далёк
от звания поэта,
в нём тлел таланта огонёк,

¹ Наби Даули (1910–1989) – татарский поэт и прозаик, автор романов и повестей о Великой Отечественной войне и пребывании в немецких концлагерях. (Прим. пер.).

но мало было света.
Он лишь частушки сочинял,
резвясь игрой смешною,
и даже в снах не помышлял,
что встреча ждёт с войною.
Позднее он концлагеря
опишет в своих книгах,
народу правду говоря
о плена страшных мигах...

Мы помним, как зимой не раз
в морозы грел нас уголь,
и как скликал к себе Донбасс
людей, как в гости друга.
«Там в шахтах денежки гребут
огромною лопатой!» –
считал народ, берясь за труд
с приличною зарплатой.

И как-то раз Галиуллá
вслед за гусиным клином
ушёл из отчего села
путём к Донбассу длинным.
Дни жизни без Галиуллы́
для Разий – что осень,
хоть стих бы у Набиуллы́
она для сердца просит.
Та просьба грудь ему прожгла
и породила строки,
что для неё Набиуллá
сложил, как на уроке.
И от родных любовь тая,
укрывшись в уголочке,
рыдала тихо Разийá,
шепча о милом строчки:
«Летели гуси на Донбасс,
летели клином строгим.
Ах, гуси, гуси, мне б от вас
не отставать в дороге!»
И дом оставив, Разийá,
что в школе всех учила,

ушла в шахтёрские края,
к тому, кто был ей милым.

Вот так умчалась Разия́
за милым без указа
в неизвестные ей края
далёкого Донбасса...

4.
Туда же и Набиулла́
помчался за судьбою –
дорогою, что позвала
его на труд в забое.
Почувствовав, что он творец,
свои стихи листая,
Набиулла́ умчал в Донецк
вслед за гусиной стаей.
Там обошёл он все края,
чтобы узнать, где жили
Галиулла́ и Разия́,
и кем они там были.
Тогда уже Галиулла́
привык к работе трудной,
и жизнь рекою потекла
между рабочих будней.
Там слава вмиг его нашла,
светя, как «коногонка».
(А Разия́ в те дни ждала
рождения ребёнка.)

Так для Наби́ агá Донбасс
сверкнул, как слиток стали!
Ну, а его стихи для нас –
сегодня песней стали...

5.
...И вот – шёл семьдесят второй
двадцатого столетья,
что ни шахтёр здесь, то – герой,
у всех в руках – соцветья.

Встречал нас Ворошиловград¹
на радость всем народам,
и край тот цвёл вокруг, как сад
под синим небосводом!
Мы из Казани свой «салям»
везли взамен «привета»,
чтоб славу шахтам и полям
воспеть с началом лета.
У каждого букет в руках,
нам пляска всем во вкусе –
то мчимся вскачь на каблуках,
а то плывём, как гуси!
Поэт известный – Даули –
со всеми пляшет резво,
словно в глазах его зажгли
костры былого детства.
Он так в горячий раж вошёл –
что аж подошвы пухнут.
Кричит: «Не топайте так в пол –
под нами шахты рухнут!»

Ну, разве мог представить он,
что вместо Украины
здесь будет смертный полигон,
где станут рваться мины?
Вся степь под взрывами врага
стократ здесь содрогнулась...
Ну, а сейчас в Наби́ агá
проснулась его юность...

б.

...Он и в моей душе – Донбасс,
я твёрдо помню с детства,
что здесь в далёкий, грозный час
вступал в войну отец мой.
У Ка́диевки вновь слышны
и возле Лисичанска²

¹ Сегодня Ворошиловград носит имя Луганск. (Прим. пер.).

² Шахтёрские города в Донбассе: Ка́диевка и Лисичанск. Город Ка́диевка сегодня носит имя Стаханов по имени известного шахтёра Алексея Стаханова, ставшего в 1935 году родоначальником «стахановского движения». (Прим. пер.).

раскаты взрывов той войны,
что нынче к нам стучатся...

Но вот – читаем мы стихи
шахтёрам по-татарски,
нарядны, словно женихи,
и бравы по-гусарски.
Друзей стихами веселя,
мы гром оваций множим,
и словно вся в ответ Земля
нам хлопает в ладоши!
А сколько в угольном краю
татар здесь обитают,
что по-татарски и поют,
и пишут, и читают!
Затихнет вскоре шум и гам
среди тишины природной,
и успокоит души нам
глоток горилки доброй...

А на одной из шумных встреч,
каких прошло немало,
Наб́и аѓа, продолжив речь,
так обратился к залу:
«Давно хочу спросить вас я,
знакомы ли кому-то –
Галиулл́а и Рази́я,
здесь жившие как будто?..»
И встал один седой шахтёр,
сказав: «Их тут любили.
Здесь террикон есть и копёр,
где рядом они жили.
Они скрывали у себя
во дни войны еврея,
тем самым жизнь свою губя
(а новой – не имея).
Галиулл́а к тому же вёл
среди друзей соседних
кружок – вроде подпольных школ,
для новостей последних.
Ну, а однажды Рази́я
порвала фрицу в ключья

губу́ за то, что он – свинья! –
обидел её дочку.
Им стала домом вся Земля,
цветущая душисто.
А прервала им жизнь – петля
проклятого фашиста...»

...В тот день поэт наш – Даули́,
как в детстве, горько плакал,
словно ручьи из глаз текли
(не то, чтоб дождик капал!)
Он молча громыхал о стол
большими кулаками,
и на фашистов был так зол,
что рвал бы их руками!
И тайну нам открыл свою,
о давних днях тоскуя,
когда любил он Разию́,
к Галиулле ревнуя.
Он юным был и весь кипел,
и в нём любовь кипела,
и даже на дуэль хотел
его он вызвать смело...

...Сейчас – на целых двадцать лет
от Даули́ я старше!
Его давно меж нами нет,
как это было раньше.
Лишь вспомню прошлое – из глаз
слеза сама струится,
и сразу вспомнится Донбасс,
а над Донбассом – птицы.
Но стоит посмотреть вокруг,
и всё не так, как надо –
изрыт разрывами весь луг,
кругом свистят снаряды...

7.
О, мой Донбасс! В одной строке
ты стал навек воспетым.

И дед Максуд мой Сюндюклé¹
здесь тоже стал поэтом.
Мы песню «Шахта» все поём –
родную многим песню
о Татарстане дорогом,
который всем известен.
С Донбассом Даули́ дружил,
я помню, как преданье,
три слова: «Это я сложил...» –
и вслед его рыданья.
Отец мой, став в бойцов ряды,
сражался здесь с войсками,
а у меня – его следы
легли в тетрадь стихами.
В Донбассе был Хадí Такта́ш²,
Шайхи́ Манну́р, другие.
А сколько в тёмных недрах шахт
татар-шахтёров гибло!

О, мой Донбасс! Ну как, любя,
тебя я в битве брошу?
Ракеты, что летят в тебя –
мне тоже грудь тревожат.
Из-за холмов, лесов, долин
нам прямо в сердце целят –
не «Байрактáр», так «Джавели́н»,
что нас в крупницы мелят.
Дым лезет едкий тут и там,
мне щитовидку травит,
но всё ж врагам я не отдам
свой край им для расправы!
Куда ни глянь – везде они
при факелах шагают,
и их зловещие огни
мне сердце прожигают.
Но со стола стихи зовут
меня к отмщенью, веря,
что мои строчки в прах порвут

¹ Максуд Сюндюклé (1904–1981) – татарский поэт, автор множества произведений о Донбассе.
(Прим. пер.).

² Хадí Такта́ш (Мухамметхади Хайруллович Такташев, 1901–1931) – классик татарской поэзии.
(Прим. пер.).

грозившего нам зверя.
Меня ведёт наш правый путь,
я твёрдо знаю кредо,
и, клокоча, мне льётся в грудь
грядущая победа.

Донбасс родной! Ты мне как брат,
и пусть грозят нам Штаты –
я сам готов, словно «Сармат»¹,
взлетать из каждой шахты!
Я беспилотника собой
готов сменить, коль надо,
и облететь весь шар земной,
быстрее, чем торнадо.
Всё разглядят мои глаза –
что дальше и что ближе.
Но вот кому мне рассказать
всё то, что я увижу?..
Трещит от боли голова,
мелеет радость жизни.
Но всех моих стихов слова
я отдаю Отчизне.
И верю я, что впереди
нас будут ждать рассветы,
и всем вопросам, что в груди,
найдутся нам ответы...

8.

...Вот снова гуси к нам летят
обратно из Донбасса.
Кроваво замутиён их взгляд,
длинна по небу трасса.
Присядут гуси отдохнуть
возле воды все вместе,
у них ещё далёкий путь
и непростые вести.
Потом в воде и на траве
они, набравшись силы,
поднимут клином букву «V» –
словно Победы символ!..

¹ Российский стратегический ракетный комплекс шахтного базирования пятого поколения с тяжёлой многоступенчатой жидкостной межконтинентальной баллистической ракетой (МБР). (Прим. пер.).

...Есть песня «Шахта», мне близка,
и текст давно известен,
но нынче изменю слегка
я строчку в этой песне.
Тут «из» впишу я вместо «на»,
и так споём мы вместе,
чтоб всем вокруг была слышна,
словно молитва, песня:
«Летите, гуси, через сад
из края шахт донецких,
а я молю родных солдат –
не потеряйте след их!»

Перевод с татарского Николая Переяслова

ВЕРЛИБРЫ МАРИОН КОКСВИК (род. в 1939 году)

Творчество излечивает собственную душу и питает надежду найти родственную, даёт возможность найти какого-то собеседника живого или хотя бы воображаемого, каким и является читатель.

К таким неутомимым и неутомным творческим личностям принадлежит и Марион Коксвик¹, вдова выдающегося норвежского слависта Мартина Нага, энтузиаст и знаток русской литературы. В 2024 году отмечается 85-летний юбилей писательницы.

Из сб. «Элегия Дагни Юэл» (1997)

Дагни Юэл (1867–1901) – норвежская писательница, пианистка, переводчица, муза художников и писателей прекрасной эпохи. Жена выдающегося польского писателя Станислава Пшибышевского (1868–1927), яркая представительница скандинавской богемы, послужила моделью для некоторых полотен Эдварда Мунка. Супруги Пшибышевские жили в Берлине и Конгсвингере, у них в доме бывали Ибсен, Киттельсен, Вигеланд, Гамсун. Дагни – автор стихотворений, драм, новелл. Написала книгу о Теодоре Киттельсене. Переводила на норвежский язык произведения мужа и других польских авторов. Умерла при загадочных обстоятельствах в Тбилиси.

¹ Составление и примечания Элеоноры Панкратовой. (Прим. ред.).

СЛОВО

Слово было создано Всевышним
и отправилось в путь
из уст в уста.

Чтобы стать жемчужиной,
Чтобы стать навозом.

Слово умерло.
Раскаялось.
И воскресло на девятый день.

Слово о розах
Слово о перерезанных глотках.
Слова правды.
Слова лжи.

Идущие слова.
Сидящие слова.
Парящие слова.

Слова с небес.
Слова из преисподней.
Человеческие слова.
Бесчеловечные слова.
Слова от матери к дочери.

Молчание как многословие.
Покосившиеся от ветра слова.
Провоцирующие слова.

Почившие в бозе слова.
Ожившие слова.

Слова, что приходят.
Слова, что уходят.

Слова как вино.
Слова как пощёчины.

Бичующие слова.
Врачующие слова.

Из сб. «Звезда для маленькой планеты» (1998)

ПОЦЕЛУЙ

У поцелуя есть свои границы и возможности.
Он способен на террор.

Голливудские фильмы научили нас целоваться.
Начни с поверхности и двигайся внутрь.

Инструментарий, необходимый для поцелуя.

1. Язык.
2. Губы.
3. Зубы.

Сближение.
Расширение.
Возможен привкус крови.

Прикосновение бороды и вкус малины.
Аромат редкостных духов.

Головокружительный поцелуй.
Мгновенный поцелуй.
Поцелуй в стремительно несущемся поезде.

Дружеский поцелуй.
Поцелуй, исполненный страдания.
Злобный поцелуй.

Невинный поцелуй.
Язвительный поцелуй.
Поцелуй, лишенный сути поцелуя.

Уничжительный поцелуй.
Поцелуй Иуды.
Отважный поцелуй.

Поцелуй тому, кто ненавидит поцелуи.
Поцелуй с задней мыслью.

Поцелуй, который низвергает президента.
Поцелуй, который способен изменить мир.

Поцелуй, который длится всю жизнь:
Нескончаемый поцелуй.

РАДОСТЬ

Радость слушать девятую симфонию Бетховена.
Радость слушать «Песнь луны» Дворжака.

Радость видеть, что похоронная процессия такая длинная.
Радость по поводу того, что человеческая жизнь такая длинная.

Радость видеть прекрасные руины,
такие как Колизей и Акрополь.

Радость читать некрологи.
Радость читать «Коринфские письма».
Радость читать
«Даму с собачкой»
Антон Чехова.

Радость спускаться с горы Килиманджаро.

Радость пробуждаться,
когда нерождённый стих ещё лишь брезжит под веками.
Радость просыпаться после кошмара.
Радость просто просыпаться.

Радость по поводу того, что гости прекратили, наконец,
Разговор о деньгах и болезнях.
Радость от неожиданного поцелуя.
Радость от улыбки незнакомца.
Ликующая радость
услышать желанный голос.

Радость от того, что ты можешь изменить мир.
Радость при виде разрушенной стены.

Радость от того, что на твоём пути встретился старый дуб.

Радость от того, что сумела превозмочь боль.

Радость победы над унынием.

Радость здороваться с тем,

кто не ответит тебе.

Радость войти в здание,

наполненное радостью.

Радость найти радость там,

Где меньше всего

ожидаешь этого.

Радость по поводу самой радости.

Перевод с норвежского Элеоноры Панкратовой

Из сборника «Прощай столетие» (1999)

Как немного произошло

В этом столетии!

Как долго приходилось мне ждать,

Прежде чем я могла что-то с улыбкой

Написать о мире.

Я призываю тебя к ответу,

Старый товарищ,

Моё столетие.

Почему всё остаётся почти таким же, как было?

Возьмём, к примеру, психоанализ.

Эрогенные зоны

Уходят из-под контроля

И творят что хотят в Америке.

Учение о цветах спектра

Лежит в шкафу, покрываясь пылью.

Мы не обнаруживаем цветов

На своих местах
В белом солнечном свете.

Вирус чумы со времён Перикла
Так и не распознан –
Мы можем засвидетельствовать это Фукидиду.

У этого столетия
Нет своего Делакруа.

А где Моцарт наших дней?

Или Шиллер, который написал бы стихи о том,
Как голуби мира
Взвиваются над Балканами?

В нашем столетии Эвридика
По-прежнему живёт в Аиде.

По-прежнему терпят лишения дети
В Македонии, на Украине, в Корее.

По-прежнему злоба
Свирепствует неусыпно.

И только в одном
Можно быть вполне уверенными:
За каждым углом
Нас поджидает какая-нибудь беда.

МИРЫ СТИХОТВОРСТВА

Каких только не бывает стихов!

Стихи этнические.
Стихи про удар по равнинам Косова.
Стихи, равняющие стены с землёй.

Стихи как хитроумные задвижки,
Не отпускающие читателя.

Избранные стихи.
Для большинства.
Но это не для меня.

Стихи, открывающие двери.
Злые стихи,
Как сатанинские иглы.

Стихи кроткие, как взгляд Вергеланна,
С ледяными розами и бабочками.
Стихи Обстфеллера.¹

Прелюдии дождевых капель.
Стихи пустые,
Как туристические сафари,
Подбрасывание слов в воздух.

Стихи с лермонтовской грустью
И с грустью о Лермонтове.

Стихи Шиллера о звёздных туманах
И бетховенской музыке.

Стихи как орган Генделя
С кукушкой и ночным алектором.²
Стихи от Японии до Баку.

Стихи как охватившая мир новость:
Экстренное!
Экстренное!
Стихи о последнем дне Помпеи.

Из сб. «Свидание с Морем» (2003)

СВИДАНИЕ С МОРЕМ

Море – это тоже человек.
Море – это больше, нежели человек.
Море – это мой идеал мужчины.

¹ Обстфеллер Сигбьёрн (1066–1900) – поэт– неоромантик. (Прим. пер.).

² Алектор – происходит от др.-греч. ἀλέκτωρ, из ἀλέξω «обороняю», восходит к праиндоевр. *alek-* «защищать» (ср.: лит. *elkas* «священная роща», готск. *alhs* «святилище», устар. – петух. (Прим. пер.).

Море – богатырь, исполин.
У него такой хребет, что оно может держать в руках землю.

Море посватается к тебе голосом органа,
И ты не посмеешь ответить ему «нет».

Море любит молодых девушек –
Посмотри, как оно преследует наяд
По островкам и шхерам.

У моря на земле большая родня:
Шлюзы, водопады, озера и ручейки –
Это его племянники и кузены.

У тебя горе?
Подари его морскому шторму:
Слёзы твои уплывут
К немым рыбам в глубине горизонта.

Ты убил кого-то и тяготишься виной?
Выдай свое преступление морю!
Море – хороший судебный следователь
И сильный исповедник.

Я знаю много морей:
Жёлтое море,
Белое море,
Радужное море,
Море Одиссея,
Тихое море,
Норвежское море,
Увенчанное белым парусом, как чайкой.

Я ещё обладаю морем внутри себя:
Что там скрывается, за тёмными кулисами?

Подумай – ведь некоторые боятся моря.
Оно представляется им бездонным.
А мы с ним в близком родстве.
Мы – люди моря и скоро возвратимся
Назад в первоотчизну.
Я проведу с ним сеанс психоанализа.

Добудьте мне эхолоты.
Что поднимается к поверхности,
Эрос или Танатос?

В лице моря я имею машину времени.
Я могу написать несколько строк на волнах,
Но сможет ли русалка прочесть стихи?

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С МОЕЙ СТРАНОЙ?

Посмотри в глаза Норвегии.
Что ты видишь?
Лишь десяток благородных людей –
Остальные посредственности и ловкачи?
Допустим, заезжий парень, простой мужик –
Что он увидит в Норвегии?

Выбросьте свои маски – тут не бал-маскарад!
Мы не хотим, чтобы глаза наши были глухи.
Мы не хотим ни слуховых аппаратов,
Ни писателей-переводчиков.

Почему не хотим переводчиков?
А потому что мы паразиты и компиляторы.
Мы всё берём у других. Особенно в литературе.
Вот почему Ибсен писал пространные поэмы –
Чтобы никто не мог засунуть их к себе в карман
По выходе из театра.

Каков же диагноз?
ВИЧ-инфекция, рожистое воспаление, ревматизм?
Параноидальный психоз, который хватает разум за горло?

Почему норвежский флаг завис на середине флагштока?
Неужто папа навечно нас отлучил?

Как нам исцелить страну наших отцов?
Давайте избавимся от комплекса неполноценности –
Мы не Америка и не Персия.

Приляг головой на грудь Норвегии, послушай её сердце.
Как сильно стучит кровь в ушах!

У нас короткое дыхание.
Сколько можно выживать?

Коровы в Норвегии, и те поют, и у каждой застыл между рогами
вопрос.

Мы в состоянии выслушать и ответить?
Я бы теперь взвалила Норвегию себе на горб,
Отвезла бы её в Амальфи и вымыла дочиста в средиземных
водах.

Это было бы возрождение идеалов Ибсена.
Пусть земля светится от своих ледников ночи и дни
Белой скатертью свадебного застолья.

ВОСХОД СОЛНЦА

Солнце, вставай!
Что ты так лениво
Выползаешь из-за горизонта?

Тебе не хочется расцепить объятия неба
И вырваться навстречу дню?

Слышу, как ты чихаешь.
Ты простудилось?

Ты зеваешь.
Ты как усталый солдат.
Ты не выспалось?
Тебе снилась прогулка верхом на ослике вдоль Млечного Пути?

Послушай! Что там творится в Кассиопее?
Один взрыв за другим.
Не пытаются ли сверхзвёзды тебя искоренить?

Перламутровый щит преграждает дорогу,
Куда ты робко пробилось сквозь сырой лес облаков.

Вот, уже победа!
Ты расторгло мрак
И заступило на сцену планеты Земля.

Ты пишешь свой автопортрет в красных тонах.
Щедро кладёшь красный цвет,
Как Делакруа на свои знамёна.

Многие мечтают о тебе с тоской, восход.
Певучая мушка на Синайской горе.
Пальмы у Красного моря.
Усталый башмачник в Багдаде.
Мулла из мечети в Мекке.

Скорее же, солнце! Заползай к нам в окно.
Усядься за письменный стол. Пожми мою руку.
Веди по бумаге моё перо – я напишу о мирном дне.
Только восход солнца спасёт мир.

Перевод с норвежского Аллы Шараповой

ПРОЗА

ВОЛШЕБНЫЕ СКАЗКИ БРИТАНСКИХ ОСТРОВОВ

У волшебных сказок Британских островов есть свои особенности: это сочетание чудесного и обыденного, ума и наивности, хитроумия и простодушия, страшного и весёлого.

Героями британских сказок часто становятся простые люди: кузнец Робин из ирландской сказки, братья Джек и Джок из шотландской. Побеждать зло из волшебного мира и добиваться успеха в мире земном им позволяют не грубая сила, а свойства их натуры, которые зовутся умом, отвагой, добротой трудолюбием, щедростью. Джек вёл себя недостойно и потому был наказан, а Джок оказался достойным юношей и был награждён судьбой в лице Короля. Робин, чтобы спасти маленького Филиппа, рисковал жизнью, но, благодаря своей смелости и смекалке, победил жуткого великана Магона.

В сказках всегда добро побеждает зло, честный труд побеждает лень, щедрость побеждает жадность, разум побеждает глупость. Однако британские сказки не страдают излишней назидательностью, избежать этого помогает знаменитый британский юмор.

ЛЕСТНИЦА ВЕЛИКАНА

Ирландская сказка

Жил-был в стародавние времена один благородный лорд со своей женой. У них был сын семи лет по имени Филипп. Мальчик не имел ни братьев, ни сестёр и чувствовал себя очень одиноким. Он любил бегать за красивыми бабочками по своему красивому саду. Ведь бабочки и цветы были его единственными друзьями.

И вот однажды Филипп пропал, и никто не ведал, где он. Лорд разослал слуг во все концы страны, но они ничего не смогли узнать о мальчике. «Я озолочу любого, кто вернёт мне сына», – пообещал отец. Но никто не мог найти Филиппа.

В соседней деревне жил молодой кузнец Робин Келли, весёлый парень, который подковывал лошадей лучше всех в Ирландии. Станный сон приснился Робину в одну тёмную ночь. Как будто к нему явился пропавший Филипп. Мальчик с глазами, полными слёз, был очень печален.

«Великан Магон забрал меня в рабство, – рассказал Филипп. – Всех похищенных детей он держит семь лет в своём замке среди скал

недалеко отсюда. А затем отправляет их в другой дальний замок. Семь лет моей службы истекают завтра ночью. И если ты сумеешь найти меня до утра, я буду спасён».

Проснувшись, Робин решил отыскать несчастного Филиппа. Много удивительных историй слышал он о великане Магоне. В деревне часто говорили о Лестнице Великана. Такое название люди дали скалам, гигантскими ступенями поднимающимися из моря. Но никто не знал, куда ведет эта Лестница.

Кузнец собрался в путь. В последнюю минуту он прихватил свой самый большой молот. «Когда великан увидит его, он будет покладистей!» – подумал парень.

Уже наступила ночь, когда Робин добрался до Лестницы Великана. Он поднялся по ней и стал искать вход, но было слишком темно. «Наверное, я опоздал», – огорчился кузнец.

Но вдруг он увидел узкую полоску света на скале. Она становилась всё шире и шире, и дверь отворилась. Робин храбро вошёл внутрь, сжимая молот в руке. Вдруг раздался страшный гул, и ему показалось, что скалы навсегда поглотят его. Но, к счастью, этого не случилось. «Эх, Робин, Робин, – сказал себе кузнец, – почему ты не остался дома, забыв обо всех великанах и похищенных детях?»

Но тут во мраке забрезжил слабый свет. Парень двинулся к нему по коридору и достиг зала невероятных размеров. Сквозь открытую дверь Робин увидел компанию великанов, пирующих за огромным каменным столом. Во главе стола сидел сам великий Магон. Всё вокруг было покрыто толстым слоем пыли. Пылинка попала Робину в нос, и он громко чихнул.

Магон поднял голову и заметил кузнеца.

– Зачем ты явился сюда? – проревел он громовым голосом.

– Я пришёл забрать маленького Филиппа, – ответил Робин, – чей срок службы заканчивается нынешней ночью. Не собираешься ли ты задерживать его?

– Ха-ха-ха! Ты говоришь смело, – оглушительно захохотал великан, и всё вокруг задрожало. – Но ты сам должен отыскать его среди моих пажей, если ошибёшься – умрёшь. Следуй за мной.

Он привел Робина в другой громадный зал. Там находилось множество мальчиков-ровесников в зелёных костюмчиках, похожих, как близнецы.

«Кто же из них Филипп?» – подумал кузнец.

Он медленно шёл по залу рядом с великаном. Вдруг Робину пришло в голову, что надо дружески поговорить с Магоном: «Тогда он, может быть, поможет мне найти Филиппа».

– Дети выглядят красивыми и здоровыми, – обратился он к вели-

кану. – Я вижу, ты хорошо заботился о них.

– Это правда, – согласился Магон с жуткой улыбкой. – Дай мне пожать твою честную руку.

Но вместо руки кузнец протянул ему свой молот. Великан так сжал его, что мгновенно расплющил в лепёшку.

Дети, увидев это, стали смеяться. И сквозь их смех Робин слышал своё имя, произнесённое одним из мальчиков. Парень положил руку ему на плечо и сказал: «Быть мне живым или мёртвым, но это Филипп».

– Это Филипп, счастливый Филипп! – мелодично закричали дети. И сразу же зал погрузился во тьму.

Но Робин, подхватив Филиппа на руки, уверенно двинулся по тёмному коридору и навсегда покинул замок великана.

ДЖЕК И ДЖОК

Шотландская сказка

Жил да был в маленькой горной деревушке парень по имени Джек. Как-то раз сказал он матери:

– Я пойду искать своё счастье.

– Хорошо, сынок, – согласилась она. – Попробуй принести воду в решете, и я испеку тебе овсяную лепёшку. Если принесёшь много воды, то лепёшка получится большая, а если мало, то маленькая.

Парень взял решето и направился к колодцу. Там он заметил странную птицу с умными глазами. Птица внимательно посмотрела на него и сказала:

– Замажь решето глиной, тогда сможешь набрать воды.

– Глупая птица! – грубо оборвал её Джек. – Я не нуждаюсь в твоих советах.

Вся вода из решета вытекла, осталась одна капелька. Мать испекла Джеку крошечную лепёшечку, и он отправился за счастьем.

По дороге к нему подлетела знакомая птица.

– Дай мне кусочек лепёшки, – попросила она. – А я дам тебе своё перо, и ты сделаешь флейту.

– Ну уж нет, – возразил жадный Джек, – у меня лепёшка-крошка, самому не хватит.

Птица улетела.

А Джек шагал всё дальше и дальше и ушёл так далеко, что ни в сказке сказать ни пером описать. Наконец увидел он королевский дворец. Джек зашёл туда и спросил, нет ли для него работы.

– А что ты умеешь делать? – поинтересовалась дворцовая эконом-

ка.

– Баклуши бить да лясы точить, вздор плести да свиной пасти, – бойко ответил парень.

– А можешь ты зайцев пасти?

– Дело нехитрое.

– Если вечером приведёшь всех зайцев целыми и невредимыми, – предупредила экономка, – то получишь королевскую дочь в жены. А если нет, получишь синяки да шишки.

Утром Джек отправился на луг с двадцатью четырьмя здоровыми зайцами да одним хромоногим в придачу. Парень был голоден, как волк, ведь кроме крошечки-лепёшечки у него и маковой росинки во рту не было. Поэтому, недолго думая, поймал он хромоногого зайца, зажарил его на костре и с жадностью съел, обглодав до последней косточки.

Джек даже не заметил, что остальные зайцы в страхе разбежались.

Когда вечером горе-пастух вернулся один, Король страшно разгневался. Он приказал слугам отколотить Джека, как следует, и с позором выгнал вон.

Но у его матери был ещё один сын и звали его Джок.

– Матушка, – сказал он однажды. – Я пойду искать своё счастье.

– Ладно, сынок, – вздохнула она. – Попробуй принести воду в решете. Если принесёшь много воды, я испеку тебе большую овсяную лепёшку, а если мало, то маленькую.

Джок взял решето и пошёл к колодцу. Там он увидел необыкновенную птицу. Мудрая птица посоветовала ему:

– замажь решето глиной и сможешь набрать воды.

– Так я и сделаю! – обрадовался смышлённый парнишка.

Он замазал глиной дно и принёс полное решето воды. Мать испекла ему огромную лепёшку. И Джок отправился на поиски своего счастья. По дороге его догнала добрая птица.

– Дай мне кусочек лепёшки, – попросила она. – А я дам тебе своё перо, чтобы ты сделал флейту.

– С удовольствием, – приветливо улыбнулся паренёк. – Благодаря тебе я получил такую большую лепёшку.

И он щедро отломил ей половину.

– Вырви перо у меня из крыла, – продолжала птица, – и сделай себе флейту.

– Нет, нет! Не могу, ведь тебе будет больно!

– Джок-дружок, делай, что тебе говорят, – строго велела птица.

Джок вырвал перо, сделал флейту и двинулся по дороге, наигрывая весёлые песенки. Он шёл всё дальше и дальше и ушёл так далеко, что ни в сказке сказать ни пером описать. Наконец показался королевский дворец. Джок вошёл в ворота, чтобы узнать, нет ли здесь какой ра-

боты.

– А что ты умеешь делать? – спросила дворцовая экономка.

– Посуду мыть да сор выносить, полы скрести да коров пасти, – скромно ответил он.

– А зайцев пасти ты умеешь?

– Не знаю, но попробую.

– Если вечером приведёшь всех зайцев до одного, то получишь принцессу в жёны. А если нет, получишь синяки да шишки.

На следующее утро с двадцатью четырьмя здоровыми зайцами и одним хромоногим в придачу явился Джок на лужок. Он играл на флейте такие чудные мелодии, что зайцы весь день без усталости плясали вокруг него и не думали убегать! Вечером Джок привёл их всех до единого. А хромоногую зайца принёс на руках. Король сиял от удовольствия, ведь ещё никому не удавалось выдержать это испытание. Он понял, что такого умника, как Джок, днём с огнём не сыскать, и охотно отдал за него свою дочь. А юная красавица была рада до смерти, что наконец-то нашёлся для неё славный и добрый жених. Сыграли весёлую свадьбу. И Джок с принцессой зажили дружно и счастливо.

Перевод с английского Евгении Славороссовой

АНГЛИЙСКАЯ ВИКТОРИАНСКАЯ ПРОЗА

ИЗАБЕЛЛА КРЕЙГ НОКС (1831 – 1903)

Иса Нокс (урожденная Крейг) – шотландский поэт, прозаик, редактор и писатель. Она была секретарём Национальной ассоциации содействия социальным наукам и одним из первых сотрудников английского женского журнала (*English Woman's Journal*). Иса внесла свой вклад в улучшение положения женщин в викторианский период, опубликовав множество работ, специально посвящённых образованию женщин. Помимо работы в качестве первопроходца в продвижении избирательного права женщин в Англии, она также выступала против рабства.

Изабелла Крейг Нокс является автором двух серий рассказов¹, в основе которых лежат притчи (*Tales On the Parables*). Они были опубликованы в 1872–1877 гг. Как известно, парабола – литературная форма короткого дидактического повествования, которая учит нормам нравст-

¹ См. другие рассказы Изабеллы Крейг Нокс в журнале «Переводчик» № 17, 2017, № 18, 2018, № 22, 2022, № 23, 2023. (Прим. пер.).

венного поведения людей. Парабола в русском литературоведении часто переводится словом «притча». «Притча – это моральное напутствие, которое заставляет думать, понимать себя, свои поступки, вглядываясь в события, изложенные в рассказе¹». Смысл притчи кроется в раскрытии через сравнение, иносказание, на простых жизненных примерах неких исторических или идейных смыслов, подтекстов. В текстах выражается народная мудрость.

СТЯЖАТЕЛЬ

Глава I

Затяжная болезнь, медленное приближение смерти поглотили всё, чем владело семейство Бертрамов. Ещё до похорон Реджинальда Бертрама семья оставалась с пятью фунтами в кармане, и это притом, что четырёх членов семьи нужно было кормить, одевать, не говоря уже о налогах и других расходах, связанных с домохозяйством в Лондоне.

Одним словом, у семьи художника не осталось ничего, больше, чем ничего, поскольку даже их траурная одежда всё ещё не была оплачена. Единственное, что у них было – это любовь друг к другу. Маргарет выглядела величаво и очень грациозно в своём траурном наряде, а сёстры, Элис и Мэй, в чёрном были поразительно красивы. Как не простить миссис Бертрам, если она, глядя на своих дочерей, наполовину забыла о своей печали? В её глупом сердце таилась невысказанная надежда на то, что мир не должен обойтись с ними, такими одарёнными, слишком несправедливо.

На сестёр было приятно смотреть. Сама Маргарет признавалась в этом, так как она любила красоту страстной любовью художника. Какие стройные шейки обрамляли эти чёрные, траурные платья! Какой нежный румянец они оттеняли! Никакие цветы или драгоценные камни не могли сравниться с совершенным оттенком этих щёк, ярким цветом этих губ, влажным блеском этих прекрасных, выразительных глаз без малейших усилий со стороны их обладательниц. Всё это было самым замечательным свойством интеллекта и нежности в любви. Маргарет иногда удивлялась, не поразились ли сами сёстры, заглядывая вглубь своего очарования?

Элис, старшая из «хорошеньких сестёр» – их называли «хорошенькие сёстры», в отличие от Маргарет, которую можно было бы назвать надёжной, – была самой высокой и красивой, как бледная роза. Мэй сверкала больше, она обладала более лучезарным блеском голубых

¹ <https://didacts.ru/termin/pritcha.html>

глаз, более рыжим оттенком волос. В её крови было больше огня. Мэй могла поссориться, потом приласкаться и снова помириться. Элис никогда не расслаблялась, не теряла свою благородную осанку, никогда не отступала от своих правил, никогда не шла на компромиссы и принимала поклонение как должное. Они были очень красивы, но во сне их лица уже не выглядели столь совершенными, они отражали досаду. Казалось, что само их горе обратилось в досаду, которая подавлялась необходимостью соблюдения ритуала, но в случае каких-либо затруднительных обстоятельств, их недовольство в любой момент могло вырваться наружу.

Они унаследовали отцовскую чувствительную натуру – чувствительную, но не чувственную. Ни одно низменное наслаждение не затронуло душу Реджинальда. Они, его дочери, хотели так же, как и он, обладать его зрением и слухом. Они жаждали счастья, радости, новизны впечатлений, ощущения всей полноты жизни – движения и красок, песен и танцев, проведения времени в приятном обществе. А вместо этого сёстры были обречены на скуку и увядание, на отказ себе в самом необходимом, на строжайшую экономию и ещё более удручающие перспективы. Они будут вынуждены сами зарабатывать себе на хлеб. Можно было только догадываться, что бы это значило. Они были, как фрукты, которые тянулись к солнечному свету, а в отсутствии такового становились не достаточно спелыми и желанными. Казалось, что у них было естественное право на праздность и веселье – праздность для более медлительной и статной Элис; блеск, веселье – для более темпераментной и изящной в манерах Мэй. Её смех сотрясал всё её существо – глаза, губы, волосы. Её красота была взрывной, весёлой. Элис только улыбалась. Однако их судьбой были ни улыбки и смех, а убогие заботы и печали.

Когда хозяин серьёзно заболел, была отпущена единственная служанка, которая управлялась со всеми делами. Другую прислугу они не могли себе позволить. Но работа по дому – было одно, а обслуживание незнакомых людей – совсем другое. Тем не менее, нужно было что-то делать и делать незамедлительно, причём всем. Миссис Бертрам не могла сидеть без дела, когда вопрос касался её детей, но она была не в состоянии сама обеспечить их. К счастью, хотя можно было заработать немного, а расходы предстояли большие, она не собиралась бездельничать и только проливать слёзы.

Что можно было сделать в этой ситуации? Вечером, сразу же после похорон миссис Бертрам собрала своих дочерей, чтобы обсудить насущный вопрос, как найти средства к существованию. Поначалу она была выбита из колеи, но на неё было возложено бремя ответственности, и бремя ответственности казалось столь тяжким. В действительности оно оказалось ещё и очень болезненным.

– Элис могла бы работать гувернанткой, – предложила Мэй.

– И целый день чувствовать себя несчастной в полутёмной классной комнате, а после ощущать себя ещё более несчастной, – сказала Элис, не одобряя данное предложение.

– Я не вижу, что может быть лучше для тебя, – мягко сказала миссис Бертрам. – Ты можешь попасть в хорошую семью, где к тебе будут относиться, как к равной.

Твой дорогой, отец, бедняга, всегда говорил, что только вульгарные богачи плохо относятся к своим гувернанткам. Воспитанные люди ведут себя на равных с хорошо образованными девушками, которых они нанимают для обучения своих детей. Это лучше, чем работать модисткой, – продолжала миссис Бертрам, – где на тебя будут смотреть свысока. Кроме того, тебе придётся весь день находиться в душном закрытом помещении. Я знаю, что это такое, потому что работала целый сезон, чтобы научиться шить себе шляпки.

Перспектива пошива дамских шляпок вместо работы в качестве гувернантки была слишком шокирующей.

– Это, конечно, не для меня, мама. Я должна подумать, чем я могу заняться.

– Мэй будет помогать по дому, – продолжала миссис Бертрам. – Она может давать несколько уроков в день, чтобы заработать себе на платье, а я буду брать жильцов.

– Жильцов! – одновременно с неподдельным изумлением и отвращением воскликнули Элис и Мэй.

– Да. Хотелось бы знать, как ещё я могу зарабатывать? – резко спросила мать. – Мы должны платить арендную плату за жильё и ещё на что-то питаться.

Ответить на это было нечего, и миссис Бертрам продолжала:

– Мы можем сдавать гостиную и лучшую спальню или даже две спальни. Я могу сделать перестановку мебели внизу. Попробую найти приличных жильцов. Джентльмены обычно весь день отсутствуют и потом, мои дорогие, если кто-нибудь из ваших друзей решит навестить вас, им вовсе не обязательно знать, что эти комнаты сдаются.

– А Маргарет? – спросила Мэй.

Маргарет залилась краской смущения, она вся дрожала. Она трепетно любила свою мать, но по сравнению с отцом та сильно проигрывала. Она молчала, и мать в отношении неё не сказала ни слова. Предполагалось, что Маргарет сама будет решать, как ей действовать.

Так было всегда, с детства. На Маргарет возлагались гораздо большие надежды, чем на других дочерей. Она всегда была готова пожертвовать своими самыми любимыми игрушками, если они приглянулись «малышам». А «малыши» хотели иметь всё, что только они могли

получить. Ей, нежной шестилетней маме, стоило немалого труда, когда дело доходило до прощания с любимой куклой в пользу двух безжалостных тиранов. Она уже знала по своему печальному опыту, что совсем скоро её ненаглядная кукла будет смотреть на неё только одним прекрасным голубым глазом, тогда как второй глаз будет перекатываться где-то внутри куклы, а впечатлительный ребёнок не решится даже прикоснуться к своей нежно любимой игрушке.

– А что ты думаешь, Маргарет? – спросила её мать.

– Я хотела бы продолжить свою работу, мама. Хочу попробовать завершить картину папы для выставки.

Маргарет пошла по стопам отца и занималась живописью. Ей очень хорошо давались иллюстрации, но завершение картины для выставки – совсем иное дело.

– Папа рассчитывал получить за неё 50 гиней, – продолжала она не без колебания.

– Но они не дадут тебе столько, – сказала миссис Бертрам озадаченно.

– Даже если они дадут за картину только половину от этой стоимости, это уже будет кое-что, – ответила Маргарет. – К тому же она более чем наполовину написана папой. И, если удастся её дописать хорошо, она хотела сказать «так же хорошо», её могли бы продать за ту же цену. Кроме того, картина действительно папина. Он подготовил все эскизы, и я могу завершить работу, поскольку он посвятил меня в то, как он видел своё произведение.

Миссис Бертрам навела лоск в гостиной и лучшей спальне в ожидании быстрого ответа на своё объявление, которое она без всякого промедления повесила в рамке, прикреплённой к двери газетного киоска, что располагался на ближайшей станции. С новыми коврами, отполированной и обновлённой свежим ситцем и муслином мебелью комнаты выглядели вполне изысканно. Но никто пока не заинтересовался её приглашением.

По истечении месяца миссис Бертрам стала впадать в отчаяние, но когда Маргарет посоветовала ей поместить объявление прямо в окне их дома, эта идея была отвергнута с презрением. Превратить дом в обычную ночлежку! Нет, об этом нечего было и думать! Маргарет, которая не видела особой разницы между комнатами, сдающимися в наём, и ночлежным домом, промолчала и вернулась к своей работе.

Маргарет ещё не нашла постоянного заработка, что, как она скоро убедилась, было бы для неё самым лучшим. Она искала работу в каком-нибудь периодическом издании. Но начинать было очень трудно, так как ей нужно было ещё многому научиться. Тем не менее, Маргарет отважно бралась за любую работу, получая одну, другую гинейю в разных

местах. Она накапливала свою духовную энергию, настраиваясь на работу над картиной.

Наконец пришла пара, которая искала съёмное жильё. Это были леди и джентльмен. Они осмотрели апартаменты и остались довольны, по крайней мере, мужчина, поскольку женщина казалась совершенно равнодушной. В любом случае, они сняли комнаты и почти сразу же заселились. Это были уже не молодые люди, примерно сорока двух–сорока пяти лет. Она была невысокая стройная женщина с некогда прекрасными, но уже выцветшими голубыми глазами. Выражение её глаз было зорким и пронизательным, как будто она испытывала настороженную подозрительность. Черты её лица заострились, а кожа выглядела огрубевшей и потрескавшейся. Мистер Грей был полной противоположностью своей жены. Он выглядел спокойным, ухоженным и благополучным. На его гладкой коже не было ни одной морщинки. Он обладал цветущей внешностью и белоснежными зубами. Одним словом, он был привлекательным мужчиной. Люди говорили: «Он всё ещё в расцвете сил, а его жена – совершенная старуха».

Мистер Грей решил поселиться по соседству, чтобы присматривать за строительством прекрасной виллы на участке свободной земли, которую он купил. Он возводил просторный многокомнатный особняк для себя и своей бездетной жены. Ему хотелось жить поблизости, чтобы наблюдать за строительством в дневное время и быть уверенным в том, что работники не жульничают. Даже человек, лучший, чем он сам, сделал бы то же самое, уже наученный подозрительностью и горьким опытом. А этот человек смотрел на всех как на собратьев по мошенничеству и хитрости.

Грей также хотел контролировать закладку своего роскошного сада, для чего уже был нанят опытный садовник. Ему удалось сохранить прекрасные вязы для своей аллеи. Были заложены теплицы и оранжереи, поскольку хозяин планировал выращивать собственные арбузы, персики и виноград. Кроме того, он разбил розарий, чтобы наслаждаться цветами – единственное пристрастие, которое не было окрашено материальными соображениями. В этих визитах его никогда не сопровождала жена. Муж испытывал неловкость рядом с ней, поскольку без неё он всегда был любезным и общительным – таково было первое впечатление его новой домовладелицы. Симпатии миссис Бертрам были целиком на его стороне.

Миссис Грей не была его первой женой. Мистер Грей когда-то приехал из сельской местности. Это был черноволосый юноша, довольно привлекательный и необычайно тщеславный, помешанный на деньгах. Он начал работать помощником бакалейщика.

Бакалейщик был хорошим, добрым и простым человеком, к тому

же вдовцом с единственной дочерью. Молодой человек приглянулся дочери бакалейщика, и она не скрывала этого. Он был уравновешенный, хорошо воспитанный парень и отец, глядя на них, не хмурился, а с самого начала одобрительно улыбался.

А уравновешенный молодой человек почему-то забыл сказать, что в деревне он оставил весёлую и искреннюю молодую девушку, на которой уже пообещал жениться. В знак этого уговора во время их последней встречи в воскресенье, оставшись наедине, они обменялись молитвенниками.

У девушки остался его прощальный подарок – золотой медальон в форме сердечка. Она была беднее своего возлюбленного, поэтому положила в его молитвенник такое же сердечко, только вырезанное из белой тиснёной бумаги.

Дочь бакалейщика заинтересовалась его молитвенником, на титульной обложке которого значилось имя «Гидеон Грей», нацарапанное рядом с другим именем. Она попыталась выхватить у него молитвенник, но он не отдал и, как ни странно, в следующее воскресенье молитвенник потерялся.

Гидеон пошёл в церковь вместе с бакалейщиком и его дочерью. Он подал мисс Семпер руку и должно быть обронил его при выходе из дома.

Мисс Семпер ничего не оставалось делать, кроме как подарить ему другой молитвенник только в десять раз дороже. Взамен она скромно попросила его фотографию, хотя видела его ежедневно и ежечасно, подглядывая через муслиновые занавески, которые отгораживали дверь в гостиную от подсобного помещения дома.

Селина Семпер сидела в передней гостиной, над лавкой, и вздыхала по помощнику бакалейщика. Что бы она почувствовала, если бы однажды вечером увидела, как он, стоя на мосту, умышленно бросил в пенящуюся реку молитвенник, который она так жаждала рассмотреть.

Почувствовала ли девушка, чьей руки он добивался, осыпая её поцелуями и обещаниями, как в тот момент по её телу пробежали холодные мурашки? Она была слишком горда, чтобы обращаться к нему с мольбами, когда его письма стали сначала холодными, а потом и вовсе перестали приходить. Она не подавала виду, что ей было больно.

Итак, Гидеон Грей женился на болезненной и сентиментальной дочери бакалейщика. Перед смертью старик благословил их и благодарил бога за то, что он оставил своё дитя и небольшое состояние в надёжных руках.

Неверный возлюбленный оказался добрым и верным мужем. Он был преуспевающим, добродушным человеком и его миниатюрная жена была счастлива. Вот только и она, и их первенец ушли в мир иной в те-

чение одного года.

Он искренне скорбел по бедной девушке, которая любила его и угождала ему, отдаваясь ему и душой и телом, но так и умерла, не подозревая, что соблазнительной приманкой для него послужили только её деньги. И потом – его ребёнок! Когда он думал о неверности своей первой любви, его охватывал суеверный страх. И, более того, его мучил смертельный грех, который он совершил, утопив в реке молитвенник. Он гадал, приравнивается ли этот проступок к сожжению священной книги? Он мог искупить, загладить неверность, но как искупить этот грех? Его терзала мысль о совершении непростительного поступка. Кара небесная однажды настигнет его. Его процветание закончится. Он даже не отваживался думать о своём будущем. Как говорят, алчность есть идолопоклонство, а идолопоклонство и суеверие сродни друг другу.

Гидеон послал овдовевшей матери записку о своей женитьбе и пятифунтовую банкноту – первый и единственный подарок, который он когда-либо делал ей. Она поняла причину его холодности и пренебрежения и вынуждена была сказать бедной девушке, которую любила как родную дочь, об окончательном разрыве их отношений.

И когда спустя год с небольшим Гидеон вернулся в своё село, сияя благополучием, в одежде из тонкого чёрного сукна с траурной лентой на шляпе и внушительной золотой цепью, бедная матушка не могла не гордиться сыном, несмотря на его проступок.

Она ещё больше возгордилась, когда он сказал, что вернулся, чтобы поладить с Джейн и попросил её заступничества. Девушку пригласили на чай в домик матери, и примирение, не без трудностей, состоялось.

Не всё шло гладко в их отношениях после разлада и последующего примирения. Оба надеялись, что время загладит образовавшуюся трещину, и оба сожалели, что они пошли на примирение. Муж побаивался своей жены. Он знал, что она видела его насквозь. Он сам снабдил её ключиком от секретного тайника его сердца, в глубине которого скрывались подлость и фальшь.

И жена не доверяла ему. Имея столь вескую причину изначально, впоследствии она доверяла ему даже меньше, чем он того заслуживал. Она часто беспричинно ревновала его, была остра на язык и со временем делалась всё более желчной. Она была бездетной и практически не имела друзей. Джейн относилась к мужу всё более жёстко и враждебно. Она не позволяла себе ни красивой одежды, ни дорогой еды, хотя они становились всё богаче. Но при всём при этом она обладала более великодушной натурой. Это именно она терзала и стыдила его за то, что он не помогал своей матери и отправил её в богадельню, чтобы он, по

крайней мере, выделил ей хотя бы скудное вспомоществование.

Джейн Грей очень хорошо разбиралась в бизнесе и много помогала мужу в сколачивании капитала – задаче, которой они оба отдались целиком. Он продал свой небольшой бакалейный магазин и купил более просторный. Потом он стал заниматься поставкой оптовых товаров. А свободный капитал Грей ссужал нуждающимся торговцам. Он занялся скупкой жилищной собственности, пока ему не стали принадлежать целые кварталы ветхого жилья. И торговцы, которым он помогал, и строители, которых он нанимал, странным образом разорялись, лишаясь своего имущества. Гидеон Грей же при этом ничего не терял.

С ухудшением здоровья жены он оставил торговлю в своём магазине и приобщился к другому образу жизни. Гидеон приобрёл другие вкусы и привычки в отличие от тех, что были у него в юности. Всё это осталось далеко позади – в прошлом. Джейн Грей горько усмехалась, но уступала всем этим переменам. Возможно, она просто устала от борьбы. Итак, они переезжали с места на место к обоюдного неудовольствию до тех пор, пока Гидеон Грей не решил построить свой собственный особняк и они не сняли комнаты у миссис Бертрам.

В отсутствие мужа миссис Грей часами сидела в гостиной, обхватив колени руками или прижав их к левой груди, неподвижная, как сама смерть.

В самой обычной комнате сидела самая обычная женщина – сидела праздно, а что ещё можно было делать в этом мире? Нелюбимая – она не видела ни любви, ни сочувствия, ни поддержки. Она страдала от ревности и одиночества. В добавление ко всему, её терзала ужасная боль, острая, как укусы змеи. Когда она поняла, что означала эта боль, ей оставалось только сидеть и терпеливо ждать смерти. Она жаждала избавления и неистово молилась об этом.

Однажды, проходя мимо закрытой двери, миссис Бертрам остановилась и прислушалась. Она видела, как мистер Грей уходил в то утро – видела своими собственными глазами. Он хорошо позавтракал, навёл лоск и, уходя, весело пожелал ей доброго дня. И, тем не менее, в комнате с миссис Грей кто-то был, они явно ссорились. Миссис Бертрам это слышала.

– Какой смысл мучить такое несчастное существо, как я? О, какой смысл? Дай мне умереть, дай мне умереть!

Эти слова предназначались человеческому уху.

Миссис Бертрам, содрогнувшись, подумала, что женщина, должно быть, лишилась рассудка. Стоит только пожалеть мистера Грея, у которого была такая ненормальная жена.

Затем после упрёков послышалась невнятное бормотание – мольба о сострадании. В следующий момент, когда миссис Бертрам постуча-

лась в дверь и вошла, миссис Грей уже сидела, молча, как каменная, со сжатыми губами и застывшим взглядом голубых глаз.

Рассказ миссис Бертрам произвёл глубокое впечатление на Маргарет с той лишь разницей, что она предпочла пожалеть страдающую женщину, а не самовлюблённого щёголя и использовала любую возможность выказать ей своё доброе отношение.

Миссис Бертрам, с другой стороны, не теряла случай уловить хоть пару слов, проливающих свет на характеры своих жильцов. Всё, что она слышала, ещё больше утвердило её в плохом отношении к миссис Грей.

– Ты хочешь сходить и посмотреть на наш особняк? – услышала она, как однажды спросил жену мистер Грей.

– Нет, меня это не интересует, – ответила его жена. – Я никогда не войду туда.

– Глупости, Джейн! Какую новую блажь ты снова придумала? Но в этом вся ты. Как только я нахожу повод для гордости, ты непременно всё испортишь. Она, видите ли, не собирается переступить порог нового дома, – он нехорошо рассмеялся. А я говорю, что ты войдёшь туда.

– Я никогда не войду в тот дом и не покину этот, пока я жива, – сказала она медленно и отчётливо.

Затем она что-то прошептала и смолкла. В комнате повисла тишина.

На следующий день пришёл доктор и осмотрел миссис Грей, но ни она, ни её муж не обмолвились и словом об этом визите.

Что-то явно было не так, мистера Грея терзали угрызения совести. Он потерял покой. Он стал чаще приходить домой, хотя и не оставался надолго. Он хотел отправить жену лечиться за границу в карете в сопровождении одной из девушек. Он присылал фрукты и цветы, которые оставались лежать нетронутыми. Миссис Грей не хотела или не могла принять эти знаки внимания для облегчения своих страданий, хотя её муж признался, что ему будет намного спокойнее, если он сможет ей хоть чем-то помочь. Несмотря на всё это, он не потерял интереса к своему строительству, которое продвигалось под его присмотром довольно быстро.

Через какое-то время снова пришёл доктор. Он прописал большую дозу болеутоляющего средства. Под действием этого лекарства она спала ночью, а весь день проводила в странном оцепенении, сидя на стуле в гостиной.

Однажды мистер Грей не вернулся домой к обеду и появился только в ступающих весенних сумерках. Он не позвонил, чтобы зажгли свечи, и вошёл в плохо освещённую гостиную, в то время как миссис Бертрам готовилась занести свечи.

– Ты здесь, Джейн? – позвал мистер Грей. Ответа не было.

Его глаза, привыкшие к полутьме, различили её силуэт на своём привычном месте.

Вошла миссис Бертрам и осветила комнату вместе с отвратительным лицом мёртвой женщины.

Гидеон Грей громко вскрикнул и, чувствуя бесконтрольный страх, бросился вон из комнаты. Он ни за что на свете не встретился бы с этим взглядом ещё раз.

Глава II

Маргарет закончила работу над картиной отца. Этим произведением заинтересовались его друзья. Картина была принята, вывешена на обозрение публики и занесена в каталог, как работа Реджинальда Бертрама, завершённая дочерью. Кроме того, она была продана за 50 фунтов стерлингов, как и была оценена ранее. Маргарет это окрылило. Она планировала написать собственную картину, но пока мудро бралась за более рутинную работу, одновременно работала и училась.

На этот раз у неё не было заранее подготовленной темы, не было никаких зарисовок – и то и другое должно было родиться в её сердце и уме, исходя из её пока ещё не большого багажа знаний и собственного опыта. Она вступала в безграничный мир искусства, в котором единственным проводником была истина. Только слово истины должно быть слышно, а все остальные земные голоса должны смолкнуть. Несправедливость, корыстолюбие, ожесточённость должны уйти. Художник должен быть как Христианин, который приближается к главному таинству своей веры – он должен быть «в полном согласии и любви со всеми смертными».

«Природа, осмысленная любовью, есть искусство», а там, где нет любви, нет и искусства.

Существует большая разница между ремеслом и искусством, между художником и мастеровым, хотя мастеровому требуется помощь искусства, а художнику, в качестве подспорья, нужны навыки ремесленника.

Этот труд оказался гораздо более тяжёлым, чем она предполагала, так как она прислушивалась к голосу истины. Она не может и не будет писать то, что не является истинным. Маргарет была полна решимости, она просиживала день за днём, не имея никаких идей в голове, пустой, как и лист белой бумаги, лежащий перед ней, до тех пор, пока образы, вызванные её воображением, не начинали обретать форму и жить в её набросках. День за днём она работала, едва находя время, чтобы перекусить. Лето сменилось осенью, дни становились короче, а похолодание

по утрам и вечерам говорило о приближающейся зиме. Она заняла студию отца, которая располагалась наверху в мансардном помещении.

Находясь там, наверху, наедине со своими замыслами, она даже не замечала те незначительные перемены, которые происходили вокруг неё – подготовка к грядущим переменам. Сцены жизни сменяются с фантазмагорической неожиданностью и завершённой, тогда как если бы мы замечали сам процесс этих изменений, то он оказался бы таким же медленным, как выращивание колосков пшеницы.

Например, Маргарет не заметила, что мистер Грей всё больше сближался с их семьёй, его тон становился всё более дружелюбным и доверительным. Так продолжалось до тех пор, пока однажды её мать не объявила, что коль скоро он являлся их единственным жильцом, к тому же без семьи, то отныне он будет столоваться вместе с ними и проводить с ними своё свободное время.

Миссис Бертрам сказала, что для неё это будет гораздо удобнее. Мистер Грей готов хорошо платить за указанную привилегию, а она сможет держать прислугу, чтобы избавиться от грязной работы, которую ей безропотно приходилось делать самой.

Маргарет приняла это сообщение молча, как само собой разумеющийся факт, хотя содрогнулась от мысли о необходимости делить с посторонним человеком их частную семейную жизнь, вдвойне закрытую после смерти отца, поскольку их круг ещё больше сузился, когда из цепи было вынуто главное звено. Но скоро она смирилась с этим, как с любым привычным делом. На самом деле его присутствие было выгодно во многих отношениях. С материальной точки зрения им стало гораздо легче жить. Семейные трапезы превратились в более приятное занятие. Блюда готовились и сервировались тщательнее, чем обычно. Они подолгу засиживались за столом, что было для них и отдыхом одновременно.

Что касается Элис и Мэй, то здесь мало что изменилось. После нескольких слабых попыток, они отказались что-либо предпринять и, в конце концов, решили, что они будут помогать по дому. Но их помощь была смехотворно мизерна. Они проводили время за плетением кос или наряжались, прихорашивались, а потом слонялись без дела по улицам, а иной раз присаживались поиграть на фортепиано, чтобы не потерять свои навыки. Пианино стояло в гостиной, и мистер Грей обычно проводил время в их компании, слушая музыку. Он выговорил себе это право по договору об оплате за проживание.

Сёстры нашли, что этот образ жизни вполне им подходит. Они были полностью удовлетворены, их дружба стала ещё крепче. Они просто обожали друг друга без всякого лицемерия и зависти. Они спали вместе, просыпались в одно и то же время, вместе одевались и вместе

гуляли. Мистер Грей сказал, что любой, кто вознамерится ухаживать за одной из них, должен оказывать знаки внимания сразу обеим сёстрам. Он был очень добр с ними, но не выделял ни одну из них.

В конце концов его величественная вилла была завершена, и мистер Грей пригласил дам посмотреть на это сооружение, то есть он пригласил миссис Бертрам, Элис и Мэй. Мисс Бертрам также была приглашена, но ему передали, что она слишком занята.

Мэй, выражая бурный восторг, носилась по комнатам, Элис в длинных чёрных одеждах едва поспевала за ней. Они обошли вокруг красивый дом и действительно прекрасный сад, хвалебно отзываясь обо всём, что увидели, пока сердце хозяина не наполнилось чувством почти полного удовлетворения. Было ещё одно, чего он жаждал – найти хозяйку, которая бы соответствовала его особняку, найти ту, в ком красота, благородство и все добродетели сочетались бы в высшей степени.

– Я много работал, – просто сказал он. И скопил достаточно, более чем достаточно, чтобы хватило на жизнь. Теперь я хочу наслаждаться отдыхом.

– Есть, пить и веселиться, – беспечно воскликнула Мэй.

– Именно так, – ответил он, и никто не понял, какой тайный мрачный смысл он вкладывал в эти слова.

В тот день за обедом они обсуждали особняк и мебель, которая подойдёт для интерьера, и планировали немедленно отправиться к мебелировщику.

– Вы были очень заняты, чтобы присоединиться к нам сегодня, – сказал мистер Грей, увидев Маргарет. – Но, возможно, вы составите мне компанию в ближайшем будущем?

– Да. Очень мило с его стороны, она как-нибудь выберется с ним.

Похоже, что такой день всё не наступал, но мистер Грей не отчаивался. В течение какого-то времени, он оценивал трёх сестёр в своём алчном уме и, в конце концов, остановил свой выбор на Маргарет, обнаружив, что делало честь его вкусу, что она была даже красивее своих сестёр. Она была самой высокой и самой женственной из них. По его оценке, она больше всего подходила и как человек, и по возрасту (он мог бы быть её отцом); у неё был необыкновенно мягкий характер. Она проявляла уступчивость, терпимо относилась к недостаткам. Мистер Грей был проницательным наблюдателем и скоро обнаружил, что Элис склонна дуться, а Мэй будет находить поводы для ссор. Маргарет не будет делать ни того, ни другого. «Как она неутомимо работает над своей картиной, – подумал он. – Она сможет зарабатывать деньги своим трудом». Мистер Грей мог посчитать и высчитать до мелочей, как много он тратил на ведение хозяйства, хотя когда домохозяйство принадлежало ему и только ему, он не обращал внимания на расходы. «Люди де-

дают деньги на таких вещах», – полагал он, всё ещё оценивая Маргарет и её труд, хотя он не мог представить себе, какая может быть польза от такого количества картин.

Через какое-то время вилла мистера Грея была готова к переезду хозяина, и джентльмен объявил о своём намерении незамедлительно перебраться туда.

– Особняк уже полностью меблирован, не хватает только хозяйки, – сказал он миссис Бертрам игриво.

Сердце леди сильно забилося. Есть некоторые вещи, которые нельзя знать заранее наверняка. Это было как раз то, на что надеялась миссис Бертрам.

– Я думал об одной из ваших хорошеньких дочерей, – продолжал он. – Маргарет мне как раз подходит. Как вы думаете, она захочет выйти замуж за вдовца?

Миссис Бертрам вздохнула с облегчением. К Маргарет она благоволила меньше, чем к другим дочерям.

– Согласится ли миссис Бертрам замолвить за него словечко? Знаете, никакой спешки, конечно, нет, – задумчиво добавил он. – Прежде всего, я бы хотел, чтобы она увидела особняк. Думаю, что ей было бы удобно там. Я не буду возражать, если вы и её сёстры время от времени будете навещать нас и оставаться погостить.

Миссис Бертрам возненавидела его прежде, чем он закончил говорить. Это не было ненавистью негодующего великодушия по отношению к подлости, а более глубокая ненависть эгоиста по отношению к эгоисту. Она хранила его и свою собственную тайну и ни слова не сказала Маргарет. Всё шло, как и прежде. Мистер Грей вскоре попрощался и отправился в Баундери-лодж – на свою виллу с прекрасным садом. За садом простирались нетронутые поля.

В честь переезда в свой собственный особняк он устроил званый вечер, куда была приглашена вся семья Бертрамов. Миссис Бертрам была оказана честь принимать гостей. Среди приглашённых других дам не было. В основном это были мужчины среднего возраста, замечательные своей солидной конституцией и такими же размерами желудка. Единственный молодой человек среди них был тоже примечателен. Он обладал богатырским телосложением и силой. Никто не будет отрицать величия в его внушительной мужественности, даже в грубо отёсанном крупном лице, но ему не хватало изящества в манерах и приветливости. Всё в нём выражало брутальность.

Он был подрядчиком, этот мистер Тилли, и его отец был подрядчиком, он был сказочно богат. Казалось, что он был совершенно сражён красотой статной Элис и просил её петь и играть для него в течение всего вечера, как если бы там никого, кроме них, не было.

Вечеринка прошла даже лучше, чем можно было бы предположить, необыкновенная красота девушек произвела впечатление на этих неотёсанных мужланов. Довольно любопытно, но Маргарет была в фаворе у всех. Хотя она не отличалась такой яркостью, как сёстры, но в её сияющих глазах было нечто, отчего они её меньше опасались. Казалось, она смотрела на них под другим углом зрения, понимала их лучше. Она принадлежала к той материи, где, в первую очередь, правило милосердие. Их мнение ещё больше утвердило мистера Грея в его непреодолимом желании обладать ею.

Вот почему он стал почти ежедневно навещать семейство Бертрамов. С его отъездом средства, необходимые для ведения хозяйства, закончились. Гидеон Грей знал это и ждал, когда наступит его время.

На станции снова было вывешено объявление, и снова проходили недели без всякого результата. Служанке вновь было отказано от места, а Элис и Мэй вынуждены были заниматься домашним хозяйством.

Всё это время Маргарет работала как никогда, не отваживаясь даже подумать, как много зависело от её успеха. Сама мысль об этом буквально парализовала её, казалось, сковывала её воображение, заставляла руку деревенеть, как мороз сковывает реку и укрощает её течение.

Казалось, что ни Элис, ни Мэй не предпринимали ни малейшей попытки найти себе подходящее занятие, чтобы зарабатывать деньги. Мать не настаивала на этом, так же, как и Маргарет. Деликатность заставляла её молчать на этот счёт. Пища, которую они ели, одежда, которую они носили, должны были оплачиваться из её доходов. Но если бы она хоть как-то намекнула им, что они не должны зависеть от её заработка! Её приводило в трепет то, что это могло быть истолковано как недовольство. Самоуверенность явно была ей не свойственна.

Подошло Рождество, и вместо доброго веселья оно принесло нужду семейству Бертрам. Торговцы выставляли им долги по счетам, а когда оплата перестала поступать – прекратили поставки товаров. Мясник, пекарь и бакалейщик заходили только, чтобы предъявить им счета к оплате. Арендную плату они тоже задолжали, но домовладелец проявлял терпение. В худшем случае, он не был бы в проигрыше, так как мог забрать их мебель. Самой большой бедой было то, что как раз во время безденежья в холодную, морозную погоду закончилось топливо, и его нельзя было получить в долг. Остатки угля горели в камине на кухне. Больше в доме нигде не было огня.

Элис не было дома, и миссис Бертрам тоже отсутствовала, что было непривычно для неё. Мэй сидела одна у камина на кухне. «Маргарет, должно быть, умирает от холода там, наверху», – внезапно подумала она и отправилась по ступенькам наверх, в студию, где работала её сестра.

Мэй ворвалась в комнату, оживлённая, запыхавшаяся но, увидев Маргарет, похожую на смерть, она вскрикнула от страха. Руки сестры безвольно лежали на коленях, а щёки были бледны, как снег.

– Что случилось, дорогая? – закричала Мэй, обхватив её руками. – Ты заболела? Ты не должна больше оставаться здесь, наверху.

Наконец Маргарет нашла в себе достаточно сил сказать, что она очень ослабла от холода. Мэй заставила её спуститься вниз к камину, где они сели, обнявшись, и Мэй заплакала. Маргарет тоже стала сердечнее.

– О, Мэй, – сказала она. – Я чувствую себя, как будто потеряла дар к живописи. Сегодня я снова и снова пыталась писать, но когда я посмотрела на то, что получилось, то поняла, что всему этому грош цена. Что будет с нами, если у меня ничего не получится?

– Это всё из-за холода, – сказала Мэй успокаивающе. – Он приводит в оцепенение и тело и душу.

– Да, но то, что я сделала, кажется таким жалким, слабым и бесцветным, – ответила Маргарет. – Было бы хорошо, если бы я смогла найти хотя бы самую простую работу, но я не могу.

– Мне кажется, что это действительно очень трудная работа, хоть она и видится такой простой, – сказала Мэй. – Стыдно, что мы с Элис проводим время в праздности. Я хочу вносить свою лепту, – добавила она решительно.

Когда миссис Бертрам вернулась домой, ей удалось уладить дела и отсрочить надвигающуюся катастрофическую ситуацию. Снова появился уголь, мясник и пекарь тоже приходили, как прежде. В честь Рождества их порадовали кусочек ростбифа и сливовый пудинг, и даже в студии жарко горела небольшая печка. Маргарет не знала, что деньги, на которые всё это куплено благодаря усилиям матери, были заняты у Гидеона Грея. Бедная, глупая миссис Бертрам! Если Маргарет добьётся успеха, она намерена обмануть мистера Грея – выплатить ему деньги и уберечь Маргарет.

Мэй сдержала своё слово. Она осмотрелась и нашла себе место, практически она согласилась на первое предложение, далёкое от того, что в идеале рисовала себе миссис Бертрам.

Маргарет нашла временную работу, за которую получала жалование, которого едва хватало, чтобы семья хоть как-то держалась на плаву. Не раз казалось, что они подошли к критической точке в ведении домашнего хозяйства, но потом как-то удавалось свести концы с концами без обращения к дополнительным средствам. Маргарет внесла последний штрих в своё произведение, и картина была завершена. Разрываясь между надеждами и страхами, она отправила картину в самостоятельное плавание на маленьком челне, от которой зависело

так много – не меньше, чем будущее её самой и дорогих ей людей.

Но мистер Грей стал терять терпение. Когда миссис Бертрам обратилась к нему, он сказал, намекая на Маргарет: «Если у неё, как вы говорите, нет никаких возражений против меня, а я думаю, – добавил он, рассматривая себя в зеркале, – что у неё нет никаких возражений, то почему бы мне самому не поговорить с ней без проволочек?»

Миссис Бертрам заверила его, что это было бесполезно в данный момент. Она была слишком занята своей работой, чтобы выслушать его сейчас, но она уверена, что Маргарет отдаёт ему предпочтение по сравнению с другими.

Прошло две недели. Маргарет вскакивала на каждый стук в дверь. Каждая почта могла принести ей записку от секретаря по поводу её картины. Она не могла настроить себя на работу, поскольку у неё не было заказа для выполнения. Она беспокойно бродила туда-сюда и упрекала себя за нетерпеливость.

Наконец оно пришло, долгожданное письмо. Её картину не приняли.

Она напрасно потратила столько времени и труда! У неё была очень впечатлительная, кроткая и ранимая натура, которую было так легко лишить уверенности в себе. Отказ убил всю её энергию, лишил даже той небольшой веры в себя, которая у неё была.

Её мать тоже стала высказывать своё неодобрение.

– Я не думаю, что что-нибудь выйдет из твоей работы. Это всё чепуха, глупо было с моей стороны поверить в это.

– Я попробую, как Мэй что-нибудь найти, – покорно ответила Маргарет.

Это едва ли было то, чего хотела миссис Бертрам.

– Тебе нет необходимости делать это, – сказала она. – У тебя может быть собственный красивый дом, как только ты пожелаешь, и к тому же поможешь всем нам.

Маргарет выглядела ошеломлённой, но промолчала.

– Разве ты не заметила знаки внимания со стороны мистера Грея? – спросила её мать.

– Мистера Грея? – удивилась Маргарет.

– Да, мистера Грея, – ответила мать довольно резко. – Я уверена, что он проявляет достаточно внимания к тебе.

– Не больше, чем к остальным членам семьи, – сказала Маргарет. – Право, мама, я никогда не относилась к его любезности. Я думала, что его благожелательность предназначалась вам.

Эти слова были сказаны чистосердечно, но они раздосадовали и рассердили мать Маргарет. Она была жестока в своём раздражении.

– Да если бы не мистер Грей, мы бы голодали, продолжала она не-

последовательно.

Ещё один безмолвный вопрос от Маргарет.

– Я вынуждена была занять у него деньги на Рождество.

– И вы не вернули ему деньги?

На этот раз последовал безмолвный ответ. Маргарет побледнела, а затем покраснела от стыда и огорчения.

– Вы никогда не говорили мне об этом, – сказала она. – Только о том, что вы нашли торговцев, которые согласились поставлять нам продукты.

– Они не стали бы этого делать без денег, – ответила мать. – А где мне их взять?

– О, мама, давай сдадим дом и продадим всё, чтобы расплатиться с этим человеком, – вскричала Маргарет.

– А что станется со мной? Этот дом – единственная надежда хоть как-то зарабатывать на жизнь. Если мы оставим дом, то будет ещё хуже. Мы не сможем оплачивать ренту больше, чем мы это делаем сейчас.

– Что вы хотите, чтобы я сделала? – устало спросила Маргарет.

– Самое лучшее, что ты можешь сделать для себя и для всех нас, – выйти замуж за мистера Грея, – ответила мать.

– Он никогда не говорил мне об этом, – вымолвила Маргарет, с трудом веря своим ушам.

– Он ждёт подходящего момента, – ответила мать.

– Ты уверена, мама? – спросила Маргарет.

– Он сказал мне об этом, – ответила миссис Бертрам. – И если ты выйдешь за него замуж, он не будет настаивать на возвращении денег. Он также сказал, что мы всегда сможем жить с тобой.

После они обсудили этот вопрос вместе. Её собственная мать отступилась от неё.

– О, мама! Я не могу, я не могу! – воскликнула она в сильном смятении.

– Очень хорошо, – сухо сказала миссис Бертрам. – Тогда нас продадут, мы должны будем оставить наш дом и пойти по миру, потому что, я уверена, у тебя никогда ничего не получится с твоей картиной. Не могу представить, что станется с нами, – и она отвернулась от Маргарет, оставив её перед трудным выбором наедине с самой собой.

Линию горизонта жизни девушки затянуло густым туманом. Казалось, что последняя крупница веры в себя и своё будущее покинула Маргарет. Она представила, как её мать и её очаровательные сёстры окажутся на улице, как они будут опускаться всё ниже и ниже, и спрашивала себя, что будет с ними в конце? Что делают люди, когда они лишаются своего последнего прибежища, когда у них заканчивается еда?

В тот самый вечер мистер Грей заехал к ним на чай. Миссис Бертрам встретила его любезной улыбкой.

Внимательный наблюдатель отметил бы, что она явно переигрывала в своём гостеприимстве. Маргарет была неподвижна и бледна. Она едва взглянула на гостя. Это была именно Элис, кто развлекал его. Она ему льстила и была очень ласкова.

«Бедная Элис, – подумала её сестра. – Неужели она так несчастна из-за нашей бедности, что богатство этого человека соблазняет её? Лучше я буду жертвой, чем позволю ей сделать это».

К счастью, мистер Грей не выражал свои чувства открыто, но уходя, он упомянул о прекрасном букете, который собрал «специально для мисс Бертрам».

«Я проявила трусость, не решившись сказать ему, что не могу его принять, – подумала она про себя, как только он ушёл. – Я лучше умру, чем выйду замуж за него».

Она сделала последнюю неудачную попытку найти работу на ниве искусства. Её стиль был слишком строгим, чтобы быть доходчивым. В нём не было вульгарности, чтобы привлечь толпу. Она признала своё поражение.

Элис заболела, и миссис Бертрам в панике послала за доктором, услуги которого не были оплачены, но он с готовностью пришёл. Он убедил их, что болезни как таковой пока нет, но ей нужно сменить обстановку и соблюдать диету, иначе со временем у неё может развиваться туберкулёз.

Во время всех этих треволнений Элис проявляла больше выдержки, чем Маргарет могла предположить – терпение во время болезни до невозможности было трогательным, но главным было то, что болезнь можно было легко вылечить. Легко вылечить, и, тем не менее, Маргарет не могла заменить простой хлеб и слабо заваренный чай на бифштекс и куриный бульон, разве только если случится какое-то чудо.

Затем появился мистер Грей и пригласил сестёр съездить на денёк в Брайтон. Элис очень хотела поехать туда и, поскольку она не могла поехать без Маргарет, последняя согласилась. Ещё до их возвращения домой она дала согласие стать третьей женой Гидеона Грея.

После своего согласия на брак Маргарет бродила по дому, как привидение, скорее мёртвая, чем живая. Элис поздравила её с видимой искренностью и только хотела бы, чтобы жребий стать женой вдовца пал на неё. Но когда Мэй вернулась домой и услышала эту новость, она подбежала к Маргарет, принялась целовать её и, заглядывая ей в лицо, закричала:

– Дорогая, не делай этого! Не делай! Мама! Элис! Она не должна выходить за мистера Грея. Посмотрите, вот две десятифунтовые банк-

ноты. Мы, конечно же, все можем зарабатывать столько же.

– А на что покупать твою одежду? – спросила мать, которая всегда обращала внимание на мелочи жизни.

– О, да. Мне нужно дополнительно десять шиллингов на ботинки. Мои порвались в этом сезоне во время прогулок с детьми. Гарри порезал мою лучшую вязаную кофту под воланом, но этого не видно, поэтому не имеет значения.

– Элис, ты нашла что-нибудь подходящее? – закончила она.

Элис ответила:

– Нет.

– Тебе не везёт, – сделала вывод Мэй.

– Не думаю, что тебе очень повезло, – ответила Элис.

– Это лучше, чем голодать или выходить замуж за мистера Грея, – ответила сестра.

– Попридержи язык, Мэй, – властно прикрикнула на неё мать.

– Мама, – искренне сказала Мэй, когда Маргарет вышла из комнаты. – Мэджи выглядит такой убитой, не позволяй ей выходить за этого человека.

– Глупости, – ответила мать. – Элис чувствует себя плохо. У неё жар!

(Продолжение следует)

Перевод с английского Ольги Стельмак

ОУЛАВ ГЮННАРССОН (род. в 1948 году)

Оулав Гюннарссон – крупный современный исландский прозаик, автор многочисленных романов и двух книг новелл. Временем действия произведений Оулава Гюннарссона может быть как современность, так и минувшие эпохи (обычно начало или середина XX века, но исторический роман «Топор и земля» (2003) посвящён эпохе Реформации). В центре внимания в них всегда межчеловеческие отношения, которые порой могут быть весьма драматичными, даже если герои живут в безмятежной внешне среде.

На русский язык ранее переводились новеллы Оулава Гюннарссона (О. Маркеловой и Н. Демидовой) и глава из мемуарного романа «Грант для художников» (2018).

Помещаемые здесь переводы рассказов из книги «Ратная стрела» (Herörin, 2023) публикуются с любезного разрешения автора.

КАТОЛИЧЕСКИЙ СВЯЩЕННИК

Он пришёл в церковь за полчаса до начала мессы, чтобы выслушать тех, кто собрался исповедоваться и получить отпущение грехов. Его уже ждали муж с женой; ему раньше часто доводилось выслушивать их нытьё, и он не надеялся, что они сообщат ему что-нибудь значительное: это только в кино отпущения грехов просят после убийства. Он про себя вздохнул.

Мужа звали Лейв, а жену Рагна. Лейв тотчас встал со скамьи в первом ряду, как только священник направился к алтарю. Рагна продолжала сидеть на скамье и ждать. Лейв со священником взяли за руки и прошли в исповедальню. Священник надел на плечи столу и стал ждать, пока Лейв начнёт рассказывать, что у него на душе. Лейв поёрзал на сидении, перекрестился и понуро откашлялся. Он был высокий и нескладный, в очках с чёрной оправой, и его глаза за стёклами казались большими. Священник ждал, а исповедуемый потупил глаза в пол; было видно, что волосы у него редкие.

– Как давно ты исповедовался в последний раз? – спросил священник.

– Месяцев шесть назад, точно не помню.

Они ещё немного помолчали, и наконец, священник спросил:

– Что у тебя на душе?

– Меня мучит зависть. Я столяр. Мой знакомый и коллега открыл собственную мастерскую. Руки у него золотые, денег куры не клюют. У него свой особняк, шикарная машина и всё, что душе угодно. Они с женой по полгода не вылазят из поездов по заграницам. У него в Испании дом. Не понимаю, почему Бог так несправедливо распределяет блага.

Священнику захотелось сказать, что Бог не распределительный центр, но он сдержался. Вместо этого он сказал единственное, что ему пришло в голову:

– Мы не знаем, отчего некоторые богаты, а другие бедны. Иисус говорил: «А нищие всегда будут с вами».

– Я не сказал, что я нищий, просто иногда делается обидно, что я не такой обеспеченный, как многие другие.

Священник выждал ещё немного.

– А ещё женщины, – продолжал Лейв. – Например, моя свояченица. Она у меня просто из головы не выходит. А иногда мне кажется, что она со мной заигрывает. Но это, наверно, просто бред. Скорее всего, она просто проявляет ко мне хорошее отношение. Но мне снятся про неё сны, и не какие-нибудь, а про то, что я с ней сплю!

– А наяву такое случалось?

– Нет.

- Тогда попробуй выкинуть её из головы.
- Я уже пробовал. Но, как я сказал, она мне во снах является.
- Господь не осудит тебя за сны, не бойся.

Священник подумал про себя: «Всё те же мелочи, что и обычно, а сейчас он ещё и начнёт рассказывать про свою грызню с женой».

– На днях я разгневался на жену, – продолжал Лейв. – В гости пришли внуки, и я хотел, чтоб они сели ужинать вовремя, а жена подда-лась их уговорам и намазала им бутерброды за двадцать минут до того, как мы сели за стол. Ужин готовил я. И меня разозлило, что дети вяло ели. Наша дочь в разводе, и у неё трое. Они с мужем совсем не старались сохранить брак. Иначе это нельзя объяснить. Если б мне мой брак сразу надоедал, я бы только и знал, что разводиться.

– Господь желает, чтоб супруги относились друг к другу с любовью и смирением. Поминай свою жену в своих молитвах. Тогда на небесах будет великое ликование. В качестве епитимьи прочти десять раз молитву Богородице, трижды «Отче наш» и поразмышляй о страданиях Христа на кресте, – священник поднял руку и произнёс: – Отпускаю тебе грехи. Господь уже простил тебе. Ступай с миром.

Лейв поднялся и вышел. «Ну, – подумал священник, – интересно, что скажет его жена? Наверно, её до сих пор раздражает, что он выпивает рюмочку коньяка с кофе за выпуском вечерних новостей по телевизору? Надо бы не забыть помолиться за него».

Он увидел, как за дверью исповедальни кто-то движется, а потом вошла Рагна. Она была фигуристой женщиной, в волосах ни сединки, лоб закрывала чёлка, а сами волосы были насколько тёмными, что лицо казалось бледным. Она была настроена решительно. Она села, поёрзала на сидении и перекрестилась.

– Как давно ты исповедовалась в последний раз? – спросил священник.

– Где-то восемь месяцев назад, – ответила Рагна.

Священник стал ждать, пока она начнёт рассказ о своих грехах.

– Вот мой муж... Мы с ним всё время спорим. К нам на ужин пришли внуки, и когда они не сидели за столом как паиньки, он начал кипятиться. Вот что это за поведение! Бедняжки считай, что растут без отца. Они же в разводе – ну, моя дочь и этот Ари. Он с моей Аустой просто ужасно обращался, и поэтому я считаю, что Лейв должен обходиться с детьми по-доброму. А малышка Анна расплакалась и сказала: «Дедушка злой».

– Вот сейчас она заговорит про коньяк», – подумал священник.

– Я тогда почти желала, чтоб он пропустил перед ужином рюмку коньяка, тогда у него настроение было бы получше. Он не может простить себе, что четверть века назад не открыл столярную мастерскую на

пару со своим другом. И он говорит, что это из-за меня, мол, я не захотела закладывать квартиру, хотя на самом деле это он сам не рискнул. Но этот коньяк по вечерам пора прекращать! Я с обоими нашими сыновьями сходила на собрание родственников в Обществе по борьбе с алкогольной и наркотической зависимостью, чтоб выяснить, как помочь ему. Но ему всё нипочём, он так и продолжает выпивать. А стоит мне увидеть по телевизору симпатичного мужчину, скажем, Ричарда Гира, и отметить это, как он сразу начинает ревновать. Это просто смешно.

«Одна рюмка коньяка за вечер – грех небольшой, – подумал священник. – Она сейчас говорила только о недостатках Лейва, а о собственных грехах ни слова».

– Ещё что-нибудь? – спросил он.

– Кажется, я сейчас только и делала, что жаловалась на мужа. Наверно, я слишком много думаю о его недостатках и не ценю его по достоинству. Наверно, мне надо попросить, чтоб Бог простил мне это?

«А вот этим она меня удивила, – подумал священник. – Не буду её больше мучать. Тем более, уже мессу служить пора».

Он поднял правую руку и произнёс:

– Я отпускаю тебе грехи. В качестве епитимьи прочти десять раз молитву Богородице и столько же – «Отче наш». Ступай с миром. Господь простил тебе твои грехи.

Рагна поднялась. Священник снял с шеи столу и вышел из исповедальни следом за женщиной. Больше народу на богослужение не пришло. Священник отслужил мессу и сам причастился Святых Даров. Лейв и Рагна подошли к нему, и он дал им обоим причаститься.

Они прошли сквозь всё помещение церкви, и вышли на улицу. Священник убрал чашу и облатку в дароносицу. Когда он обернулся, то увидел, как в церковь вошёл человек.

«Кто это?» – подумал священник; он не помнил, чтоб видел его прежде. Он двинулся навстречу посетителю. Когда приблизился к нему, то заметил, что лицо у того одутловатое и красное: он пьян.

– Чем могу быть полезен? – спросил священник.

– Мне нужно было в церковь, – ответил тот человек. – Мне нужно с кем-нибудь поговорить.

– Вы католик? – спросил священник. К посетителю он отнёсся настороженно. От него разило вином.

– Нет; а что: чтобы сюда прийти, обязательно быть католиком?

– Наверно, для вас было бы правильнее обратиться к своему приходскому священнику.

– Я понятия не имею, кто он. Я в церкви с самой конфирмации не был.

«Как мне отделаться от этого пьянчуги?» – подумал священник.

– Вы можете меня выслушать? – спросил пьяный, опираясь на скамью. На ногах он стоял нетвёрдо.

– Да, ради бога, – ответил священник. – Но времени у меня не очень много. Давайте сядем вот здесь, впереди, у алтаря.

«Хоть бы это оказались всего лишь проблемы в браке», – подумал он.

Они прошли вперёд и сели.

– И о чём вы хотите поговорить?

– Я только что из-за границы, – сказал посетитель. – По профессии я лётчик. Работал в основном в разных странах, а на родине – нет. Я много лет служил в «Карголюксе», и Стейни Пилот – мой близкий друг. Он во Второй мировой сражался. Я работал на одну фирму, которая поставляла американцам оружие в Ирак. Я попал на трассу, которую они прозвали “The Road to Hell“. На этой дороге были убиты тысячи людей, пытавшихся спастись бегством. У них вырывало лёгкие, когда кассетные бомбы поглощали весь кислород у дороги. Мне никогда не забыть человека, который сидел у окна своей машины. Он был как кучка соли в человеческом облики. Тронешь – рассыплется в прах. И на лице зияет оскал. Это единственное, что в нём осталось человеческого. А я участвовал в поставках оружия в Ирак. Я участвовал в убийствах. Может ли Господь такое простить? Или, когда я помру, то отправлюсь напрямиком в ад?

Лётчик смотрел на священника. Священнику давно не приходилось видеть на лице человека такого ужаса. Ему стало жаль своего собеседника.

– Бог есть любовь, и милость Его наполняет землю. Если вы раскаетесь, он наверняка простит вам ваши грехи.

– А вы можете отпустить мне грехи? Я слышал, католические священники такое могут.

– К сожалению, я не могу дать вам отпущение грехов. На католиков мои полномочия не распространяются. Но я буду за вас молиться.

Он посмотрел на лётчика, но из его лица ничего невозможно было вычитать.

– Вы совсем никак не можете отпустить мне грехи? Ничего для меня не можете сделать? Даже в виде исключения?

– Увы, мне нельзя. Но, как я сказал, я буду за вас молиться. Господу ведомы человеческие сердца, и Он знает, когда преступник воистину раскаивается. Ступайте с миром и доверьтесь Иисусу.

Он поднялся, и лётчик с трудом встал. Он неловко перекрестился на алтарь.

Они подошли к выходу. Лётчик пожал священнику руку на прощание и поковылял по льду на Ландакотском лугу прочь в темноту.

Священник провожал его взглядом. «Может, стоило сделать для него исключение? – думал он. – Что сделал Христос, когда женщина коснулась края одежды Его, так что Он обессилел? Он сказал: «Я был послан не ради тебя». Женщина ответила: «Господи, но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их». На это Христос сказал: «О женщина, велика вера твоя, да будет тебе по желанию твоему»¹.

ФИЛЬМ ПРО ВИКИНГОВ

1.

Они решили сходить в Университетский кинотеатр на новое исландское кино – фильм про викингов, о котором хорошо отзывались критики. С детьми должна была остаться няня, но Бьёртн и Эдда канючили и просились с родителями.

– Это фильм для взрослых, – сказал Хатльгрим, их отец. – На него пойдём только мы с мамой. А в следующие выходные я свожу вас в кино на что-нибудь интересенькое, а потом мы, наверно, заглянем в «Кентукки фрайд чикен» и закажем гамбургеров с курятиной, картошку-фри и колу.

– Папа, обещаешь? – отозвалась Эдда Бьёрг. У неё было два имени, потому что Хатльгрим и Вигдис так и не договорились: он выбрал имя «Эдда», а она хотела назвать дочь «Бьёрг» в честь своего отца Бьёргвина.

Супруги прожили вместе уже десяток лет.

– Предлагаю ускориться, – поторопил Хатльгрим жену. – Терпеть не могу продираяться через зал в темноте, когда фильм уже вовсю идёт. Я люблю смотреть с самого начала. Если я пропущу начало, то дай бог только к антракту разберусь, что к чему в сюжете.

Вигдис стояла у зеркала в прихожей и подкрашивала глаза. Она крайне тщательно ухаживала за лицом.

– Пойди заведи машину, – сказала она. – Я мигом.

Он вышел во двор и завёл джип. Пока они ужинали, шёл дождь, а потом вдруг ударил мороз. Машина была словно облита прозрачным стеклом. Пока мотор прогревался, он достал скребок и стал чистить окна, а Вигдис тем временем заканчивала свой макияж. Фары освещали фасад их таунхауса. А над ним было чёрное вечернее небо. Наконец она вышла и юркнула на пассажирское сидение. Он к тому времени закончил отчищать окна машины и сел за руль.

– Фильм про викингов, – произнесла она. – А нам точно хочется

¹ Контаминация Матф 15:21-28 и Матф 9:20-22. (Герой рассказа неточно цитирует текст по памяти). (Прим. пер.).

это смотреть? Там где-нибудь комедию не показывают? Или хотя бы боевик?

– Или фильм про женщин, или про фашистов, – отозвался он. – Не хочу сегодня думать ни про что серьёзное. Ни про что из нашей реальности: ни про наркотики или рэкет, ни про банкротство или долги, ни про пропавших без вести. Хочу в древние времена, чтоб отдохнуть от всего этого хотя бы часика на два. Ведь мне можно, да? Пару часов в таком мире, где, если тебя предавали, ты мог дать волю рукам. Мне хочется на миг задержаться в Исландии до введения христианства. Всего на один субботний вечер. Можно ведь? Разве я многого прошу?

– Ах, милый, успокойся. Разве я не согласилась, что именно этот фильм мы с тобой и будем смотреть?

Он повернул с проспекта Кринглюмирарбрёйт на проспект Миклабрёйт. На часах было девять.

– Перед самим фильмом должны пустить рекламу, – произнёс он взволнованным голосом.

Она не отвечала. Выбор фильма её не устраивал.

– Вигдис, милая, – сказал он, после того, как ему пришлось очень долго слушать молчание. – В Университетском кинотеатре залов много. Если тебе прямо уж так не нравится фильм, на который мы собираемся, – почему бы не выяснить, что ещё там идёт? Тогда ты будешь смотреть свой фильм, а я – свой, а в антракте встретимся. Должны же там показывать какую-нибудь чепуху про любовь в твоём вкусе.

– Да угомонись ты, – сказала она. – Я не против того, чтоб посмотреть этот фильм. Я тебе уже сказала, – она красила губы, повернув зеркало заднего вида так, чтоб видеть в нём себя.

– Когда я еду по Миклабрёйт, меня всегда передёргивает от того, насколько гостиница «Сага» выше университета, – сказал Хатльгрим. – Она его просто-таки подавляет. И все уже давно могли бы это понять! Мы, исландцы, вообще не думаем, когда строим дома.

– Этого никто не замечает кроме тебя и ещё немногих, кто работает в этой твоей строительной отрасли, – ответила она, свернула помаду и убрала в косметичку. – Кто-то тут у нас хотел перенестись в древность, чтоб отдохнуть от реальности.

Хатльгрим поправил зеркало и, ничего не ответив, свернул на улицу Сюдюргата. Они приехали поздно, и парковать машину им пришлось в отдалении от Университетского кинотеатра.

– Я заскочу и куплю билеты, – сказал он. Раньше он играл в гандбольной команде «Ястребы» и был решительным, высоким и сильным.

Он спокойно прошёл ко входу в кинотеатр и бросил взгляд на гостиницу «Сага» справа – великую виновницу того, что вид на университет оказался испорчен. Когда в фойе вошла Вигдис, в очереди перед

Хатльгримом оставался только один человек. Вигдис посмотрела на плакаты на стене. Выбор был богатым: и комедия, и романтический фильм о любви, и фильм про войну. Но там висело и изображение древнего исландского идола Тора. Тот фильм назывался «Берсерк». На этот фильм они и пришли.

– Тебе хочется поп-корна или ещё чего-нибудь? – спросил Хатльгрим, когда приобрёл билеты, и они протянули их подростку у входа в кинозал. Вигдис помотала головой, так что её светлые волосы разметались по плечам:

– Нет, мы и так уже опоздали. В антракте что-нибудь купим.

Но они не опоздали на фильм. В зале всё ещё горел приглушённый свет, а на экране шли отрывки из детектива с неистовыми погонями на машинах, стрельбой и полицейским, погружающим палец в пакет с белым порошком и пробующим на вкус, не кокаин ли это. А потом из множества окон старого склада взметнулись языки пламени, и бас проговорил по-английски: “He was the man who alone dared to go up against the mob¹.” Голос окреп и добавил: “She was the woman with the courage to love him².” Затем на экране началась реклама косметики, и в полупустом зале на миг стало светлее. Наконец воцарилась полная темнота, и на экране появилось изображение идола Тора. Вдруг на идола брызнула кровь. Вигдис задумалась, не выйти ли ей потихоньку из зала за поп-корном и маленькой порцией колы. Ей хотелось пить.

Вот на экране появилось название фильма: «Берсерк» – заострёнными буквами поперёк идола, и, словно из больших глубин, выплыло слово «Исландия», затем мелькнула дата: 895.

Вигдис устроилась поудобнее на сидении и покосилась на профиль мужа, который был весь внимание. Она снова на миг задумалась, не выйти ли ей незаметно из зала, потому что в фойе висел анонс комедии, которая ей понравилась, – но исландский фильм уже начался, и лучше было бы посмотреть его, ведь, как это обычно бывает с отечественным кино, билеты на него стоили вдвое дороже.

2.

Наступил антракт. Там и тут в зале зрители стали вставать с мест.

– Ну, как тебе? – спросил Хатльгрим.

– Ну, не знаю, – ответила она.

– А мне нравится, – сказал он; ему стало обидно за «Берсерка», ведь, что ни говори, это он выбрал, на какой фильм им пойти. – Давай выйдем, купим попкорн и что-нибудь попить, или мне одному сходить и взять тебе что-нибудь?

¹ Он был человеком, который решился пойти в одиночку против толпы (англ.). (Прим. пер.).

² Она была женщиной, у которой хватило мужества его полюбить (англ.). (Прим. пер.).

– Нет, – ответила она. – Мне полезно подвигаться.

У прилавка, где продавали сласти, толпился народ; он встал в очередь и купил две больших порции попкорна и большой стакан кока-колы на двоих. Обернувшись, он увидел, что Вигдис стоит у столика и беседует с каким-то мужчиной. Он сразу узнал его: это её бывший возлюбленный по имени Гвюдни. Хатльгрим подошёл к ним и протянул Вигдис попкорн, с досадой отметив, что она слегка покраснела.

– Здравствуй, – кивнул он её бывшему возлюбленному.

Гвюдни ответил на его приветствие:

– Вечер добрый.

– Ты про викингов смотришь? – поинтересовался Хатльгрим.

– Нет, – ответил Гвюдни. – Я отечественное кино вообще не смотрю. Меня исландские актёры просто бесят. Они вечно переигрывают. Прямо как будто в сельском клубе выступают. Английское кино лучше будет: в Англии же такая богатая традиция актерского мастерства.

Хатльгрим замолчал, на его лице отразилось замешательство. Он не решался вступать в споры с бывшим возлюбленным своей жены, который, насколько он знал, по образованию был театровед.

– Как дела в строительной отрасли? – спросил Гвюдни.

– Да, честно говоря, не ахти как, – ответил Хатльгрим, потягивая напиток через трубочку.

– В этом фильме последняя сцена перед антрактом – полная безвкусица, – сказала Вигдис.

– Да ну? – быстро спросил её муж.

– Заставили голую женщину скакать верхом без седла, чтобы расшевелить мужика.

– Похоже, я ничего интересного не пропустил, – ухмыльнулся Гвюдни.

– Тебе такое кино смотреть не опасно, – ответил Хатльгрим. – Потому что женщина, которая скачет верхом – это шведская актриса. А значит, за ней не стоит исландской традиции актёрского мастерства, которой ей пришлось бы стыдиться...

– Ну, – добавил он. – Не хочу ничего пропустить, особенно – если её снова покажут голую верхом на лошади. – Он усмехнулся.

– А с вами я прощаюсь. – И он ушёл, унося попкорн и колу.

В зале ещё не погасили свет, когда вошла Вигдис, села с ним рядом и зло произнесла: «Ну почему тебе обязательно надо вести себя так пошло и так по-хамски?»

Он хотел было ответить, но не стал: на экране ожил фильм, и было так восхитительно снова перенестись в 895-ый год.

3.

Титры с именами всех, кто работал над фильмом и его краткой версией, бежали вверх по экрану на фоне викингов, которые подтягивали паруса к реям и выплывали из фьорда при попутном ветре. В горах удлинялись тени, а поверхность фьорда становилась серой.

Вигдис и Хатльгрим вышли из Университетского кинотеатра под плакатом, изображавшим Халльгерд на борту корабля викингов, державшей свою дочь за плечи.

Пока они были в кино, выпал снег. Город и машины на стоянке осыпала сверкающая пороша. Хатльгрим вскочил в джип, завёл мотор и открыл пассажирскую дверь для жены. Он достал скребок, вышел и стал чистить стекло. Тут и там со стоянки разъезжались машины, они растянулись длинной вереницей до самого выезда на улицу Сюдюргата. Отчистив окна, он сел за руль.

– Ерунда полная, – сказала Вигдис. – Почему я должна верить, будто женщина могла оттяпать голову собственному сыну, чтобы отомстить мужу?

– Тогда времена были другие, – ответил Хатльгрим. – Да и к тому же, этот Хёскульд, её муж, убил её жениха. Стоит ли удивляться, что она нанесла ему удар в самое чувствительное место, убив сына, которого он горячо любил?

– Какая женщина, по-твоему, станет убивать собственного ребёнка? Они думают, что я в такое поверю?

– Я же говорю: тогда времена были другие. Это дохристианская эпоха. Там же всё доходчиво показали: мальчик сам хотел умереть, дабы вызволить свою сестрицу и попасть в Вальгаллу.

– Что-то ты слишком поддерживаешь эту женщину из фильма, – ответила она. – Даже в каком-то древнем стиле заговорил.

Он не ответил, потому что въехал на перекрёсток с круговым движением и стал ждать, когда ему дадут свернуть на Хрингбрёйт. Пока он осматривался по сторонам, в его поле зрения попал профиль жены. Вигдис была хмурой.

– Ну это же просто фильм! Не надо принимать его так близко к сердцу!

– Ничего я не принимаю близко к сердцу. Это ты себя странно ведёшь: этой женщине из фильма прощаешь всё, а мне ничего.

– О чём это ты? – стал раздражаться он. – Что за вздор?

– Просто тебе не понравилось, что я в антракте с Гвюдни разговаривала.

Он засмеялся:

– С Гвюдни-то? Я на него не злюсь. Если на то пошло, мне он даже симпатичен.

– Это что-то новенькое, – ответила она, вынула сигарету из пачки в своей сумочке и зажгла. – Я просто не понимаю, зачем ты так безобразно себя с ним вёл.

– А я думал, ты курить бросила, – сказал он.

– Ну, покуриваю иногда, – ответила она. – Тебе-то что?

– А я думал, ты бросила, – сказал он. – Я не знал, что у тебя такие тайны. И к тому же, я себя вёл ничуть не безобразно. Твой Гвюдни – просто сноб, – Хатльгрим скорчил дурашливую физиономию и произнёс, подражая голосу Гвюдни: – «В Англии, в отличие от нас, такая богатая традиция актерского мастерства, ля-ля-ля».

Но вот он снова принял серьёзный вид.

– Исландские актёры лучше английских. Во всяком случае, не уступают им.

– Просто дико слышать, как ты ревнуешь.

– Я ни капельки не ревную, хотя тебе как раз этого и хочется. Подумаешь, встретила бывшего жениха, мне-то какое дело.

– Ах, милый, я не хочу ссориться, – ответила она.

– Да тут никто не ссорится, кроме тебя, – весело ответил он.

Она открыла окно и выкинула окурочок. Пока он вёл машину по проспекту Миклабрёйт к дому, оба молчали. Поскольку она не нарушила молчания, он спросил:

– А что у нас на воскресный ужин?

– Мы же решили, что бараний окорок. Ты не купил окорок?

– Вигдис, – произнёс он. – Я хочу раз навсегда дать понять, что не позволю возводить на меня обвинения в том, что я якобы ревную, из-за того, что ты пообщалась с бывшим возлюбленным в антракте. Мне на это наплевать. Ведь я сам тебя у него когда-то увёл. Так что, пожалуйста, не накручивай себя, – ласково проговорил он. – Иначе все выходные насмарку. Милая, прошу тебя. Если не ради меня, то хоть ради детей.

– Он снял руку с руля и положил ладонь ей на колено, но она крепко взяла его за запястье и убрала его руку со своей ноги.

Остаток пути до дому они молчали. Он припарковал джип, а она вышла из машины раньше него и гордо прошествовала к дверям, а волосы у неё развевались.

– В чём дело? – бормотал он, плетясь за ней. – Что вообще происходит? Что я такого натворил?

В прихожей он столкнулся с заспанной нянькой. Когда он разделся и разулся, то заметил, что Вигдис сбросила своё пальто, выхватила из холодильника окорок и отнесла на разделочный столик у раковины на кухне.

Она стояла над окороком, положив обе руки на столешницу, и во-

лосы закрывали её лицо.

Он заглянул в комнату детей, которые спали каждый в своей кровати, и посмотрел на них. Потом он направился в супружескую спальню, разделся и улёгся под одеяло. Едва он закрыл глаза, как перед ним встала шведская актриса, голая верхом на коне. Он захотел свою жену, но гордость не позволила ему просить её лечь к нему в постель. Она мигом догадается, из-за чего у него возникло такое желание. Ему удалось расслабить тело. Его последняя мысль, перед тем, как он заснул, была: «Она покраснела».

Вигдис долго стояла над окороком. Затем она положила его на деревянную разделочную доску, взяла топорик для разделки мяса и головку чеснока, отделила зубчик и очистила от кожуры. «Десять лет, – пробормотала она себе под нос. – Десять лет впустую». Затем она раздражённо крикнула: «Хатльгрим! Мне окорок чесноком напшиговывать?»

Он не отзывался.

Тогда она крикнула ещё громче: «Хатльгрим! Отвечай: мне чеснок в окорок класть?» Он не ответил, и она прошагала в коридор и шумно ступила на порог спальни, чтоб повторить свой вопрос.

Он уже спал. И спал на удивление спокойно. Как будто так мирно спать для него было нормально. Она немного постояла, смотря на мужа.

Она пошла в комнату детей; они тоже сладко спали. Она стала смотреть на сына – и обнаружила, что всё ещё держит в руке топорик для мяса. Она вышла из комнаты, осторожно закрыв за собой дверь, вбежала в кухню со всё нарастающим чувством страха и отшвырнула топорик в раковину. «Нет!» – прошептала она и прикрыла рот рукой.

– Нет! Я никогда, никогда не смогла бы так поступить!

Перевод с исландского Ольги Маркеловой

ИТАЛЬЯНСКИЕ СКАЗКИ

ГВИДО ГОЦЦАНО (1883 – 1916)

КОРОЛЕВИЧ-РАК

Три дня оставалось королевичу Сансонетто до восемнадцатилетия – возраста, когда, по законам королевства, он может вступить в брак. Радостный, стоял он на террасе своего дворца, с нетерпением ожидая

того дня, когда он женится на Бьянкабелле, красавице принцессе памерийской, с которой был обручён с детства. Чтоб скоротать время, он жевал вишни, а косточки от них – с помощью рогатки – метал в прохожих. Прохожие поднимали головы, но как только узнавали озорника, почтительно склоняли их... Королевич хохотал, и вместе с ним хохотали придворные.

Прошла седовласая старушка с огромным тёмно-лиловым носом. И королевич радостно заорал: « О, кума Перец!» И тут же вишнёвая косточка полетела ей прямо в нос.

Старушка потёрла ушибленный нос, вся дрожа, наклонилась к земле, подняла косточку, сжала её между двумя пальцами и тут же метнула в наследника престола. Из уст придворных вырвался взрыв негодования, и сто охранников пустились в погоню за старушкой. А старушка – это была волшебница Назута – свернула за угол и исчезла.

Королевич Сансонетто от резкого удара косточки в нос вдруг зашатался, как при головокружении, а затем начал хохотать, сжимая уши.

Обеспокоенные, придворные с испугом посмотрели на него.

– Что случилось?

– Я чувствую... чувствую...

Королевич хохотал и хохотал, не в состоянии ничего ответить.

– Что случилось?

– Я чувствую... я чувствую, что время повернулось вспять. Время повернулось вспять! Надо же! Вот забавно.

Придворные решили, что он сходит с ума. Но когда королевич попытался сдвинуться с места, все увидели, что он пятится задом, и чуть не лопнули со смеху.

– Королевич, что это значит?

– Это... это... я не могу идти вперёд.

Он продолжал смеяться. Но когда попытался переставить ногу, то не смог пройти ни шагу и попятился назад подобно раку... Когда же он попытался направить вперёд свой взор, у него вновь закружилась голова.

– Время повернулось вспять! Что за странное явление! Как это забавно, друзья мои!

Придворные хохотали, и он хохотал вместе с ними.

Все решили, что он действительно сошёл с ума.

II

Нет, он не сошёл с ума. Самые знаменитые придворные доктора констатировали: королевич становится всё моложе и моложе. Это была совершенно новая, доселе неизвестная болезнь, против которой наука

бессильна. А королевич всё молодел и молодел, вот он уже достиг семнадцати лет, затем шестнадцати, пятнадцати. Со дня на день он становился всё меньше и меньше. Исчезли появившиеся было пшеничные усики. Лицо приобретало детское выражение. Сансонетто был в отчаянии.

Бракосочетание с Бьянкабеллой сначала откладывали, а затем и совсем отменили. Памерийский король отказался благословить свою дочь на брак с Сансонетто.

– Как могу я отдать вам, мой сын, Бьянкабеллу? Через несколько лет вы станете мужем-дитятею, затем мужем – грудным младенцем и наконец, новорождённым. А потом... вообще исчезнете... в никуда.

Бьянкабелла по настоянию отца вернула обручальное кольцо, но, прощаясь с Сансонетто, горько плакала и клялась быть верной ему до конца жизни.

– Я дождусь, когда ты исцелишься от этой болезни. Возьми своё кольцо. Оно будет сильнее сжимать твой палец, если моя верность по отношению к тебе не сможет выдержать испытаний, которые выпадут на мою долю.

III

Рыдая, Сансонетто бегал задом наперёд из комнаты в комнату, по саду и с досады рвал свои белокурые локоны. Как разыскать эту насмешницу-старушку, умолить её вернуть свои восемнадцать лет, освободить от злых чар? Король и королева пообещали полкоролевства тому, кто предоставит какие-нибудь сведения о старушке, околдовавшей их чадо. Но её никто нигде не встречал.

Сансонетто, чтобы хоть как-то отвлечься от своего недуга, ездил на охоту. Он скакал задом наперёд, потому что такая же рачья болезнь охватила его верховую лошадь.

Крестьяне, которые наблюдали, как на горизонте появлялся рыцарь в шляпе с пером верхом на лошади, скакавшей задом наперёд, осеняли себя крестным знаменем, опасаясь дьявольского наваждения.

Как-то раз королевич заметил в лесу среди вековых елей малюсенький домик с одним окошком. Из окошка, улыбаясь, смотрела на него старушка. Он узнал её. Сансонетто опустился на колени у порога её домика.

– Бабушка! Бабуля! Верни мне нормальный ход времени и нормальную походку!

– Для этого ты должен принести мне косточку, которая попала в тебя в тот день.

– Если только это... вы получите её.

Сансонетто вернулся во дворец. Но как найти именно ту косточку, четырёхлетней давности? И он решил взять первую попавшуюся, принёс её в лес и прямо на ладони показал старушке. Она только посмотрела из окна и вымолвила:

– Сын мой, это не она. На той косточке выгравированы слова, известные только мне...

Королевич вернулся во дворец и попросил короля с королевой отпустить его на поиски косточки-спасительницы. Он смутно помнил, как косточка, отскочив от террасы дворца, полетела в сточную канаву.

Он исследовал сточную канаву вплоть до самого устья. В ужас пришёл от пенистых вихреобразных потоков. Пролетела стрекоза, сверкая как изумруд.

– Что с тобой, милое дитя?

Его уже называли дитятею! Как быстро он молодеет! Сансонетто вздохнул:

– Я становлюсь с каждым днём моложе и моложе.

– Это очень плохо, мой мальчик.

– Очень плохо! Через несколько лет я стану грудным младенцем, потом новорождённым и, наконец, вообще исчезну. Спасти меня может только косточка волшебницы Назуты. Ты не видала её?

– Нет. Но я слышала о ней от моих стариков. Очень странная косточка, на ней нанесены какие-то загадочные слова. Она покатила к морю.

По сточному потоку Сансонетто направился к реке, которая привела его к морю. От бесконечной голубизны он вновь пришёл в отчаяние и рухнул на прибрежный песок. Королевич зарыдал, глядя на бующие волны, и слёзы – одна за другой – покатались в воду.

– Кто ты, милый мальчик?

По золотому песку медленно передвигалась морская звезда.

– Я тот, кто всё время молодеет.

– Это очень плохо, дитя моё.

– Очень плохо! Стану новорождённым, затем исчезну вовсе, если не найду косточку волшебницы Назуты.

– Это ту странную косточку, на которой выгравированы слова – не помню какие? Я видала её... когда-то. Её проглотил мой друг фламинго. Подожди немного – и я его пришлю сюда.

Королевич ждал три дня. Наконец появился бело-розовый фламинго на длиннющих ногах.

– Да, я проглотил косточку. Но затем улетел на юг и выплюнул её в горах Сории, в саду свирепого великана Марсилио. Победить его сможет лишь тот, кому удастся вырвать зелёный волосок из его мощной рыжеволосой гривы.

На торговом судне отправился королевич в Сорию и достиг её через семь недель. Все, к кому он ни обращался с вопросом, как найти Марсилио, бледнели, ошеломлённые.

– Великан никого не подпускает к себе. Каждый день гибнут отважные рыцари, осмелившиеся приблизиться к его владениям.

– Я осмелюсь... и одержу победу. Таков мой жребий.

И королевич Сансонетто продолжал свой путь. Он достиг, наконец, королевства великана Марсилио.

Над долиной возвышался замок со ста башнями, утопавшими в огромных садах и окружёнными высокими крепостными стенами. Повсюду валялись кости тех смельчаков, которые отважились бросить вызов чудовищу-великану.

Сансонетто затрубил в рог, вызывая великана на битву.

Одна из массивных дверей открылась – и вышел полуголый великан без всякого оружия. Ехидная улыбка пробежала по его лицу, едва он увидел Сансонетто.

Королевич бросился на него, во все стороны размахивая острой шпагой. От великана отлетали то рука, то нос, то подбородок. Но он спокойно поднимал их с земли и возвращал на прежнее место.

Сансонетто целился в голову великана, буквально подпрыгивая на своём горячем коне. Дважды голова сваливалась с плеч великана, но он, лишь чуть наклонившись, поднимал её и тут же водружал на свои могучие плечи. Когда она в третий раз слетела с великаньих плеч, королевич упёрся в голову обеими руками и покатыл её по ложине прямо к склону горы. В невероятной спешке он стал отыскивать в мощной рыжей гриве зелёный волосок. За спиной он всё время чувствовал приближение обезглавленного чудовища, ощупью преследовавшего его.

Великан приближался, а королевич никак не мог отыскать этот смертоносный волосок. Тогда он достал шпагу и несколькими ударами обрил всю великанову голову, ото лба до затылка. Вместе со всей мощной гривой вырван был и зелёный волосок. Голова побледнела, в глазах появилась жуткая дрожь, и Марсилио, который вслепую блуждал вокруг Сансонетто, с резким шумом повалился на землю. Он был мёртв.

IV

Путь в королевство Марсилио был открыт. Сансонетто вошёл в сад, нашёл то место, которое указал фламинго. Но за пять лет косточка превратилась в высоченное вишнёвое дерево со сверкающими, как рубины, плодами.

Сансонетто съел одну вишенку, другую и ещё одну. На каждой косточке было выгравировано: «Зерно дерзости».

И вдруг Сансонетто почувствовал что-то вроде головокружения, Он закрыл глаза. А когда открыл, обнаружил, что находится перед жилищем волшебницы Назуты и старушка улыбается ему.

Он осмотрелся, ощупал себя... Да, он вновь стал таким, каким был накануне бракосочетания, восемнадцатилетним юношей с пробивающимися пшеничными усиками. Попытался пройтись... Да, да, он освободился от нелепой рачьей походки задом наперёд.

– Ты искупил свою вину, – сказала старушка. – Сохрани вишнёвые косточки-спасительницы и посеяй их в своём саду.

– Благодарю тебя, милая бабушка. Бабуля...

Королевич поцеловал волшебницу, но вдруг почувствовал, что обручальное кольцо, которое дала ему Бьянкабелла, больно сдавило палец.

– Ох, волшебница! Верность возлюбленной моей не выдерживает выпавших на её долю испытаний.

– Может быть. Но... мужайся. Возьми оружие и спеши во дворец. Я помогу тебе.

Сансонетто вооружился до зубов и пустил коня в галоп. Он чувствовал, как кольцо всё сильнее и сильнее сжимает его палец.

– Она устала от долгого ожидания. Только бы успеть, только бы прибыть вовремя...

Памерия, украшенная флагами, ликовала.

– По какому поводу? – спросил он.

– Вот уже целую неделю в королевском дворце состязания. Король предложил дочери выбрать жениха. Сто рыцарей претендуют на руку Бьянкабеллы. Но всех сильнее рыцарь, который никому не известен. Сегодня на закате он разгромит своих соперников.

Сансонетто поспешил на рыцарский турнир вместе со зрителями. Загадочный рыцарь, от головы до ног защищённый доспехами из бронзовой стали, сбрасывал с седла последнего своего противника. Зрители уже называли его законным женихом Бьянкабеллы.

Сансонетто опустил забрало и – при всеобщем изумлении зрителей – вступил в бой. После первого же его удара непобедимый бронзовый кумир издал какой-то глухой металлический звук и растянулся на земле.

Его трясли, поднимали, сняли броню... А под ней – пустота. Бронзовый рыцарь – это была только броня, которую волшебница Назута одушевила и пригласила на турнир, чтобы отвадить всех претендентов на руку Бьянкабеллы, а Сансонетто – предоставить возможность выиграть время.

Королевич поднял забрало и, сидя в седле, склонился перед ложей, в которой восседала его возлюбленная. От радости Бьянкабелла

чуть не лишилась чувств. Король же, как сына, обнял исцелившегося юношу.

Свадьбу сыграли такую пышную, какой и не видывали доселе.

А посеянные в саду загадочные косточки дали всходы – и выросла целая роща, которую называли рощей дерзости.

ПРАЗДНИК РОЖДЕСТВА У ФОРТУНАТО

Сегодня, когда на земле утверждаются христианские ценности, а я уже устал от приключений фей, гномов и волшебных чудовищ, вспоминаю легенду, которую услышал от одной ныне покойной служанки. Я был в те далёкие рождественские дни таким же маленьким, как вы сейчас, мои юные друзья.

Добрая старушка рассказывала, а я смотрел в окно на серое, мрачное небо и на холодный зимний город, и воображению моему являлся хитон Христа, и этот хитон казался красным при вспышке электрических лампочек.

Когда Христос действительно спускался на землю и – в другом обличье – предостерегал грешников и утешал страждущих, в одной далёкой деревне жил крестьянин-вдовец. У него было много детей, слишком маленьких, чтобы зарабатывать на жизнь.

В самый сочельник Фортунато, что значит счастливец, – так звали этого бедного крестьянина – стоял озабоченный у дверей своего дома. У него не было ни денег, ни работы, и он не знал, как накормить детей.

Он услышал их громкий крик и заткнул уши, пригнул голову к коленям; сердце его разрывалось на части.

– О чём вы задумались, добрый человек? Что вас так печалит?

Вздвогнув от неожиданности, Фортунато поднял глаза и увидел какого-то незнакомца.

– Синьор, это не беспричинная печаль. Мои дети голодны, в доме ни крошки хлеба. Работы у меня нет, и я не знаю, что теперь делать.

– Если желаете, поработайте у меня – я щедро заплачу.

– Бóльшего и просить не смею, синьор.

– Что ж, хорошо. Приходите завтра утром косить на вересковую пустошь, и на закате я вам заплачу.

– Вы, наверное, забыли, что завтра Рождество, самый святой день в году. После рождественского праздника я со всем усердием примусь за работу.

– Мы, кажется, не понимаем друг друга. Уж не симулируете ли вы свою нужду?

– Бог – свидетель, что я умираю от голода.

– Тогда делайте, что вам говорят.

В эту минуту Фортунато услышал безутешные жалобы своих детей, жалобы отчаяния.

– Будь что будет. Выполню всё, что вы пожелаете – во имя любви к моим детям. Бог всё видит, он меня простит!

– Хорошо. Завтра с утра приходите на вересковую пустошь, а на закате я заплачу за работу.

И незнакомец исчез.

На следующий день Фортунато поднялся рано, помолился, как обычно, обмакнул палец в освящённую воду, перекрестился, вдруг в чём-то засомневался на минуту, наконец, решился... Он взял серп и пошёл на вересковую пустошь. Вот он, сухой вереск, который надо ско- сить.

Он работал весь день. Из деревни, наверное, вместе с ветром, донеслось колокольное пение.

– Бог всё видит, он меня простит!

И продолжал работать со смиренной молитвой, складывая стог за стогом вереска.

День Рождества выдался бесснежным, холодным и ясным. Солнце уходило за горизонт на ярком небосклоне, и Фортунато отложил серп. Усталый, он уселся на камне в ожидании незнакомца. Но незнакомец не появлялся.

Фортунато забеспокоился и вдруг услышал страшный треск и увидел в тени сумерек ослепительный блеск. Он тут же вскочил. Стога вереска были объяты пламенем. Тщетно пытался он укротить огонь; через несколько секунд весь сухой вереск превратился в золу.

– О, горе мне! Я трудился весь день на голодный желудок, осквернил святой праздник – и вот остался с пустыми руками, ещё более несчастный, чем вчера.

– Не отчаивайся, добрый человек, не сокрушайся так!

Фортунато повернулся и увидел в темноте другого незнакомца, с сочувствием смотревшего на него.

Фортунато рассказал ему о своих злоключениях.

– Я знаю, что виноват. Но мои дети умирали с голоду... Ещё больше, чем от голода, от того, что понапрасну трудился, я скорблю о том, что осквернил этот торжественный день.

Незнакомец протянул ему руку, долго вглядывался в него и сказал нежным голосом:

– Успокойтесь. Я заплачу вам за весь день работы – и очень щедро. Идите домой, и там найдёте вознаграждение. Но старайтесь пользоваться выпавшей на вашу долю удачей только во благо: ни двери дома вашего, ни ваш кошелек никогда не должны закрываться перед ли-

цом несчастья.

И незнакомец исчез.

Фортунато подумал, что он плохо понял незнакомца, уж очень заманчиво было его обещание, и в тревожном ожидании поспешил домой. Как только увидел своё жилище, остановился поражённый, протирая глаза и ощупывая себя: не сон ли это?

Бедной хижины больше не существовало. Среди деревьев возникло прекрасное здание со светящимися в тихой ночи окнами. У двери Фортунато ожидали ликующие дети. Они взяли его за руки, и повели в одну из комнат, где был накрыт роскошный рождественский стол.

На одной из стен, декорированной голубой камчатной тканью, красовались перекрещённые мотыги, и вилы, и другие крестьянские орудия труда, а в середине этого сооружения – деревянный крест для ежедневных молитв.

Фортунато преклонил колени в немом восхищении перед Божиим чудом.

С этого дня жизнь Фортунато изменилась. Он приобрёл поля соседей, расширил свои владения так, что их нельзя было охватить взглядом.

Все были просто ошеломлены и решили, что Фортунато нашёл сказочный клад.

Он выполнял обещание, данное неизвестному благодетелю: любое несчастье находило у него слова утешения и денежную помощь.

Но со временем характер Фортунато стал меняться. Как это обычно происходит, богатство ожесточило его сердце – и мало-помалу он стал забывать о своём прошлом, окружил себя льстецами и власть имущими, стал надменным и высокомерным.

В день Рождества, когда прошёл ровно год после чудодейственной встречи, Фортунато давал праздничный ужин и пригласил всех богатых и знатных соседей.

Из комнаты с камчатной тканью было вынесено сооружение с крестом и перекрещёнными мотыгами и вилами и отправлено на чердак, чтобы не напоминать о позорном прошлом.

Фортунато приказал слугам своим не впускать ни одного нищего во двор замка (дом его уже превратился в замок). Два вооружённых дубинками пажа следили, чтобы входили только те, кто был приглашён. Однако в тот момент, когда гости уже садились за стол, во дворе появился – неизвестно каким образом – старик-нищий. Слуги, угрожая поднятыми дубинками, стали выталкивать его:

– Как ты оказался здесь, негодяй? Вон! Вон отсюда! Убирайся сейчас же!

– Помогите несчастному! Именем Господа! – взмолился бедняк.

– Только не сегодня. Завтра приходи.

Но старик настаивал на своём, он кричал так, чтобы его услышали приглашённые на праздничный ужин.

Услышал его и Фортунато. Разъярённый от того, что стоны и жалобы могут охладить пыл веселья у его друзей, он выглянул в застеклённые двери:

– Я же приказал не впускать незваных гостей! Гоните этого несчастного, а если будет сопротивляться, травите собаками!

На нищего натравили больших сторожевых собак, но они только лизали ему руки и медленно удалялись, тряся головами.

Фортунато же вернулся к своим гостям, приготовившимся пить и веселиться.

Вскоре во двор с грохотом и шумом въехала роскошная карета, запряжённая четвёркой великолепных коней. А в карете – князь, весь в золоте и драгоценных украшениях. Слуги побежали сообщить об этом своему господину, и все гости повставали с мест и направились к окнам, с любопытством обращая свои взоры во двор.

Фортунато приблизился к карете со шляпой в руке, до земли поклонился незнакомцу и попросил его оказать честь зайти в замок.

– Спасибо, – ответил гость. – Но я не войду в ваш дом. Только что я приходил к вам как нищий и вы натравили на меня собак. А теперь приезжаю в экипировке синьора, и вы кланяетесь мне до земли. Давайте прогуляемся вместе и побеседуем о наших делах.

И князь привёл Фортунато на вересковую пустошь, где тот в прошлое Рождество косил вереск.

– Эх, Фортунато, забыли вы, о чём мы договаривались ровно год назад. Одного года богатства и процветания оказалось достаточно, чтобы благочестивый человек превратился в презренного гордеца. Неожиданное богатство иссушило сердце, которое в бедности было отзывчивым и милосердным.

Незнакомец исчез, и Фортунато поспешно направился в замок.

Но замка уже не было.

Шёл снег, и в печальных декабрьских сумерках за стволами и ветками деревьев Фортунато увидел свою прежнюю хижину, освещённую печальной керосиновой лампой, и услышал крики голодных детей. Замок, слуги, золото, накрытый стол, гости – всё исчезло, как во сне.

Фортунато почувствовал, как сильно бьётся его сердце. Он вновь вернулся к прежней жизни: в бедности – и в благочестии, милосердии.

Такое случалось, когда Иисус спускался на землю, в необычном обличье посещал различные селения и останавливался у порога, чтобы предостеречь людей.

ЮНЫЙ ГРАФ – ЧИСТИЛЬЩИК ОБУВИ

Зимой и летом, в дождь и в солнечную погоду семидесятилетний бедняк – чистильщик обуви исполнял своё ремесло. Ботинки чёрные, ботинки жёлтые, ботинки ношенные и совсем новенькие – все они проходили через его костлявые, но проворные руки. Щётка и пыльная тряпка в его руках возвращали блеск новизны даже дырявой коже. Все, кто проживал в округе, были клиентами старого чистильщика, который довольствовался самой мизерной платой.

Дома, в продуваемой всеми ветрами маленькой мансарде, его всегда ждала дочка Марта, худенькая, бледная, с лицом, как и у отца, изборождённым морщинами от трудов праведных и от бедности. Жизнь их была тихой, безмятежной, как тот кусочек неба, что появлялся в маленьком квадратике слухового окна.

И вот в один прекрасный день будка старика Джанни оказалась пустой. Клиенты удивлённо оглядывали её и продолжали свой путь в грязных ботинках. Бедный Джанни вот уже три недели лежал в постели в своей мансарде. Опасный недуг сковал его сильный, выносливый организм. До этого он никогда не болел.

– Я уже не выздоровею, дочка моя.

– Выздоровеешь, папа.

– И у нас нет больше денег.

– Мы найдём деньги, папа, не беспокойся.

В попытке утешить отца, который дрожал в лихорадке, Марта склонилась над его постелью, с усилием улыбнулась, но тут же почувствовала, как сжимается сердце от отчаяния. Последняя монетка из скудного запаса была истрачена.

Как добыть папе какую-нибудь еду? Бульон? Лекарства?

Марта посмотрела на отца, который уже заснул, сжала голову руками и тихо заплакала. Тут кто-то постучал. Побледневшая от ужаса, Марта открыла дверь. Это был секретарь домовладельца, он пришёл требовать плату за наём помещения.

– Простите меня, синьор, но не могли бы вы подождать ещё два дня? Я продам бельё, которое ещё осталось у меня.

– Позвольте заметить, дорогая моя, что вы уже в третий раз заставляете меня подниматься к вам наверх. Больше я не поднимусь, а вас заставят убраться отсюда вместе со всем имуществом.

И секретарь, надменно озираясь, ушёл. Марта, горько рыдая, опустила на стул. Но тут же вскочила, как перед последним испытанием. Отец спал, и она тихо вышла из комнаты, спустилась по лестнице и позвонила в красивую дверь домовладельца. Она униженно попросила слугу проводить её к нему.

Граф, возмущённый такой дерзостью, надменно встретил её и, будто отрубив, подтвердил решение своего секретаря. Напрасно Марта говорила о своём положении, умоляла пожалеть её.

– Уходите! Уходите! – приказал граф. – Знаю я, как вы умеете разжалобить людей.

Марта вышла, униженная, в полном отчаянии, с поникшей головой.

Но граф был в комнате не один. Где-то в углу играл его сын Нино и всё слышал. Сердце его не осталось безучастным. Как помочь бедной женщине? Он не осмелился вступить за неё в присутствии отца, чьё решение, знал он, непоколебимо. Мальчик побежал в соседнюю комнату и схватил копилку. Пустая! Последнее сольдо потрачено на сладости. Что делать?

Он посмотрел в окно и увидел на углу будку старого чистильщика обуви. Неожиданная мысль мелькнула в его маленькой голове. Он побежал в кухню, взял щётки, крем, тряпку, выбежал на улицу и устроился в будке в ожидании клиентов. Стали собираться клиенты, и Нино принялся за работу. За каждую вычищенную до блеска пару обуви он брал по четыре сольдо и складывал деньги в своей копилке. К вечеру она будет полной монеток, и он понесёт их бедному, больному чистильщику обуви. Нино работал очень проворно. Прохожие с удивлением смотрели, как благородный мальчик-синьор отдавался столь неблагодарной работе.

Некий синьор, друг дома, узнал его. Нино! Сын графа Ринальди! Чистит обувь на глазах всех прохожих!

Синьор поднялся к графу и доложил об этом странном явлении. Граф не хотел верить и вышел на улицу, чтобы лично убедиться... Да, это был он, он! Взбешённый граф направился к Нино, чтобы преподать ему урок чести.

– Маленький безумец! Ты позоришь своё имя! Почему ты здесь?

Нино промямлил что-то... зачем он здесь... Гнев графа вдруг стал рассеиваться, суровое лицо его побледнело, в холодных глазах вспыхнул какой-то огонёк. Он погладил мальчика по его белокурой головке и поцеловал.

– Оставь работу. Пойдём к тому, кому ты так покровительствуешь.

Они поднялись на последний этаж и постучали в дверь жалкой мансарды.

Марта, вся дрожа (сейчас их выгонят!), открыла дверь.

– Не бойтесь, милая женщина, – сказал граф. – Мой сын занял будку вашего отца и вот пришёл отдать доходы от своей работы.

Нино с улыбкой протянул копилку.

– Но по справедливости, – продолжал граф, – и я должен добавить монетку к монеткам сына.

И вручил бедной женщине билет в тысячу лир. А потом взял свидетельство о найме и тут же разорвал его.

– Оставайтесь в моём доме, пока не отыщете лучшее помещение.

Бедная женщина была как во сне.

Пробормотала что-то невнятным от волнения голосом и попыталась сжать руку графа, поцеловать её.

– Не меня должны вы благодарить, – сказал он, – а моего Нино. Без него я никогда бы не понял, какая это Богом данная радость – делать людям добро.

Марта обняла Нино и, вся в слезах, поцеловала его.

МЕЛЬНИК И ЕГО ГОСПОДИН

У куриц были зубы, дети, –

Им это придавало сил...

А чёрный снег по всей планете

С утра до вечера валил...

На нашем грешном белом свете

В те времена жил-был, жил-был...

... мельник, бедный-бедный, он уже в течение четырёх лет не мог заплатить арендную плату за мельницу.

Господин его, синьор, был человеком надменным и жестокосердным, а жена господина – ещё жестокосерднее.

Однажды, возвращаясь с охоты с пустыми руками, в крайнем раздражении, господин выстрелил в корову мельника и убил её.

Прибравшая на звук выстрела мельничиха запричитала: «Мы разорены! Этот тиран лишил нас дойной коровы!» Муж её молчал. Он ободрал корову и поехал в город продавать шкуру.

В самый разгар ночи он очутился в лесу, в котором хозяйничали разбойники. От страха мельник вскарабкался на дерево, чтобы переждать наступление утра.

Вскоре под деревом расположилась разбойники. Они никак не могли поделить между собой награбленные деньги.

Мельник накинул на себя коровью шкуру, спустился с дерева и стал прыгать между разбойниками, махая рогами и копытами. Разбойники решили, что это сам дьявол дразнит их, и, побледневшие от ужаса, пустились наутёк.

Мельник собрал золото в коровью шкуру. Всю ночь они с женой считали деньги и к утру так и не успели все сосчитать.

Послал мельник жену к господину своему, чтобы одолжила чет-

верик¹.

– Зачем вам четверик?

– Чтобы измерить наше богатство, монсиньор.

– Вы что, насмехаетесь надо мной?

– Да нет же. Приходите – и сами убедитесь...

Господин пришёл к мельнику и увидел, что старый, потрескавшийся стол весь завален золотыми монетами.

– Откуда у тебя столько денег?

– Это за шкуру моей коровы, монсиньор, я продал её в городе.

Очень вам благодарен, что вы её подстрелили.

Господин побежал домой, приказал убить всех своих коров и погрузил шкуры на телегу, запряжённую четвёркой лошадей. Он самолично поехал в город их продавать.

– Сколько стоят эти шкуры? – спросил его кожевник.

– Четверик золота.

– Не стоит так шутить, добрый человек.

– Я не шучу: четверик золота!

Он всем называл такую цену, и кожевники, решив, что он сумасшедший, окружили его со всех сторон и так избили, что он бежал, не чуя ног, оставив шкуры на рынке.

Разгневанный, вернулся господин к мельнику, но оскорблённое самолюбие не позволило ему ни словом обмолвиться о случившемся.

А мельник в это время устроил пир, он ел мясо убитой коровы и пригласил синьора, господина своего, разделить трапезу. А затем, возбуждённый от выпитого вина, произнёс:

– Монсиньор, всем известно, как вы ловки и могущественны. Но то, что могу сделать я, вам не под силу.

– Что же?

– Я могу убить свою жену и тут же, на ваших глазах, воскресить её с помощью волшебной лютни.

– Ты шутишь?!

– Смотрите, монсиньор!

Мельник схватил нож и притворился, будто набрасывается на жену и вонзает нож прямо ей в грудь. Но на самом деле он вонзил его в специально приготовленный пузырь с кровью. И мельничиха, будто оцепеневшая, грохнулась на пол в притворной агонии.

Побледнев от ужаса, господин наблюдал за этой сценой.

А мельник достал лютню и начал на ней играть. Жена его изобразила, что возвращается к жизни, открыла глаза и, улыбаясь, вскочила на ноги.

¹ Четверик (мера) – ёмкость для измерения сыпучих тел вместимостью около четверти центнера. (Прим. пер.).

– Дай мне твою лютню, и я засчитаю тебе на два года арендную плату за мельницу.

– Согласен, монсиньор.

Радостный, вернулся господин домой с волшебным музыкальным инструментом. «Жена моя, – подумал он, – начинает стареть, а я могу её омолодить».

И, увидев жену спящей, он тут же схватил кухонный нож и вонзил в её голову. А затем заиграл на чудесной лютне.

Увы, женщина оставалась мертва, звуки лютни так и не разбудили её.

– Ну и негодяй этот мельник! Он опять обманул меня.

И он вновь побежал к мельнику, и вновь оскорблённое самолюбие не позволило ему ни словом обмолвиться о случившемся.

Мельник же стоял с засученными рукавами посреди двора и, напевая, хлестал кнутом котёл с кипящей водой.

– Что ты делаешь, мельник?

– Варю суп, монсиньор.

Ошеломлённый, господин приблизился к нему.

– Ты кнутом его варишь?

– Конечно, монсиньор. Дрова в этом году очень дороги, и я пользуюсь волшебным кнутом.

– Ты правду говоришь? Дай мне кнут, и я тебе ещё на два года засчитаю арендную плату за мельницу.

Господин вернулся домой с чудесным кнутом в руках, приказал вырубить весь лес и продать дрова по самой низкой цене.

На следующий день повариха и говорит ему:

– Нет у нас больше дров, чтоб приготовить обед.

– Успокойся, глупая! Я сам позабочусь об обеде.

Он приказал поставить котёл на открытом воздухе и начал его хлестать кнутом.

– Смотрите: суп варится сам.

Хлестал он, хлестал котёл, время от времени посматривая на него. Но котёл оставался холодным и никак не реагировал на удары.

Прислуга решила, что господин совсем потерял голову, и все с трудом сдерживали смех.

Наконец, господин понял, что опять его обманули. Он схватил мешок и вместе с самым преданным слугой вернулся к мельнику.

Не успел мельник и слова вымолвить, как его впихнули в мешок. Мешок завязали, чтобы бросить в ближайший пруд. Но пока господин со слугой тащили этот тяжёлый мешок, они увидели приближающегося купца-ювелира с тремя лошадьми, гружёнными товаром.

Это был знакомый купец, и господин испугался, что он остановит

его и всё разузнает.

– Затаимся в лесу, пока он проедет.

И они прислонили мешок к плетню, а сами удалились.

Когда заключённый в мешок узник услышал топот лошадиных копыт, проносящихся мимо него, он заорал:

– Помогите! Помогите! Они меня заставляют, а я её не хочу!

– Кого ты не хочешь? – спросил купец-ювелир.

Он слез с лошади и стал ощупывать удивительный мешок.

– Их единственную дочку, очень богатую и горбатую, на которой меня хотят насильно женить.

Купец развязал мешок, и мельник выпрыгнул из него.

– Так она очень... очень богата?

– Одна из самых богатых в нашем королевстве.

Страшный скряга, купец-ювелир недолго думал.

– Если она вам не по вкусу, я займу ваше место.

Купец залез в мешок, и мельник крепко-накрепко завязал его. А с лошадьми и драгоценностями отправился в город.

Вскоре господин и слуга осторожно подкрались к мешку.

– Я возьму её! Я возьму её! – сладким голосом выкрикивал купец-ювелир.

– Кого возьмёшь?

– Вашу дочь, синьор.

– Иди ищи её!

И они бросили мешок в пруд, где он исчез навсегда.

Через два дня господин и слуга поехали на ярмарку, направились к самым богатым торговым рядам.

И вдруг издали истошный вопль. Не сон ли это? В большом ювелирном магазине они увидели мельника, живого и невредимого, с улыбкою на устах.

– Это ты? Это ты? Ты мельник?

– Это я, монсиньор. Желаете оказать мне честь и купить что-нибудь?

– Но разве ты не остался в пруду с лягушками? Ты это заслужил!

– Видите ли, мне не очень понравилось в этой сырости... Но я благодарен Вам: я встретил в воде трёх фей, и они одарили меня сокровищами.

Господин и слуга покинули ярмарку, пришли на пруд, и господин попросил слугу заточить его в мешок и бросить в самую середину пруда. Слуга повиновался ему. И тиран угодил в жидкую грязь, где нашёл, вместо страстно ожидаемых сокровищ, настоящую награду за свою жестокость и надменность.

Перевод с итальянского Леонида Зимана

БИРГИР СИГЮРДССОН (1937 – 2019)

Биргир Сигюрдссон (Birgir Sigurðsson) – крупный исландский прозаик и драматург. В юности издал несколько книг стихов; с 1970х гг. начал писать пьесы, которые были поставлены при жизни автора в театрах Исландии, а также других скандинавских и европейских странах. Автор романов «Обрыв» (Hengiflugið, 1993) и «Свет в воде» (Ljósíð í vatninu, 2000), нескольких сборников рассказов. «День надежды» (1987) – самая известная его пьеса¹. В 1988 г. исландским телевидением был снят фильм, основанный на ней. Перевод публикуется с разрешения наследников автора.

ДЕНЬ НАДЕЖДЫ

*Памяти моей сестры,
Сигрид Фрейи Сигюрдардоттир*

День суда и воздаянья
в прах повергнет мирозданье. (пер. Эллиса, 1911)

Действующие лица

Лаура
Хёрд, её сын
Рейнир, её сын
Альда, её дочь
Гвюдни
Гюннар

Лаура. Гвюдни умная.

Рейнир. Да.

Короткая пауза.

Лаура. Иногда я желаю, чтоб ты к ней так и не переехал.

Рейнир. Да ну?

Лаура. Мне кажется – я тебя больше и не знаю, как следует. Может, Гвюдни знает тебя чуть лучше, чем я.

Короткая пауза.

О чём вы разговариваете?

Рейнир. Да так, о том о сём.

¹ См. начало пьесы «День надежды» в журнале «Переводчик» № 23, 2023, СС. 133–171.

Лаура. Например?

Рейнир. О чём в газетах пишут. О погоде. О том, что я собираюсь предпринять. О новостях. О забастовке. О забастовке мы много говорим. Но сегодня ночью будут переговоры, так что нам придётся найти другую тему для бесед. Может, об этих соглашениях?

Короткая пауза.

Лаура. Сюда, вниз, ты и не спускаешься без крайней необходимости.

Короткая пауза.

Это из-за Гюннера?

Рейнир. Нет.

Короткая пауза.

Лаура. Я целых пятнадцать лет была одинока.

Рейнир. Наверно, без мужика так же несладко, как и без женщины.

Лаура. Я не это хотела сказать. Я хотела сказать: меня никто не поддерживал. Кажется, никогда.

Рейнир. А он тебя поддерживает?

Лаура. Я надеюсь, что когда-нибудь будет.

Короткая пауза.

Лаура. Ты его ненавидишь?

Рейнир. Не думаю.

Лаура. А он считает, что ты его ненавидишь.

Рейнир. Что за бред! Он мне просто не по нутру.

Лаура. А разве это не одно и то же?

Рейнир. Не совсем.

Короткая пауза.

Лаура. Он сказал, что когда я вас попросила растянуть постельное бельё, ты ему в лицо пододеяльник швырнул.

Рейнир. Мне помнится, он сам упал.

Короткая пауза.

Лаура. Ты меня любишь?

Рейнир. Да.

Короткая пауза.

Лаура. Тогда я рискнула бы попросить тебя не ненавидеть его. Тогда я, наверно, могла бы попросить тебя относиться к нему хорошо. Когда он только пришёл сюда, он был в ужасном состоянии. Ему необходимо хорошее отношение. Я прошу тебя об этом, потому что он мне нравится, и я хочу, чтоб он остался здесь. Сделаешь так ради меня?

Рейнир. Конечно.

Лаура. Это было не нарочно.

Рейнир. Попробую.

Лаура. И мне хотелось бы чаще видеть тебя здесь, внизу.

Молчание.

(более непринуждённо): А чем ты собираешься заниматься?

Рейнир. Да ничем особенно.

Короткая пауза.

Лаура. Мне и спрашивать не надо. Я знаю, что ты справишься. Ты же всегда справлялся. У тебя такое повышенное чувство ответственности.

Рейнир. Я собираюсь уволиться со «Слипа» и, наверно, снова выйти в море.

Лаура. В этом никаких перспектив нет. Разве что в Штурманское училище поступить.

Рейнир. Я об этом подумывал.

Короткая пауза.

Лаура. Когда ты был маленьким, то всегда говорил, что собираешься быть капитаном. На большом корабле. И ты хотел возить меня на большом корабле и показывать мне за границу. А когда я спросила тебя, где эта граница, ты ответил: «За синей горой». Помнишь?

Рейнир. Нет.

Лаура. Ты с самого начала был похож на настоящего моряка. Такой храбрый, волевой. Никогда не жаловался, не ныл. Всегда ходил без шапки и с голыми руками. Все варежки всегда терял. А когда я спрашивала тебя, где они, ты отвечал: «За синей горой!» И ты почти не плакал. Когда ты себе пальцы отморозил, у тебя из глаз покатались слёзы, но ты не проронил ни звука. С самого начала был такой стойкий.

Рейнир. Нет. Не с самого начала.

Лаура. О чём ты?

Рейнир. Я не с самого начала был стойким и храбрым. Зато я отлично помню тот день, когда им стал.

Лаура. Да?

Рейнир. Это было, когда я, плачущий, постучался во входную дверь, а ты взяла меня за плечи, развернула на пороге, выставила вон и закрыла.

Лаура. Я такого не помню.

Рейнир. У ворот стоял большой мальчик, почти вдвое больше меня, а ты мне сказала: «Иди и дай ему сдачи», – и закрыла за мной дверь.

Лаура. А ты что сделал?

Рейнир. Он ещё побил меня. Бил, бил, пока ему не надоело.

Лаура. Я этого совсем не помню.

Рейнир. А когда ему надоело сидеть на мне и колотить меня, он вынул из кармана бритву, не спеша развернул её и порезал мне губу.

Лаура. Значит, вот как это произошло?

Рейнир. Да.

Лаура. Ты мне раньше этого никогда не рассказывал. Я никак не могла понять, откуда у тебя этот шрам на губе. От тебя невозможно было добиться ответа.

Рейнир. И тут я вдруг стал стойким и храбрым. Я весь день пропадал на улице и домой приходил только к ужину.

Лаура. Порез воспалился. *(Дотрагивается до его лица кончиками пальцев).* Шрам всё ещё виден. *(Гладит его по щеке).*

Рейнир. Да.

Короткая пауза.

Лаура. Тебя это до сих пор гложет. Я чувствую.

Рейнир. Нет.

Лаура. Ты уверен?

Рейнир. Да.

Лаура. У меня не было времени выслушивать жалобы. Мне нужно было работать, чтоб вас прокормить. Я дни напролёт проводила за шитьём, с утра до вечера. А иногда и по ночам.

Рейнир. Знаю.

Лаура. Я не хотела, чтоб ты вырос нытиком.

Рейнир. А как ты думаешь, что бы сделала Альда, если б ты развернула её на пороге и выставила за дверь? Или Хёрд? Что бы он сделал?

Лаура. Это всё ещё не стёрлось из памяти.

Рейнир. Вот что бы они сделали?

Лаура. Они были не такие, как ты.

Рейнир. С ними бы ты так не поступила. Ты бы не схватила их за плечи, не выставила и дверь бы за ними не заперла?

Лаура. Ты стал разговаривать как твой брат. Он вспоминает что-нибудь, чего я не помню, и рассказывает мне об этом, что ему в голову взбрёт.

Рейнир. То есть с ними ты бы так не поступила.

Лаура. Я же сказала: они не такие, как ты. Я знала, что ты справишься сам.

Рейнир. Как ты могла это знать? Мне ведь было всего семь лет!

Лаура. Я это чувствовала. Ты был таким. О тебе мне не приходилось

беспокоиться.

Рейнир. Ты никогда за меня не тревожилась?

Лаура. В общем и целом, нет. Если не считать обычного беспокойства о своих детях. Хотя у меня даже и его не было.

Рейнир. О них ты беспокоилась необычным образом, а обо мне – обычным. Ты знала, что я – настолько обыкновенный ребёнок, что я и сам справлюсь.

Лаура. Ты же справился.

Рейнир. А если б не смог?

Лаура. Я так поступила, чтоб дать тебе закалиться. Чтоб ты научился сам прочно стоять на собственных ногах. Чтоб ты никому не давал себя в обиду. И это удалось. Мы с тобой никому не давали себя в обиду. Едва ли это причина обвинять меня в том, что я воспитала в тебе это качество.

Рейнир. Мне просто хотелось знать, почему ты поступила со мной так, как не поступила бы с ними. А теперь знаю. Это потому что я такой обычный.

Лаура. Хватит меня обвинять!

Рейнир. Я не обвиняю.

Лаура. Мне хватает упрёков от твоего брата. Ещё не хватало их от тебя выслушивать!

Молчание.

Ты действительно собираешься в Штурманское училище?

Рейнир. Я об этом подумывал.

Лаура (*с улыбкой*): Тогда я, наверно, наконец, смогу съездить за границу.

Рейнир. Первым классом. Если б я был капитаном парохода «Гютльфосс», тебе бы дали президентскую каюту. Ты бы сидела за одним столом с главными богатеями. Переодевалась бы в новое платье к завтраку, обеду и ужину, и поднимала бокалы с вином четырёх марок. И повсюду у тебя были бы официанты, слуги всякие. И прислуживали бы тебе с утра до вечера. Тебе бы и пукнуть не дали без посторонней помощи.

Лаура. И это должно было быть смешно?

Рейнир. Если я буду капитаном, то на какой-нибудь загаженной посудине, где полно вшей и дерьма.

Молчание.

Лаура. Ты изменился. Ты был не такой желчный. Ты ещё слишком молод, чтоб быть желчным.

Короткая пауза.

Ты как будто ушёл от меня дальше, чем просто на второй этаж.

Рейнир. Который час?

Лаура. А ты спешишь?

Рейнир. Мне нужно для Гвюдни в магазин сходить.

Лаура. Тогда поторопись. Уже без пяти шесть.

(Альда недавно показалась в окне. Сперва она стоит неподвижно, руки по швам. Рейнир встаёт и подходит к двери, втыкает ключ в замочную скважину).

Лаура. Рейнир! *(Он оборачивается, и они смотрят друг другу в глаза).*

Короткая пауза.

Я тебя люблю. Не забывай. (Они смотрят друг другу в глаза – по его выражению лица ничего нельзя понять. Он поворачивает ключ в замке и выходит. Лаура мгновение стоит неподвижно, вытывает всё из своей кофейной чашки, ставит её и чашку Рейнира в раковину, вытирает со стола. Альда просовывает голову между прутьями решётки – руки по швам – и глядит вперёд. Лаура на миг останавливается у угла кухонного стола, задумавшись, смотрит вперёд, затем подходит к двери в комнату Альды, прислушивается, затем входит в комнату в глубине сцены и закрывает за собой дверь).

Молчание.

Альда *(в начале полушёпотом):* Деревья. Много деревьев. Злые деревья. Пропитанные ядом. Лес. Полный хохота. Смерти. Братоубийства. Сестроубийства. Отцеубийства. Человеческие души в ветвях. Висят. Болтаются. Убиты. Растерзаны. Сердца, и почки, и печень, и лёгкие *(резко хватается за прутья – единым духом):* Почки печень лёгкие сердца печень лёгкие сердца почки лёгкие сердца почки печень деревья.

Молчание.

(Она неподвижно смотрит вперёд – шепчет): Чаща зла. *(Быстро уходит налево и скрывается. – Сцена какое-то время пуста. Входит Гюннар с левой стороны. Он одет в дублёнку. Он выходит с правой стороны, через миг снова возвращается, уже сняв дублёнку. На нём неопрятный костюм. Он снимает пиджак, вешает его на спинку стула, снимает с плиты кастрюли в поисках съестного, злобно гремит кастрюльными крышками. Открывает шкафы, вынимает хлеб и нож, режет хлеб. В это время входит Лаура, выходит направо. Они не видят друг друга. Она снова входит, уже одетая в пальто. Он мажет хлеб маслом. Она подходит к нему).*

Гюннар *(радостно):* Ты пришла.

Лаура *(холодно):* Я ухожу.

Гюннар *(с удивлением):* Уходишь? А я на сегодняшний вечер билеты в кино взял.

Лаура. Очень услужливо с твоей стороны. Тем более что ты знаешь,

что у меня сегодня вечерняя смена, и мне через полчаса надо быть на работе.

Гюннар. Я не знал.

Лаура. У меня вчера была вечерняя смена. А значит, и сегодня тоже вечерняя.

Гюннар. Ты с утра на работу ходила.

Лаура. Это была дополнительная смена.

Гюннар. Ты берёшь столько дополнительных смен, что немудрено сбиться.

Лаура. Тебя кое-что другое сбивает: выпивка.

Гюннар. Я целую неделю ни капли в рот не брал.

Лаура. А в прошлую среду?

Гюннар. Да там, считай, ничего и не было: меня шнапсом угостили.

Лаура. Ты сейчас купил брэннинвин. Я это по тебе вижу. У тебя глаза бегают.

Гюннар. Я бы купил, если б деньги были. Мне наплевать. Всё равно тут одна тоска зелёная. Но мне не на что его покупать.

Короткая пауза.

Лаура *(ледяным тоном)*: Где ты был?

Гюннар. В центре города. А потом сходил к мастеру. Подписал договор. Теперь я ученик плотника. Сегодня ночью бастующие будут обговаривать условия. Об этом все говорят. И тогда послезавтра я выйду на работу. *(Хёрд быстро входит справа. Он не обращает на них внимания. Заглядывает на диваны, под них, за них, под кухонный стол).*

Молчание.

Лаура. Что ты ищешь?

Хёрд *(не смотря на неё)*: Листок.

Лаура. Какой листок?

Хёрд. Я его только что сюда приносил. Мне нужно его найти. Он где-то здесь. *(Смотрит внимательно за диваном-кроватью, затем бросает на свою мать взгляд, полный ненависти).* Он его забрал! *(Гюннар не смотрит на Хёрда).*

Лаура. Он только что пришёл.

Хёрд. Кто-то его забрал. В папке его нет. Его Рейнир забрал.

Лаура. А что было на этом листке?

Хёрд. Стихотворение. Они его забрали. Или один, или другой.

Гюннар. А поищи-ка в мусорном ведре. Там ему самое место.

Хёрд *(не глядя на него)*: Заткнись!

Лаура *(сурово)*: Ты же видишь, что здесь его нет. Поищи получше у себя. Ни к чему стоять тут и препираться. *(Он сердито смотрит на них обоих).*

Хёрд. Амёбы! *(Быстро уходит вправо. Альда вдруг выбегает из своей комнаты. Она хватает с кухонного стола нож и собирается вонзить его в*

свою мать. Хёрд оборачивается, застывает).

Альда (кричит): Душеубийцы! (Гюннар хватает её за руку; ему удаётся заставить её выпустить нож; она яростно вырывается. Лаура от испуга замирает, прислоняется к краю кухонного гарнитура и, не отрываясь, смотрит на Альду. Хёрд стоит всё в той же позе. Альда рычит, шипит, исходит пеной). Ты меня убила! Тебя подослали убить меня. Ты сожрала меня, вырвала мне сердце. Атаманша, душеубийца душеубийца! Убила нас! Злая королева! Убиваешь Белоснежку! (Гюннар наконец схватил её и крепко держит в объятьях. Он начинает тащить её по направлению к её комнате).

Хёрд (кричит): Пусти её! Оставь её! (Бьёт Гюннара по спине). Не трогай её!

Гюннар. Мальчишка поганый, какого ляда ты делаешь! (Альда резко обессиливает; её голова повисает, но она стоит на ногах. Хёрд обнимает её, а Гюннара отталкивает).

Хёрд (кричит): Пусти её, одноклеточное ты несносное! (Гюннар ослабляет хватку, одной рукой хватает Хёрда и собирается ударить, но не ударяет, отпускает. Хёрд подхватывает Альду и уводит-уносит в её комнату. Гюннар смотрит на это. Лаура прислоняется к разделочному столу. Гюннар подбирает нож с пола и запирает его в том шкафу, откуда достал. Хёрд закрывает дверь в комнату Альды. Лаура бредёт к дивану в середине сцены, опирается рукой на его спинку, сползает на диван и запрокидывает голову, закрыв глаза. Она тяжело дышит. Гюннар подходит к дивану).

Гюннар (без чувства): Тебе плохо?

Молчание.

Что сейчас было – это вообще! (Она наклоняется вперёд и прячет лицо в ладонях). Не будь здесь меня – она бы тебя ножиком пырнула!

Молчание.

(Лаура пристально смотрит вперёд).

Лаура (тихо): Где ты был?

Гюннар. В центре. А потом у мастера, как я и говорил. Договор подписывал.

Лаура (шипит): Где ты был, чёрт тебя подери?!

Гюннар. Я же сказал.

Лаура. Враньё это всё. Ты мне врешь. Я чувствую. Где-то ты мне врешь. Не знаю, в чём именно, но в чём-то. Я это чувствую по тому, как ты ко мне прикасаешься. Как ты избегаешь смотреть мне в глаза. Ты сам – одно сплошное воплощённое враньё! (Он подходит к стулу, на котором висит его пиджак, лезет во внутренний карман и достаёт оттуда договор об обучении ремеслу, подаёт его ей через плечо).

Гюннар. Вот договор. (Она не глядит на него. Он роняет договор ей на

колени и выходит в глубине сцены, закрыв за собой дверь. Она неподвижно сидит и смотрит прямо перед собой. – Наконец берёт договор, листает, откладывает, смотрит прямо перед собой. – Входит Хёрд, осторожно закрывает за собой дверь. Смотрит на Лауру чёрными глазами).

Хёрд. Она ненавидит тебя.

Короткая пауза.

(Лаура не смотрит на него, а глядит в одну точку перед собой).

Хёрд. Слышишь? Она тебя ненавидит.

Лаура *(не смотря на него – тихо):* Она больна.

Хёрд. Когда она была здорова, она тебя тоже ненавидела. Ты – единственный человек, которого она ненавидела.

Лаура *(без эмоций):* Ты не различаешь её и себя. И никогда не различал. Это ты меня ненавидишь. А не она.

Хёрд. Она на тебя набрасывается. Только на тебя, а на других – никогда. Потому что тебя она ненавидит, не важно, больна она или здорова. По ночам она плакала от злости на тебя.

Лаура *(без эмоций):* Сумасшедшие нападают на тех, кого больше всего любят.

Хёрд. Враньё медиков. Штамп. Они тебе это наврали, потому что именно это ты и хочешь услышать. Она тебя не любила никогда. И мне часто говорила, как она тебя ненавидит.

Лаура. Не приписывай ей свою собственную ненависть ко мне. Никого она не ненавидела. Она даже и не знала, как это – ненавидеть. Она пугалась, когда чувствовала в людях ненависть, а сама ненавидеть не могла. Не умела.

Хёрд. Она больше всех любила меня. И всегда рассказывала мне обо всём, что думала: тебя она ненавидела.

Лаура *(быстро):* А ты её любил?

Хёрд *(злобно):* Зачем спрашивать? Ты и так знаешь.

Лаура. Ты всё ещё любишь её?

Хёрд. На кой чёрт ты спрашиваешь? Зачем?

Лаура. Ты её любишь. Она – единственный человек, которого ты любишь, кроме самого себя. Однако ты ничего для неё не делаешь. Почему ты за ней не приглядываешь? Не водишь её на прогулки?

Хёрд *(злобно):* Одна лишь Гвюдни имеет право водить её на прогулки. Это ты так устроила.

Лаура. Однажды ты сходил с ней на прогулку. А больше не ходил. Тебе за неё было стыдно. Она пела, и на неё люди пялились. Ты этого не мог вынести. Тебе было так стыдно за свою сестру – единственного человека, которого ты любишь, что ты не мог стерпеть, что незнакомые, посторонние на вас глазают.

Хёрд. Врёшь ты всё! Мне было наплевать. Мне до таких вещей дела

нет.

Лаура. А как часто ты навещал её, когда она лежала там?

Хёрд (*кричит*): Это к делу не относится.

Лаура. Два раза. Два раза за три года.

Хёрд (*злобно – с ноткой отчаяния*): Мне было неважно туда ходить. Ты же знаешь. Я же тебе говорил. Не притворяйся, будто не знаешь. Мне было невмочь видеть её в таком состоянии. Среди дряхлых седых старух, беззубых и гадких, вопящих, бормочущих. Я просто не мог. Я всю дорогу домой плакал. Когда я снова собирался к ней, я заболел. Меня тошнило.

Лаура. Я навещала её почти каждый день, в любую погоду, что бы ни было. Три года. А ты – всего два раза. Потому что ты её так сильно любишь.

Хёрд (*злобно*): Какая ты нечуткая! Тебя ничто не пробирает! Ты ничего не чувствовала. И даже если бы все безумцы мира устроили вокруг неё неистовую пляску, ты бы этого не почувствовала. Ты оставалась бы такой же невозмутимой как во время какого-нибудь мытья полов. Ты могла навещать её каждый день, потому что ты такая нечуткая. Но ты так и не понимала, каково ей. Ты никогда этого не узнала.

Лаура. Твой папа был такой же чувствительный. Если б он был жив, он бы тоже навещал её всего два раза, потому что любил её больше всех из своих детей. Нет – только один раз, потому что он был ещё чувствительнее тебя. Он бы сходил к ней один раз, а после этого стал бы так жалеть себя, что вторично бы не пошёл. А потом забыл бы её, как и ты.

Хёрд (*с яростью*): Я её не забыл. Я её никогда не забывал. Ни на миг. Я о ней думал больше, чем кто-либо другой.

Лаура. Ты о ней вспомнил только дважды за три года. Когда она вернулась домой, ты вдруг спохватился, что вы близко дружили и что ты не мог без неё. И с твоим папой вышло бы точно так же.

Хёрд (*с яростью*): Будь ты порядочным человеком, ты бы чтит его память и довольствовалась тем, чтоб быть матерью его детей. Настоящей матерью. И гордилась этим. А ты порочишь его память, втоптываешь её в грязь. Делишь ложе с человеком, у которого есть только осязание. Ты его не любишь. Даже ты не можешь пасть так низко, чтоб любить такой фарш. Но ты позволяешь ему залезать на тебя, делать с тобой кое-что. (*Вне себя от ненависти*). Я слышал твои сладострастные стоны по ночам. Я так и видел перед собой, как вы лижетесь. Сливаются в слизи друг друга. В амёбном объятии. Щупаете друг друга, словно гигантские инфузории, слипшиеся вместе. Я так и видел, как ты кувыркаешься в постели, отдавшись бесчувственному пороку. Измазанная в его семени. (*Входит Гюннар из глубины сцены; пройдя два-три шага к центру сцены, останавливается. Они не обращают на него внимания*).

Лаура (*резко встаёт – кричит*): Убирайся вон! Вон из этого дома. Сейчас же. Чтоб духу твоего здесь не было. Вон!

Хёрд. Я не уйду. Я останусь. Я буду с Альдой. Если она выздоровеет, я не допущу, чтоб ты снова сделала её сумасшедшей. (*Быстро выходит направо*).

Гюннар (*пока Хёрд проходит мимо него*): Негодяй мелкий. (*Лаура са-*

дится на диване. Она изнурена. Гюннар смотрит на неё, его лицо не выражает никаких перемен; затем он выходит направо, возвращается, с дублёнкой, перекинутой через руку, проходит по сцене наискось, не смотря на Лауру, откладывает дублёнку в сторону, пока надевает пиджак, затем начинает надевать и дублёнку, но успевает надеть лишь один рукав, когда Лаура обращается к нему).

Лаура (Не глядя на него, но всё же с теплом): Прости.

Короткая пауза.

(Он прекращает надевать дублёнку и выжидает). Подойди сюда. (Он вынимает руку из рукава, кладёт дублёнку на диван-кровать, подходит к ней, становится у угла дивана). Сядь. Сядь и обними меня. (Он садится). Дай мне ощутить, что я чего-то стою. Дай мне ощутить, что ты меня поддерживаешь. Что я не одна. Помогите мне не сдаваться. Я уже готова сдать.

Гюннар (обнимая её): Конечно, ты не сдашься. Ты же никогда не сдаёшься. И никогда не сдавалась. Мы не сдадимся. Мы выстоим: ты и я. Я подписал этот трудовой договор. Наконец у меня есть, за что бороться. Мы будем друг друга поддерживать. Мы с тобой. (Целует её).

Лаура. От тебя вином пахнет.

Гюннар. Это пустяки. Мастер угостил меня рюмочкой, когда мы всё подписали. Больше не будет. Ничего страшного.

Короткая пауза.

Лаура (пустым голосом): Понимаю. (Высвобождается из его объятий, встаёт). Я сейчас на работу опоздаю.

Гюннар. Мне тебя проводить?

Лаура. Нет, не стоит.

Гюннар. А я могу. Всё равно мне делать нечего.

Лаура. Найди себе занятие получше.

Гюннар. Я же сказал, что больше не буду. Там была всего-то одна рюмка. (Она подходит к двери. Он смотрит ей вслед). Увидимся вечером. (Она выходит направо. Он мгновение неподвижно сидит на диване, берёт договор, прячет его за пазуху, встаёт, снимает пиджак и остаётся в рубашке – уже не той же, что в первом действии. Он вешает пиджак на спинку стула, затем неподвижно стоит и смотрит вперёд).

Гюннар. Вот чёрт!

Молчание.

(спокойным тоном): Вот чертовня проклятая.

Короткая пауза.

Зараза!

Молчание.

(Он стоит совсем неподвижно, смотрит вперёд. Затем вынимает из кармана своей дублёнки фляжку, пьёт залпом, т. е., делает 4–5 глотков сразу, стоит с фляжкой в руке, смотрит вперёд). Она через меня себя омолаживает. Каждый раз совокупляется прямо как в последний раз. И такая похотливая, что после того, как закончишь, приходится везде намываться. И она уже немолодая баба: обрюзгла и на ляжках жир откладывается. Она под тобой вся прямо так и колышется. У меня на неё больше не стоит.

Короткая пауза.

Уеду в Австралию. Прямо сейчас. *(Отхлёбывает из фляжки, запрокинув голову, допивает всё, стоит, держа фляжку в руках, смотрит вперёд. – Входит Альда, останавливается возле кресла-качалки, как в первом действии. Он смотрит на неё, и по выражению его лица нельзя ничего угадать).* Или в Антарктиду. Почему бы не в Антарктиду? Пингвины вереницей выйдут мне навстречу, и у каждого в клюве камушек. Снег будет сверкать на солнце, словно целая равнина алмазов, а они сложат свои камни к моим ногам в знак подчинения. *(Альде, поясняя):* Камни – это в стране Пингвинии главная драгоценность: золото пингвинов. – И вот они все как один выстроятся почётным караулом: грудка белая, крылья чёрные: они во фраках. А я женюсь на самой молодой и красивой из них. На пингвиньей мадонне. И стану пингвиньим королём. И будем мы ездить в ледяной карете, запряжённой кенгуру. Будем мы счастливы до конца дней своих, и у нас родятся пингвинчики с человеческими головами. – Какая гадость... *(Альда медленно подходит к двери, как в первом действии, нащупывает дверную ручку, какое-то время стоит лицом к двери. Он наблюдает за ней, когда она двигается с места, а потом смотрит вперёд).*

Молчание.

(Он поворачивается к ней, при этом повернувшись спиной к зрителям, держит фляжку за горлышко двумя пальцами левой руки, роняет её на диван-кровать, подходит к Альде, отводит её от двери, останавливается на середине сцены, разворачивает её к себе, держа за предплечье. Она не воспринимает его). Австралия ты моя! Антарктида моя! – Нет, мадонна! Мадонна собственной персоной! *(Он подводит её к креслу и усаживает. Она откидывается на спинку. Он достаёт из кармана кулёк конфет и кладёт одну конфетку ей в рот).* Мадонна.

Молчание.

(Смотрит вперёд). Единственная неповторимая мадонна в моей жизни! *(Раскусывает конфету пополам, одну половинку кладёт в рот ей, другую себе, смотрит на неё).*

Молчание.

(Подходит к дивану-кровати, достаёт из кармана дублёнки другую фляжку, пьёт потихоньку, не залпом. Входит Хёрд с правой стороны. Он быстро идёт через всю сцену по направлению к входной двери. Гюннар отставляет фляжку и преграждает ему путь. Хёрд останавливается, собирается обогнуть его. Гюннар снова загораживает ему путь. Они стоят друг напротив друга).

Гюннар. Ты с утра забыл со мной поздороваться. Ты это каждое утро забываешь. Ты не говорил мне «Доброе утро!» уже целых три месяца плюс одну неделю. Итого девяносто семь дней. И сейчас ты должен сказать мне «Доброе утро!» По одному разу за каждый день. Девяносто семь раз. На коленях. А я подожду. Мне спешить некуда.

Хёрд *(шипит)*: Отойди.

Альда *(поёт, как раньше)*: Помнишь, сидели мы вместе... *(И только эту строфу. Её пение накладывается на их разговор).*

Хёрд *(зажимая нос)*: Фу, как дерьмом завоняло. Как будто кто-то сгнил изнутри, сдох внутри самого себя – пахнет смесью тухлятины и канализации. *(Гюннар наскакивает на него, хватая за предплечье, захватывает мёртвой хваткой. Подтаскивает его к куску стены, выступающему в глубине сцены; в его руках Хёрд лёгок как пёрышко).*

Гюннар *(шипит)*: А ну, говори мне «Доброе утро!» *(Хёрд плюёт на него).* Ах, ты плевать, поэтишка несчастный! *(Хватает Хёрда за грудки, так что тому становится трудно дышать).* Я тебе башку твою бабью сверну! Я с тебя портки спущу и на улицу выкину, чтоб все видели, какое у тебя между ног убожество! Нет, я тебе лучше его оторву – это ничтожество твоё, этот твой писюн жалкий, который только и способен, что выссывать из себя стишата, которые никому не охота читать. *(Хёрду удаётся высвободить руку, и он царапает ему лицо).* Давай, царапайся! Царапайся как баба! А может, мне тебя ещё и поцеловать? Ты, наверно, как раз этого хочешь? *(Целует Хёрда в губы, а затем толкает его по направлению к входной двери. Он падает на пол. Альда тихо раскачивается на кресле, не видя и не зная, что происходит вокруг неё. Хёрд поднимается, сплёвывает, утирает губы тыльной стороной ладони, всхлипывает).*

Хёрд *(с нотками плача в голосе)*: Чудовище проклятое! Мерзавец! Я маме скажу! Она велит Рейниру тебя отлупить. Он тебя прибьёт! *(Альда прекращает раскачиваться и пристально смотрит вперёд).*

Гюннар *(кричит)*: Вон – а не то я тебе кое-что оторву! *(Хёрд бежит к двери, отпирает ключом). Живее! (Хёрд выскакивает вон. Гюннар спешит к двери, хлопывает её, запирает, отхлёбывает из фляги).* – Вот он и получил по заслугам. Хотя нет, лучше бы я ему башку оторвал.

Альда. У горы-правды стоит птица на тонких ногах и поёт. Это белая птица правды. И долго-долго после того, когда она умолкнет, будет слышен в тишине звук. Вот такая жизнь в стране, где поёт птица правды.

Молчание.

(Гюннар смотрит на неё, затем подходит к ней, смотрит на неё. Она снова начинает раскачиваться. Он выпивает всю фляжку, глотает, ставит её на стол возле кресла-качалки).

Гюннар. Ты красивая. Красивая. Красивее, чем Австралия. Красивее Антарктиды. Ты – мадонна собственной персоной. *(Собирается сунуть ей в рот конфету. Она не берёт её, смотрит вперёд. Он кладёт конфету в рот себе).*

Альда. И он был моим папой.

Короткая пауза.

Гюннар. Мне каждую ночь снятся кошмары. И с возрастом это не проходит, что бы ни говорили врачи. А становится только хуже. Я слышу визг тормозов. Мама кричит, и на меня брызжет кровь.

Короткая пауза.

(Он берёт её за руку и поднимает из кресла). Каждую ночь. (Он обнимает её, придаёт ей танцевальные позы – танго; танцует с ней по сцене (без музыки), почти несёт её на руках в танце, останавливается, смотрит на неё. Она смотрит вдаль). Сегодня ночью я был в таком ужасе, что едва не продолжил плакать, когда уже проснулся. Твоей маме пришлось утешать меня, как маленького ребёнка. А когда я, наконец, снова заснул, всё началось опять. Два раза за одну ночь. Меня как будто рубили в капусту ножом. Мама кричала, а у меня рот наполнялся кровью. Иногда я боюсь засыпать. Просто не сплю и хочу выпить. Отвратительно! *(Делает с ней несколько па – останавливается так, что она оказывается повернута спиной к зрителям. Он прижался лицом к её щеке, запечатлевал поцелуй у неё на шее, затем смотрит вперёд и крепко прижимает её к себе. Они ненадолго застывают так).*

Молчание.

Отвратительно. Жизнь отвратительна. Ей надо бы глотку перерезать. Угробить. *(Глядит вперёд).*

Молчание.

(Вдруг сгребает её в охапку и быстро уносит её в её комнату; то, как

он вносит её вглубь комнаты, видно в окне. – Свет ненадолго остаётся таким, как был, а затем резко выключается.

Занавес.

III действие

Месяц спустя. Деревья за окном оделись листвой. Время только что перевалило за полдень. Мизансцена та же. Свет постепенно набирает силу. Музыка. Во все окна ярко светит солнце, кроме окна комнаты Альды. Она стоит в глубине сцены у окна, повернув лицо к солнцу. Её глаза закрыты. Одея она иначе, чем во втором действии, и причёска у неё другая. Снаружи к окну приставлена лестница. Она доходит до верхнего этажа и забрызгана белой краской. На кухонном столе банки с краской, бутылка скипидара, жестянка с палкой внутри; подо всё это подстелены газеты. Из большого отдаления доносится песня с кассеты и отдаётся эхом. Пение приближается, заглушая собой угасающую музыку. Голос на кассете принадлежит Альде: «Помнишь, сидели мы вместе, / и шумел печальный прибор? / Из той таинственной бездны / извлекли мы краткий покой». Альда открывает глаза и одновременно слегка отворачивает голову под лучами. Подпекает собственному голосу: «Впереди ждало расставанье, / и туча скрыла тебя». Но вот пение на кассете затихает. Она стоит не шелохнувшись. Затем протягивает руку к задвижке того окна, которое открывается, и открывает его, но не настезь. Рейнир быстро спускается по лестнице. У него в руке кисть; он глядит на Альду сквозь оконное стекло. Она не шевелится, не ощущает его присутствия. Он некоторое время не сводит с неё глаз, а потом взбирается вверх по лестнице и исчезает из виду.

Молчание.

Альда. Солнце.

Молчание.

Солнце.

Молчание.

(Гвюдни входит с левой стороны, запирает дверь. Она одета по-летнему. В руках у неё свёрток, она кладёт его на диван и распаковывает. Альда медленно приближается из глубины сцены, останавливается у кресла-качалки, опирается рукой на его спинку и смотрит вперёд. Гвюдни вынимает из свёртка красивое летнее платье, поднимает его перед собой, разглядывает).

Альда (как бы в отдалении, но со временем её голос как будто приближается): И он увёл меня прочь, так что никто не услышал, и рассказал мне о той стране. В той стране много врали, много обманывали и ненавидели.

Там больше не было ни дня ласки, ни дня радости, ни дня правды. И дня надежды не было. И люди уже давно стали опасны друг для друга. (*Гвюдни садится, смотрит на неё и слушает*). Повсюду вокруг них раскинулись отвратительные непроходимые чащобы. И вот, солнце решило, что с него довольно. Оно отказалось всходить и светить на этих людей. И тогда день тоже превратился в ночь. Такой чёрной ночи никто раньше не видел, и никто о ней не слышал. И тишина стала такой огромной, что когда маленькая девочка тихонько-тихонько шептала папе на ушко: «День умер», – слышно было по всей стране. И печаль стала так глубока, что никто не мог плакать. – И в тот же миг белая птица как стрела взлетела в небо и запела. Никто не верил и никто не знал, что есть такая птица. И когда солнце услышало её пение, ему снова захотелось светить, и оно выкатилось к ней на небо, и все жители страны закричали: «День добрый! День добрый!» И солнце продолжило светить над той страной. И травы расцветали, и птицы щебетали, и все были добры друг к другу. Злые чащобы поникли. А когда птица улетела, отзвук её песни ещё долго звучал в людях. Ведь это была птица правды.

Молчание.

(Она медленно входит в свою комнату. Гвюдни провожает её взглядом. Закуривает сигарету, делает две или три затяжки; судя по выражению её лица, она погружена в себя. Затем тушит сигарету, быстро, словно стряхивая с себя что-то, встаёт и, с платьем в руках, направляется в комнату Альды. Сцена какое-то время пуста. Гвюдни входит с подносом в руках, на нём стакан и тарелка. Она ставит поднос и начинает мыть и ополаскивать тарелку и стакан. В это время на лестнице показывается Рейнир. Он держит кисть и банку краски в той же руке, что и раньше; вытягивает ногу за балконные перила, соскакивает на балкон. Он открывает балконную дверь ключом. Входит, держа в руке банку с краской. Он одет в джинсы и майку. Его одежда и руки забрызганы белой краской, на лбу большое пятно краски).

Гвюдни (*повернувшись к нему спиной, вытирая посуду*): Ты докрасил?

Рейнир. У меня краска кончилась. (*Открывает банку, стоящую на столе, мешает в ней палкой, наливает в неё скипидара*). Сейчас докрашу здесь, и мне останется только моё окно. Его я покрашу в красный цвет. Это будет как бы такой сигнал опасности: дайте Рейниру поспать, ведь когда он проснётся, то задрожит весь мир.

Гвюдни (*убирая стакан и тарелку в шкаф*): По-моему, это слишком сильно сказано! (*Он улыбается. Она садится и закуривает. Он размешивает краску, поднимает палку, даёт краске стечь с неё в банку, подливает скипидару и снова размешивает*).

Молчание.

Рейнир. А мама где?

Гвюдни. Крыльцо моет.

Короткая пауза.

Рейнир. Альда только что окно открывала.

Короткая пауза.

Гвюдни. И что?

Рейнир. Да ничего. Она так и осталась стоять у окна.

Гвюдни. Я не заметила в ней никакой перемены.

Рейнир. А ещё она сегодня утром на солнце смотрела. Стояла у окна, подняв голову навстречу солнечным лучам. Как будто она их чувствовала.

Гвюдни. Хотелось бы мне, чтоб так и было. Но я не заметила вообще никаких изменений.

Короткая пауза.

Она так далеко от этого мира, что с ней можно творить что угодно. Кто угодно может её обидеть. И она даже не поймёт. А мы ведь не каждую секунду рядом. Вдруг с ней что-то случится, а мы и знать не будем.

Рейнир. Вообще-то, она не бывает одна. И двери запираются. Ну что с ней может случиться!

Короткая пауза.

Гвюдни. А вдруг что-нибудь уже случилось?

Рейнир. Что, например?

Гвюдни. Не знаю. Я иногда за неё так боюсь!

Рейнир. Ничего не случится.

Короткая пауза.

Гвюдни. У тебя на лице краска.

Рейнир. Где? *(Она поднимается, берёт со стола тряпку, наносит на неё скипидар, стирает у него со лба краску, затем мочит тряпку под краном).*

Рейнир. Я уверен: она чувствовала, что солнце светит. Она поднимала голову, чтоб лучи играли у неё на лице.

Гвюдни. Дай-то бог. *(Протирает его лоб мокрой тряпкой, смотрит на него, гладит по щеке).* Знаешь, какой у меня был самый счастливый миг в этом доме?

Рейнир. Нет.

Гвюдни. Когда ты в прошлом году пришёл ко мне. Тебя тогда задержали за драку в Зимнем саду. Я пошла в булочную – купить тебе что-нибудь, а когда вернулась, ты уже сидел и слушал «Плач Иеремии» Палестрины, и пластинку в патефон сам поставил. Я никогда не видела ничего более удивитель-

ного и невероятного: ты сидишь, полностью погружённый в эту старинную возвышенную церковную музыку, весь опухший, оборванный, растерзанный, с подбитым глазом! И я преисполнилась счастья.

Рейнир. Могла бы найти какую-нибудь другую причину радоваться. Я её поставил только для того, чтоб понравиться тебе.

Гвюдни. Это ты серьёзно?

Рейнир. С тобой и с мамой я обращаюсь одинаково: притворяюсь тем, кем не являюсь, чтоб вы остались довольны. Как приятно видеть вас такими счастливыми! Я иногда даю вам поверить в то, что вы сами желаете думать насчёт меня. Каждой на свой лад. И после этого у меня появляется время, чтоб быть самим собой.

Гвюдни. Перестань! Ты сейчас сказал что-то совсем невозможное! Ты же так внимательно слушал музыку, что даже не заметил, как я вошла.

Рейнир. Это входило в игру. Всё ради того, чтоб сделать тебя счастливой.

Гвюдни. Я тебе не верю!

Рейнир. И я тоже.

Гвюдни. О чём ты?

Рейнир. Я тоже сам себе не верю. Если уж речь заходит обо мне, то тут вообще ничему верить нельзя. Всё не такое, каким кажется. Всё кажется каким-то не таким. Я и в самом деле слушал. Надеюсь.

Гвюдни. Так ты слушал или не слушал?

Рейнир. Ну, конечно, слушал. Я слушаю всё, что у тебя есть. Читаю всё, что у тебя есть. Слышу всё, что ты говоришь, и до сих пор рассказывал тебе о себе больше, чем себе самому. Слушал я. По крайней мере, я так считаю. Да. Наверно.

Гвюдни. У тебя это не смешно получилось. Я уж прямо не знаю, чему верить.

Рейнир. Может, не надо верить ни тому, ни другому?

Гвюдни. А это тем более не смешно.

Рейнир. Вот видишь. Я тебя немножко поморочил – и ты уже не веришь даже в свой самый счастливый миг в этом доме. Я же спец по части игры во «Всё не так, как кажется». Я перевоплощаюсь в каких угодно тварей. Разом всё и ничего. Сегодня зуботычина и фонарь под глазом, завтра «Плач Иеремии». Я рыдаю с улыбкой и улыбаюсь, рыдая. Кулачник среди кулачников. Зимний сад среди Зимних садов. Никому ни в чём не верю, кроме тебя. К тебе я отношусь иначе, чем ко всем другим. Для брата я – волдырь бесчувственный, ледышка, чтоб он мог презирать меня вместе с собственной матерью. Для матери я – ответственный, работающий и немногословный, чтоб она могла любить саму себя во мне. А для себя я – что-то совсем другое.

Гвюдни. И что же? Что ты для самого себя?

Рейнир. Не знаю. Или делаю вид, что не знаю. Или ни то, ни другое. Хотя нет. Я как боксёр-левша, который на ринге притворяется правой, а левую руку бережёт для нокаута. А на самом деле мне очень тяжело. Я безотцовщина, ведь мои брат и сестра забрали отца себе и унаследовали от него

всё: и рисовать, и писать, и сочинять, и тэдэ, и тэпэ. И у меня нет матери, ведь моя мать желает видеть во мне лишь себя и больше никого. Моя душа была сиротой, пока я не познакомился с тобой. Во как удачно выразился! Тебе придётся это признать: Душа-сирота со стальными кулаками. Я это в свою автобиографию вставлю.

Короткая пауза.

Гвюдни. Ты самое невероятное существо, которое я вообще видела в жизни. Я тебя вообще не понимаю. Ни на вот столечко.

Рейнир (с улыбкой): И я тоже. Ни на вот столечко.

Гвюдни. Вот честно!

Рейнир (с улыбкой): Вот честно!

Короткая пауза.

(Он мочит тряпку терпентином и смывает краску с рук).

Короткая пауза.

Рейнир. Я только что смотрел на тебя в окно гостиной. Ты думала: ты одна. И не знала, что я смотрю на тебя сквозь стекло. Рассматриваю тебя.

Гвюдни. Я тебя видела.

Рейнир. Я смотрел на тебя долго-долго. И ты только потом заметила, вздрогнула, а потом поспешила улыбнуться мне и притвориться, что всё хорошо. *(Проходит к раковине и умывается под краном с мылом).* Я бы отдал миллион, чтоб узнать, о чём ты там думала.

Гвюдни. Миллион чего?

Рейнир. Миллион чего угодно.

Гвюдни. Нет, спасибо. *(Он поворачивается к ней, вытирает руки о тряпку).*

Рейнир. Это жутко интересно – смотреть на людей, когда они думают, будто рядом никого нет, и тогда то, что у них обычно с изнанки, выворачивается на лицевую сторону. Иногда мне так нестерпимо хочется узнать, о чём они думают, что у меня в груди возникают голодные спазмы. Мне нравится открывать их как дома, подсматривать за каждой дверью, заглядывать в шкафы, смотреть под кроватями. Захватывать их врасплох в собственных мыслях.

Короткая пауза.

(Немного торопливо): Я пообещаю тебе считать, что Миро – более хороший художник, чем Шагал, хотя это не так. Я пообещаю тебе перестать ковырять в носу, а вместо этого начать читать Чехова. Я больше не стану мочиться мимо унитаза, я обещаю считать, что «Братья Карамазовы» – самая лучшая из всех прочитанных мною книг, а Хемингуэя презирать. Обещаю

слушать и переслушивать Моцарта и Баха, и менять носки до того, как ты начнёшь задыхаться от вони. Я прочту каждое слово, которое написал и ещё напишет Лакснесс, постараюсь не трогать зеркало пальцами, а вместо этого начну учить испанский, чтобы читать в подлиннике Лорку. Кроме того я обещаю больше никогда не выдавливать зубную пасту из тюбика с середины и не бить никого по роже, как бы мне ни хотелось. И всё это я сделаю, если ты скажешь мне, о чём ты думала, когда была такой бледной и неподвижной, что мне показалось: ты заболела или умерла, пропала – ах, как грустно.

Гвюдни. Ни о чём я не думала.

Короткая пауза.

Рейнир. Может, ты думала о минувших временах, когда ты была шикарной дамой, и твой дом был полон коктейльных вечеринок и фарфоровых бесед?

Гвюдни. Нет. Об этом я не думала. Хотя, с другой стороны, было бы неплохо, если б ты начал делать хоть что-нибудь из того, о чём ты сейчас говорил. Я имею в виду тюбики с зубной пастой, несвежие носки и прочее. А ещё тебе не помешало бы сократить число твоих походов в Зимний сад, чтоб найти там себе «тёлку», как выражается твой брат.

Рейнир. Терпеть не могу культурненьких девок: я в их присутствии импотентом становлюсь. У меня такое ощущение, что в самый разгар утех они начнут цитировать Бодлера, потому что по-нормальному для них некультурно.

Гвюдни. Как ты себя чувствуешь, когда просыпаешься с так называемой «тёлкой» после проведённой ночи?

Рейнир. Дохлым. Грязным. Пустым. Как овечья туша, из которой внутренности вынули. У меня целая неделя уходит на то, чтоб восстановиться. А тогда уже настаёт время снова идти в Зимний сад и найти себе другую.

Гвюдни. Вот ведь слабак.

Рейнир. Хёрд себе сейчас одну такую завёл.

Гвюдни. Какую ещё «одну такую»? *(Альда появляется в окне своей комнаты. На ней платье, которое было у Гвюдни. Выражение лица у неё уже не такое далёкое, как раньше).*

Рейнир. Культурненькую. Дочь Ханнеса из Стекляшки. У них денег как грязи. Плюш да картины. Возвышенные загадочные беседы о жизни и искусстве за рюмкой ликёра. С бахромой. Совестьливый страх перед атомной бомбой с привлекательной мировой скорбью в глазах. Там обращают внимание на твой знак зодиака. А когда занавес упадёт – приличные совокупления.

Гвюдни. Тебя зависть гложет ниже пояса.

Рейнир. Мне не хочется становиться каким-нибудь культурным ликёрщиком на коктейльных лапках, и чтоб у меня из моей аккуратненькой пасты какая-нибудь разумность капала!

Гвюдни. Его путь не лежит через зимние сады, грязь и мордобой. Но из-за этого он не становится хуже. И в нём есть поэтическая жилка. Более то-

го – поэт он хороший.

Рейнир. Последыш атомной бомбы.

Гвюдни. А это что такое?

Рейнир. Это значит – последыш атомной бомбы.

Гвюдни. Не понимаю.

Рейнир. А тебе и не надо понимать. Достаточно того, что это понимаю я.

Альда. Солнце. Солнце пришло.

Гвюдни. Ты злой.

Рейнир. А мне надо быть добрым? Порхать на маленьких дурацких ангельских крылышках и вилять в лицо миру крошечной ангельской попкой? Я не добрый. Быть добрым не хочу. Настоящим – может быть. Но не добрым. В том, чтоб быть настоящим, заключено больше доброты, чем в том, чтоб быть добрым.

Гвюдни. А как по-твоему, ты – настоящий?

Рейнир. Нет.

Гвюдни. Вот и мне так не кажется. Я думаю, ты скорее не настоящий, а неправдивый.

Рейнир. И злой. Полный зла. Ты знаешь, что я только что делал?

Гвюдни. Я никогда не знаю, что тебе взбредёт в голову сделать. Ты непредсказуемый.

Рейнир. У нас под крышей пауки. Прямо над твоими окнами. Паутина на паутине. И ты им каждый день заводишь музыку: Бетховена-Баха-Шуберта-Шумана-Моцарта-Палестрину-Вивальди. Они купаются в музыке и божьем солнышке: жадные пузатые толстяки. Четыреста миллионов лет они выпрядали у себя из задницы жестокость. Самый прочный на свете материал по отношению к весу – паутина. Гениально – просто блеск. Больше всей красоты Соломоновой. Омерзительная красота. За всё это время они выучили всего штук двадцать функций: ткать-убивать-размножаться-жрать и тэдэ, и тэпэ. И больше ничего. Поджидать тех, кто порхает на своих дурацких крылышках. Сегодня, как и вчера.

Гвюдни. Один и тот же день: день жестокости.

Рейнир. Четыреста миллионов лет.

Гвюдни. И не наступает день ласки, день радости, день надежды.

Рейнир. Я взял одного толстячишку и закинул в паутину другому. Ему станет гадко, когда он увидит в роже другого своё отражение, подумал я. И тут весь вид мутирует. Совершенно новое переживание: самосозерцание. Появится двадцать первая функция. Они так вздрогнут от неожиданности, что упадут друг другу в объятия, толстобрюхи несчастные! Я буквально уткнулся носом в паутину, чтоб ничего не пропустить: самую важную новость за четыреста миллионов лет. Владелец паутины скатился к тому, другому, просто молнией. Я чуть с лестницы не упал! (*Тонает по полу*). Во! (*Изображает жестами*). Из задницы – нитку, накинул её на него, замотал прямо как упаковщик в магазине. Во! Стаж в четыреста миллионов лет: узелком, крест-накрест и бантиком! И дrrrr! – вонзил в него свои ядовитые жвала до упора.

Лишил жизни. В десяти сантиметрах от моих глаз. Я сполз вниз по лестнице. Сердце колотилось у меня в груди как бешеное. Мне хотелось разреветься. Орать хотелось. И всё же я был заморожен. Чертовски заморожен. Ведь это была сама жажда жизни. Правда жизни. Мне было дурно: я дрожал и трясся от испуга. Может, я и сам был пленником этой голой жестокости: горы, солнце, цветы, музыка – всего лишь блестящая паутина вокруг меня? Я лёг в траву, и меня наполнило отвращение к паутине Бетховена-Баха-Чехова-Лорки-Миро-Шагала. Отвращение к себе самому – и я подумал: а ведь венцом всего было бы, если бы в этой тщательно продуманной жвачке жестокости существовал бог!

Молчание.

Гвюдни. Примерно в то время, когда мы развелись с мужем, в моду вошло жить мало, зато хорошо. Он был бесцеремонным и юным в обращении. Это тоже было в моде. Носил, насколько я помню, шляпу на затылке, а полы пальто у него разлетались. Как раз такой человек, чтоб любить его слепо. Он ждал ребёнка от другой женщины, и я так ненавидела её за то, что она смогла завести ребёнка, что заболела: ненависть поселилась в моём теле, словно гигантский вирус. Однажды я подошла к дверям церкви, откуда старик вышел вслед за гробом. Я вошла в церковь, чтобы помолиться богу о том, чтоб он убил ребёнка в утробе той женщины. Мне казалось, здесь он долго раздумывать не будет: погубил же он египтян в древности. Но я так и не смогла произнести эту молитву. Я просто заплакала. И я помню, что на следующий день проснулась в больнице. А ненависть ушла. Как будто мне сделали операцию и вырезали опухоль. Пожалуйста, не пойми меня неправильно: я сомневаюсь, что верю в бога. И привязана, видимо, мало к чему. Но существует другая правда жизни, чем правда паука. (*Закуривает сигарету*).

Короткая пауза.

Рейнир. Какая же?

Гвюдни. Есть страна. В ней белая гора. Чудесные ручьи стекают по склонам этой белой горы. Они сделаны из правды. И гора тоже сделана из правды. И это дивная гора.

Рейнир. Страна, которой нет. Гора, которой нет. Правда сумасшествия.

Гвюдни. Страна, которая внутри у каждого. Гора, которая внутри у каждого. И птица правды поёт.

Молчание.

Рейнир. Ты знаешь, что Хёрд собирается издать её стихи и сказки в своей собственной книге: полкниги – её, полкниги – его?

Гвюдни. Да, знаю.

Рейнир. Я собираюсь помешать этому.

Гвюдни. Почему?

Рейнир. Ведь она и моя сестра. А меня не спросили. Ему не позволено публиковать в своей собственной книге то, что сделала она.

Гвюдни. То, что сочинила она, – уже не его книга.

Рейнир. Я собираюсь этому помешать. *(Альда исчезает из окна. Снаружи в дверь вставляют ключ. Входит Лаура. У неё ведро для мытья полов со свисающей с борта тряпкой, швабра; она запирает дверь изнутри. Рейнир вынимает палку из банки и смотрит на неё, словно проверяет густоту краски. Лаура ставит швабру в шкаф для швабр. Рейнир мешает в банке).*

Гвюдни *(дружелюбно)*: Он вот-вот докрасит.

Лаура *(не смотря на неё)*: Хорошо потрудились! *(Берёт ведро и собирается выйти направо).*

Рейнир. Я подал документы в Штурманское училище. *(Лаура останавливается и смотрит на него).*

Короткая пауза.

Лаура. Значит, ты осенью начнёшь учиться?

Рейнир. Да, осенью. Я говорил с директором училища. Он сказал, по мне видно, что я стану хорошим капитаном.

Лаура *(с небольшой улыбкой)*: А я всегда говорила. Ты ещё разговаривать не начал, а уже хотел выйти в море.

Рейнир. День познаётся с утра, как говорится. Я говорил Гвюдни, что собираюсь покрасить своё окно в синий цвет. Как море. А она мне запретила. Захотела, чтоб оно лучше было красным. Как сигнал опасности.

Короткая пауза.

Лаура. *(более холодным тоном)*: Когда начнётся учебный год?

Рейнир. В октябре. Со «Слипа» я уволился.

Лаура. А что ты собираешься делать, пока не начнётся учёба?

Рейнир. Смотреть на море и воображать себя капитаном.

Лаура *(сухо)*: Я бы хотела, чтоб ты говорил более серьёзно, чем ты взял моду в последнее время.

Рейнир. Прости. Я собираюсь выйти в море. Копить деньги на зиму. Я не буду ни у кого сидеть на шее. Буду платить и за жильё, и за стол. Я справлюсь.

Лаура. Другого и быть не может. Ты справишься. Я всегда это знала.

(Смотрит на него. Он на неё не смотрит, мешая в банке. Гвюдни курит. Лаура с ведром выходит направо).

(Продолжение следует)

Перевод с исландского Ольги Маркеловой

РУДОЛЬФО АНАЙЯ (1937 – 2020)

ПРЕДИСЛОВИЕ

В разделе «Американа» представлен перевод с английского языка главы романа широко известного мексикано-американского (чикано) писателя, профессора Рудольфо Анайя «Тортуга» (1979). Художественная проза, эссе, произведения для детей и юношества Рудольфо Анайя высоко оценены во всём мире. Его книги переведены на 10 языков, включая испанский, немецкий, французский, итальянский, польский, португальский, турецкий, японский, китайский, русский языки. В разные годы в журнале «Переводчик» были опубликованы произведения Рудольфо Анайя в переводе с английского языка Татьяны Воронченко: эссе «Писательский пейзаж: Эпифания в пейзаже» (2001), «Ацтлан: отечество без границ» (2002), интервью «Писатель и литература» (2001), главы из романа «Халаманта: послание из пустыни» (2023); в переводе Татьяны Воронченко, Марии Воронченко: рассказ «Рождественские фаролитос» (2020). В данном номере журнала представлен перевод первой главы романа «Тортуга», опубликованного в 1979 году в издательстве *Berkeley: Editorial Justa Publications, Inc.* Роман переведён на польский (1990) и японский (1997) языки.

Роман «Тортуга» (исп. «черепашка») автобиографичен. Писатель повествует в нём о собственном опыте преодоления физического недуга, который связан с полученной в юности серьёзной травмой позвоночника, повлекшей за собой временный паралич. Рудольфо Анайя психологически точно и образно показывает путь не только борьбы юноши с телесной болью, но и духовного самораскрытия, обретения внутренней гармонии. В романе прослеживаются черты магического реализма, появляются элементы мифопоэтики. Книга привлекает внимание огромной жизнеутверждающей силой, обладает богатым потенциалом воздействия на молодое поколение, поскольку способствует формированию и укреплению воли и любви к жизни.

Татьяна Воронченко

ТОРТУГА

Глава 1

В первое мгновение после пробуждения от тяжёлого, беспокойного сна я не мог понять, где нахожусь, но тут послышались громкие голоса Филомона и Клепо и я почувствовал, как сильный ветер буквально раскачивает старый автомобиль скорой помощи. Я попробовал немного подвинуться, но не смог. Так всегда было после пробуждения. Попытка шевельнуться не увенчалась успехом, паралич держал меня мёртвой хваткой.

Наконец я смог повернуть голову и выглянуть в маленькое окно. Холодный затяжной дождь не прекращался. Он только моросил, когда мы выезжали из госпиталя, и теперь, по мере продвижения на юг по пустыне, он усиливался, превращаясь в серую ледяную пелену. Почти всё время в пути мы были окружены темнотой, и только вспышки молний, прорезавших небо, озаряли пустынный, необитаемый ландшафт. Всю дорогу я проспал; дождь, барабанивший по крыше машины, и отдалённый грохот грома были моей колыбельной. Я открыл глаза и вспомнил, как мы выезжали на рассвете, и Филомон сказал тогда, что мы прибудем в госпиталь к середине дня.

«В твой новый дом», – добавил он.

Дом... На севере, дома, должно быть, уже пошёл снег, здесь же лил бесконечный унылый дождь, который нёсся по пустыне и окутывал нас тёмной пеленой. Я снова попробовал подвинуться, но паралич, вкупе с пронизывающим до костей холодом, не давал возможности шевельнуться. Я тихо выругался.

«Никогда раньше не видел такой темноты», – услышал я шёпот Клепо.

«Ничего, – ответил Филомон, – самые тёмные часы – перед рассветом. Кто знаком с пустыней, тот знает, что дождь обычно не идёт долго. Сейчас может идти дождь, а через минуту налетит пыльная буря. Смотри, на западе тучи уже расступаются».

Я повернул голову и взглянул в окно. Вдалеке я увидел чёткий контур горного хребта. Вокруг расстилалась белая солончаковая пустыня. Она была покрыта колючим кустарником и иссохшими травами, которые, казалось, цеплялись за грубую почву и напоминали пучки седых спутанных волос. Наверху солнце изо всех сил пыталось пробиться сквозь тучи. На востоке показалась бледная радуга, которая перекинулась через всё бескрайнее серое небо.

Мне вспомнились радуги моего детства, прекрасные, высеченные небесным скульптором арки, распростёртые с севера на юг. Перелив ра-

дужных лучей света, их гармония словно венчали небо и землю. Моя мать научила меня вглядываться в радуги, она называла их накидкой Пресвятой Девы Марии. Когда заканчивалась летняя гроза, обычно мы выходили на улицу и стояли под мелким дождём, морозящим после бури. Мы запрокидывали головы, подставляя лица дождю. Мать высовывала язык и ловила золотистые капли. Ещё она умела руками вылавливать из илистых запруд лягушек, собиравшихся там после дождя. «Они как ты, – сказала она мне как-то, – благословлённые дождём дети воды». Когда мне было больно, она прижимала меня к себе и пела по-испански...

*Исцеляйся, исцеляйся,
«мамин хвостик», милый мой!
Завтра будешь снова резвый,
лягушонок дорогой.*

И мамины прикосновения прогоняли самую страшную боль. Но когда меня разбил паралич, маминых объятий и молитв оказалось недостаточно. Её лицо стало бледным и вытянутым, глаза потемнели. «На всё воля Божья», – сказала она.

«Смотри, вроде проясняется, – заметил Филомон, – солнце показалось».

«Ура, солнце!» – крикнул Клепо, помощник Филомона, маленький проказливый горбун. Я заметил, что он хромает, когда они грузили меня в машину скорой помощи.

«Кажется, уже видно вершину горы», – весело воскликнул Филомон.

Я полностью проснулся. Последние образы сновидений растаяли, когда тёмная стена дождя скрылась на востоке. Только редкие раскаты грома разносились по небу. Машина скорой помощи раскачивалась, словно корабль, и в моём спутанном сознании воспоминания то всплывали, то исчезали. Снова и снова мне виделось лицо матери. Она плакала, когда меня увозила скорая, хоть и понимала, что это было необходимо. Врачи сделали для меня всё возможное, однако им пришлось далее направить меня в новый госпиталь на юге, персонал которого специализировался на лечении и уходе за детьми-инвалидами. И если была хоть какая-то надежда вернуть к жизни моё обездвиженное тело, то она вела в это место. Так что ранним утром меня отвезли на каталке в амбулаторное отделение, погрузили в машину скорой помощи Филомона, и путешествие началось.

«Взгляни вон туда! – снова крикнул Филомон. – Видишь гору?»

Я попытался повернуть голову, чтобы посмотреть, но не смог.

«Что за гора?» – спросил я.

«Гора Тортуга¹, – ответил он и оглянулся на меня, – прямо рядом с госпиталем. Не беспокойся, я постараюсь поставить машину так, чтобы тебе было хорошо видно». Он произнёс это чересчур радостно и воодушевлённо после такой долгой, изнурительной дороги. В подтверждение своих слов он съехал на обочину, и мы тряслись по ней, пока Филомон не нашёл подходящее для обзора место. Он остановил машину, заглушил мотор, затем перелез через сиденье туда, где лежал я, пристёгнутый ремнями к носилкам.

«Эй, Фило, – проворчал Клепо, – ты останавливаешься здесь каждый раз, когда мы привозим нового ребёнка. Тебе не надоело показывать им эту проклятую гору?»

«Это же всегда новый ребёнок, – улыбнулся Филомон, ослабляя ремни, удерживавшие меня, – и каждый ребёнок заслуживает того, чтобы увидеть гору отсюда. Я хочу, чтобы этот мальчик тоже увидел её». Филомон был старик с лицом, изрезанным глубокими морщинами, и грубыми мозолистыми руками, но двигался как молодой. Он осторожно приподнял меня, чтобы я смог выглянуть в окно и увидеть гору.

«Вот она, – мотнул он головой в сторону, – это она, Тортуга». Глаза его заблестели при виде горы – застывшего вулкана над безлюдной пустыней. Её вершина терялась глубоко в сером небе так, что казалось, она магически соединяет небеса и землю. Гора располагалась к востоку от речной долины, и лучи послеполуденного солнца, отражаясь от мокрого склона, покрывали её серебристым блеском.

«Это волшебная гора», – прошептал Филомон, крепко прижимая меня к себе, и я почувствовал, что его сердце забило сильнее. «Смотри, – сказал он мне на ухо, – смотри же!». Я попытался разглядеть хоть что-то за вулканическими глыбами и гранитными валунами, которые напоминали очертания черепахи, и старался уловить общий чёткий ритм, возможно, связывающий нас с гигантской горой, но не смог. Я очень устал. Веру в магическое я потерял в ту ночь, когда меня разбил паралич, и это чувство становилось всё острее в те ночи и дни, которые я провёл на больничной койке полностью обездвиженным.

Я отрицательно покачал головой.

«Ничего страшного, – улыбнулся он, – сразу ни у кого не получается. Но теперь, по крайней мере, ты знаешь, что она существует». Он выглядел очень усталым. Для него это тоже была долгая поездка. Ему пришлось вести машину в такую сильную бурю, какой я ещё не видел. Но теперь мы были почти на месте.

«А где госпиталь?» – спросил я.

«Он на этом же берегу реки, только отсюда не видно. Видишь, там

¹ Tortuga (исп.) – черепаха. (Прим. пер.).

над долиной поднимается дымок? Это Аква-Бендита, маленький городок, но люди приезжают сюда отовсюду, чтобы искупаться в минеральных водах из источников, которые бьют из горы...»

«В городе живёт полно стариков, больных артритом, – хихикнул Клепо, – которые мечтают излечиться, окунувшись в источник, но от возраста и смерти не убежишь!» Он хлопнул себя по бедру и засмеялся. Филомон не ответил. Он сел рядом с кушеткой и посмотрел в окно на пустыню. «Какой бы ужасной для нас ни была буря, она благотворна для растений. После зимних ливней пустыня зацветёт, как сад», – проворчал он себе под нос и скрутил сигарету. Манерой разговора и выражением лица он напомнил мне кого-то из раннего детства – кажется, моего деда, которого я порядком подзабыл.

«Все эти старые городки и деревеньки нанизаны вдоль реки, подобно бусинам чётки», – продолжил он, размышляя вслух.

«Да уж, тому, кто пересекает эту пустыню, нужно много молиться, – согласился Клепо, – ведь это дорога смерти».

«Нет, это дорога жизни. Наши предки издавна странствовали вверх и вниз по реке. Сначала здесь кочевали индейцы, затем пришли другие народы, но все они останавливались в одном и том же месте: у целебных источников горы Тортуга...»

Он говорил и курил. Тусклое солнце светило в окно и играло в клубочках сигаретного дыма. Я окончательно проснулся, но лихорадочное возбуждение не давало мне успокоиться и разобраться, какой сегодня странный день со всем этим путешествием, со стариком и его помощником. Меня била дрожь, но совсем не от холода. В салоне скорой помощи было душно. Клубился табачный дым, и в окна бил солнечный свет. Глаза Филомона сияли.

«Как давно вы возите детей в госпиталь?» – спросил я.

«Да сколько себя помню, – ответил Филомон. – Купил старый катафалк на авторазборке, переделал его в машину скорой помощи, с тех пор и вожу детей».

«Нам платят по тридцать долларов за ребёнка – живого или мёртвого, – засмеялся Клепо. – Мы перевезли много детей, страдающих всевозможными недугами, и узнали массу интересных историй. Наверное, мы уже могли бы быть врачами, правда, Фило? А вот о тебе ничего не знаем, потому что ты всю дорогу проспал». Клепо обернулся и стал сверлить меня взглядом.

«Он устал», – сказал Филомон.

«Да, но он уже очнулся, – ухмыльнулся Клепо. – Так как же он стал калекой? Я вижу, что это не полиомиелит, уж полио-то я отличу. И почему у него левая рука забинтована, а? Да тут целая история, а он нам ни единого слова не сказал!»

Казалось, он был расстроен тем, что я проспал большую часть пути и ничего не рассказал о своём прошлом. Но для меня после паралича прошлое уже не имело значения. Всё как будто умерло, кроме снов и воспоминаний, которые не давали мне покоя. Однако даже они не могли защитить от всего того ужаса, который на меня свалился и который я проклинал до изнеможения.

«А вы отвозите детей обратно?» – спросил я.

«Нет, – ответил Клепо. – Это против правил!»

«Но тебя же я подобрал», – напомнил ему Филомон.

«Я путешествовал автостопом, – отпарировал Клепо, – хоть кто мог меня отвезти».

«Ты заблудился. Я нашёл тебя плачущим в самом эпицентре песчаной бури. Тебе повезло, что я оказался рядом».

«Я не плакал, это песок мне в глаза попал», – настаивал Клепо. Филомон улыбнулся: «Да неважно, главное, ты стал отличным помощником». Это, наконец, удовлетворило Клепо, он хмыкнул и уселся обратно. Филомон придвинулся ближе ко мне и сказал: «Мы не отвозим никого обратно, это не наша работа, но когда тебе станет лучше, ты сам сможешь вернуться домой. Просто подожди до весны, и тебе станет лучше. Я понимаю, что сейчас всё выглядит скверно, но весной реки оживут, и пустыня станет нарядной, как юная невеста. Ящерицы выползут на солнышко порезвиться, и даже гора задвигается...». Он прикоснулся рукой к моему лбу, потом наклонился. Возможно, он хотел поправить фиксирующие ремни, и мы нечаянно стукнулись лбами. На миг я почувствовал облегчение, как будто паралич отпустил меня. Филомон застегнул ремни и снова вскарабкался в кабину водителя.

«Филомон говорит, что ты должен не спускать глаз с горы», – вдруг произнёс Клепо в полной тишине.

«Что ж, нам помогла вера в этот забытый край, – ответил Филомон, – и многим детям помогла. Ведь здесь – место великой силы».

Он завёл машину и поехал вниз по склону холма в долину, но я видел, что он всё ещё смотрит на гору и всё ещё ощущает странную силу, которая, по его мнению, исходит от неё.

«Вода из горных источников священна, – вслух размышлял Филомон, – издавна индейцы проводили здесь свои зимние обряды. Они приходили сюда, чтобы очиститься, купаясь в тёплых водах... водах Черепахи... Позже испанцы, придя сюда, назвали источники «Лос Охос де ла Тортуга» («Глаза Черепахи»), а когда обнаружили, что вода способна исцелять от многих болезней, то назвали деревню «Аква-Бендита» («Святой источник»)».

«Кто здесь живёт?» – спросил я, когда мы въехали на окраину маленького городка. Через окно были видны облезлые крыши загра-

вочных станций, придорожных мотелей и кафе. Там был полуразрушенный кинотеатр, отель из красного кирпича и множество вывесок, поскрипывавших на ветру, которые рекламировали горячие минеральные ванны.

«Здесь живут в основном старики, приезжающие принимать целебные ванны, работники госпиталя и немного старых фермеров, которые пытаются зарабатывать на жизнь продукцией со своих участков вдоль реки...».

Филомон развернул скорую, и я мельком увидел дорожный знак, на котором было написано «Госпиталь для детей-инвалидов и сирот». Стрелка указывала наверх, поэтому с шоссе, проходившего через маленький городок, нам пришлось снова поехать вверх по склону в направлении к блеклым обшарпанным зданиям, которые жались друг к другу на вершине холма. Я по привычке стремился увидеть как можно больше и инстинктивно пытался повернуться, но всё напрасно – невозможно было даже пошевелиться. Всё, что мне удалось, – это повернуть голову и рассматривать гору за долиной. Безнадёжность парила в воздухе подобно тяжёлым зимним облакам, окутывавшим вершину горы. Гора казалась какой-то затерянной и неуместной в необъятной пустыне, которая окружала её. Мне стало интересно, какие тайны хранит она в своей сердцевине. Я понял, что в чём бы ни заключалась таинственная сила горы, именно в ней Филомон черпал энергию, его голос был полон надежды, а глаза сверкали даже после долгой и утомительной поездки.

«Местные доктора творят чудеса, – сказал Филомон, – теперь они умеют выпрямлять кости, соединять нервы и мышечную ткань...»

«Да, хотя они так и не исправили мою хромоту, – возразил Клепо. – Но голову даю на отсечение, что никто из врачей не верит во всю эту ахинею, которую ты впариваешь мальчишке».

«Не обращай внимания на Клепо, – рассмеялся Филомон, – ему просто нравится быть крутым, но в глубине души он-то знает...»

Что же именно он знает, задумался я, в то время как громада горы гипнотизировала меня. Это точно был потухший вулкан. Гребень горы был изогнут, как опущенная голова рептилии. Огромные вулканические плиты застывшей лавы образовали массивные пластины панциря. Склоны горы с зазубринами у подножия и тёмные глубокие ущелья создавали иллюзию перепончатых, кожистых лап черепахи. Даже глянцевого перелива дождя, льющегося на эту «спину», казались мне похожими на чешуйчатую кожу змеи или жабы в маслянистых радужных разводах. Чем дальше я вглядывался в гору, тем более живой она казалась мне, до тех пор, пока я не уверился, что на самом деле смотрю на гигантскую черепаху, которая устроилась на ночлег. Но в чём же её волшебство? На голых, тёмных, мрачных склонах горы не было никакой растительности.

«Хорошенько прислушайся, и ты услышишь подземную реку, которая течёт из недр Тортуги, – сказал Филомон. – Под горой есть огромные пещеры, и по ним текут мощные солёные реки – моча черепахи. Да-а-а, эта старая гора – живая... Это настоящая морская черепаха, которая забрела на север, когда океан высох и превратился в пустыню. Но она живая до сих пор, и только ждёт, когда очередной планетарный сдвиг освободит её из заточения. И это обязательно произойдёт. Старикки говорили, что всё циклично, даже само время... и когда океаны вновь затопят землю, как это было однажды, Тортуга станет свободной...»

«Фило, ты свихнулся», – рассмеялся Клепо.

«И что, в этом и есть секрет горы? – съязвил я. – Ждать нового потопа? Не хочу ждать так долго! Я хочу двигаться, прямо сейчас!» Я ругнулся и дёрнулся, несмотря на немощь, однако паралич держал меня так же крепко, как земля – Филомонову черепаху.

«На это надо время», – сказал Филомон.

«Да, это точно, время», – согласился Клепо.

«Сколько времени? – прокричал я. – Сколько?» Я был согласен с Клепо в том, что Филомон сумасшедший. Океан никогда не вернётся. Земля будет только высыхать и умирать. И даже дождь, который лил на нас во время путешествия, был горячий, как кипяток, сразу испарявшийся в пустыне. У меня уже не было сил верить в его безумный рассказ. Казалось, паралич не отпустит меня никогда.

«Ну вот и госпиталь», – сказал Филомон. Он свернул на посыпанную гравием подъездную дорогу, обсаженную по бокам чахлыми деревьями. Я взглянул в окно и мельком увидел серые здания. Иссохшие кусты можжевельника жались к продуваемым ветром стенам госпиталя.

«Ну и долгая же была поездка, – Клепо потянулся и зевнул, затем добавил, – как хорошо, что теперь я не в этом проклятом госпитале. От воспоминаний меня в дрожь бросает...».

«Сюда всегда долго добираться, – сказал Филомон, разворачивая машину скорой помощи и подъезжая к входу, – а для мальчишки всё только начинается...» Я понял, что он имел в виду меня.

Клепо выскочил из кабины и открыл дверь. От холода я задрожал. Высоко в небе ветер гнал редкие льдистые облака к горе.

«Похоже, будет снег, – услышал я чей-то голос. – Это новенький?»

«Сегодня принимает не Златовласка», – пробормотал Клепо. Действительно, это спросил санитар, который вывез каталку нам навстречу. Они дружно подняли меня, осторожно переложили на каталку, накрыли одеялом и завезли в огромное тёмное помещение.

«Филомон!» – крикнул я.

«Здесь я», – отозвался он.

«Ты что, сейчас уедешь?»

«Как только доктор подпишет бумаги...»

«Как только они будут подписаны, мы уже не будем за тебя отвечать», – съехидничал Клепо.

«Где мы?» – спросил я. Полумрак, спёртый воздух в большом старом помещении обеспокоили меня. Я повернул голову, взгляделся в темноту и увидел людей, стоящих вдоль стены, в основном женщин. Одежда на них была тёмная, многие держали на руках детей. Это были дети-инвалиды. У некоторых были специальные распорки, другие опирались на костыли, остальные молча сидели в креслах-каталках. На стенах, высоко над ними, висели большие портреты каких-то важных персон.

«Это приёмный покой, – объяснил Филомон. – Все, кто приезжает в госпиталь, сначала попадают сюда. Этажом выше кабинеты врачей, за ними – хирургическое отделение. Не беспокойся, сразу после осмотра тебя отправят в палату».

«А сколько здесь палат?» – спросил я.

«Дополна», – ответил Клепо. «Пойду-ка куплю колы», – бросил он и удалился.

«Похоже, сегодня день посещений, – заметил Филомон. – Родители, которые живут поблизости, имеют возможность приезжать и навещать детей». Затем он добавил, предупреждая мой вопрос: «Твоя родня живёт слишком далеко на севере, им будет трудно совершать такие долгие поездки через пустыню... поэтому частых визитов не жди».

«Понимаю», – кивнул я, представив себе нашу бедность и нищету, которые буквально не давали вздохнуть, их тиски были прямо как паралич, из-за которого я не мог двинуться. Моя мать вряд ли смогла бы приехать сюда, у неё просто не нашлось бы столько денег. Наверное, это даже к лучшему. И что бы она здесь делала? Сидела бы и смотрела на меня, как те женщины в приёмном покое? Нет, такого я бы точно не хотел. Лучше напишу ей, чтобы она не волновалась. Можно передать через Филомона, что я понимаю, какие сейчас тяжёлые времена, и будет лучше, если я постараюсь самостоятельно справиться со всем, что меня ожидает в госпитале. Жалость бы мне точно не помогла, а материнскую веру в Бога я, кажется, утратил.

«Если увидишь моих, скажи, чтобы не приезжали», – попросил я Филомона.

«Передам», – кивнул он. Тут к каталке подошла молодая девушка, и глаза Филомона заблестели. «Ох, Исмельда! – улыбнулся он. – И что ты тут делаешь?»

Девушка улыбнулась в ответ: «Помогаю нянечкам доставлять детей из палат в приёмную на встречу с матерями... Ну и жаркий денёк выдался сегодня, несмотря на холод». «А это что, новичок?» – спросила

она и взглянула на меня, мило улыбнувшись. У неё были тёмные глаза и длинные волосы, обрамлявшие овальное личико, самое прекрасное из всех, что я видел в жизни. Похоже, она была моя ровесница, может быть, чуть-чуть постарше, но уже носила белую униформу санитарки. «Да, мы его только что привезли», – кивнул Филомон.

«Паралич...» – пробормотала она, прикоснувшись к моему лбу и погладив по волосам. От её прикосновения у меня мурашки побежали по спине и рукам. Она впиалась в меня взглядом, совсем как Филомон. Исмельда нежно погладила меня по лбу и взглянула на Филомона.

«У него перелом позвоночника, – сказал Филомон и добавил: – Он с севера».

«Я так и поняла по его тёмным кудрям, – сказала она, снова улыбнувшись. – Кстати, он хочет пить». Она тут же исчезла. Не знаю, как она догадалась, что я хочу пить, но я действительно хотел. В горле пересохло, и я чувствовал, как изнутри поднимается жар.

«Что она здесь делает?» – спросил я Филомона.

«Она живёт с Хосефой в долине, на окраине города. Они обе работают в госпитале: застилают постели, моют полы, помогают чем могут...»

Исмельда снова подошла ко мне и поднесла соломинку к губам. Я стал жадно пить, чувствуя, как холодная вода омывает глотку. Мне первый раз за день удалось попить, и вода мгновенно освежила меня.

«Как хорошо, – сказал я, напившись, – вода так бодрит».

«Горная вода очень сильная, – кивнула Исмельда, – потому что она минеральная».

Не знаю, от чего – чудесной воды, которая придала мне сил, или прикосновения девушки, – но я почувствовал себя гораздо лучше. Я перевёл взгляд с неё на Филомона и понял, что они очень хорошо знакомы: они тепло приветствовали друг друга, как старые друзья, и чувство лёгкости общения между ними постепенно освобождало меня от страха перед госпиталем.

«Мне пора, – сказала она, прикоснувшись к моей руке, – часы посещения почти закончились, и нам нужно проводить детей в их комнаты. Но я вернусь и подойду к тебе».

Она сжала мою руку, и неожиданно я смог это почувствовать. Инстинктивно я попробовал сжать её руку в ответ и вдруг ощутил, что мои пальцы откликнулись и на мгновение сомкнулись, будто искра пробежала по ним. Затем она ушла. Кто-то сунул мне в рот термометр, прежде чем я успел окликнуть её по имени.

«Эта девушка будет тебе сниться, – улыбнулся Филомон. – В ней есть особая сила..., она знает всё о горе».

И тут вернулся Клепо. Он высыпал солёный арахис в банку с ко-

лой, и, допивая газировку, пытался своим красным языком нашарить орешки.

«Хочешь, поделюсь?» – спросил он меня. Я покачал головой.

Нянечка вынула термометр, взглянула на него и жестом подозвала медбрата. «Отвези этого парнишку в приёмную Стила», – скомандовала она. «Филомон, с тобой всё», – бросила она, расписавшись на его папке с документами, и ушла.

«Эй, тебя направляют к Стилу, – прошептал Филомон, – он самый лучший доктор».

«Детям он нравится, – подтвердил Клепо. – Это он меня лечил».

Медбрат взялся за каталку. Филомон притормозил его на минуту, склонился ко мне и прошептал: «Запомни, не спускай глаз с горы, в этом весь секрет. Держись Исмельды, они с Хосефой знают толк в исцелении...». Затем медбрат снова подтолкнул каталку и повёз меня. Я увидел, как Филомон и Клепо машут мне на прощание.

«Увидимся весной!» – крикнул Филомон, и Клепо повторил: «Да-да, весной!»

Где-то в огромном зале раздался резкий голос: «Часы посещения окончены!» Люди стали собираться и расходиться, кто-то из детей заплакал. Я повернул голову, чтобы окликнуть Филомона: страх перед госпиталем вернулся, и я боялся остаться один, но его уже не было видно.

«Увидимся весной!» – казалось, я слышал его крик сквозь толпу, – «Просто подожди до весны!» Санитар вывез меня из приёмного отделения в длинный тихий коридор, затем вкатил в ярко освещённую комнату и ушёл. У меня заболели глаза от резкого света потолочной лампы, я закрыл их и стал ждать. Мысленно я представил, как Филомон и Клепо машут мне на прощание, и попытался вообразить пустыню, которую мы пересекли, но она была такая бескрайняя и безжизненная, что памяти просто не за что было зацепиться. Казалось, солнце выжгло там всё живое. Я помнил только, как змеевидные смерчи вздымались к небу, затем на нас обрушился дождь, и я крепко заснул.

И вот теперь я здесь, в каком-то месте посреди этой пустыни, непонятно где. Филомон и Клепо были последней ниточкой, связывающей меня с домом, но сейчас она оборвалась. Но хотя бы та девушка, Исмельда, была здесь. Я всё ещё чувствовал её прикосновение и ясно представлял её лицо.

Мои размышления прервала нянечка. Она снова измерила мне температуру, пощупала пульс на запястье и спросила, хорошо ли работает у меня кишечник. Я рассмеялся. Это был глупый вопрос. Она улыбнулась и стала задавать мне другие вопросы, записывая ответы в табличку. Когда она закончила, то сказала, что доктор скоро будет, и

вышла. Я опять закрыл глаза и лежал, прислушиваясь к звукам госпиталя.

До меня доносились крики детей; иногда мне казалось, что они были где-то поблизости. Я напряг слух и неожиданно как будто бы слышал звук журчащей воды глубоко под землёй. Я то погружался в поверхностный сон, то выныривал из него. Мне снилась мать, которая говорила, что на всё воля Божья и её нельзя подвергать сомнению..., а потом приснился отец. Он сказал, что каждый человек вынужден жить в соответствии со своей судьбой, и от неё не уйдёшь... Меня, разбитого параличом, не могло успокоить ни то, ни другое... Вдруг кто-то коснулся моего плеча.

«Спишь?» – спросил доктор. Он держал меня за запястье и щупал пульс, пронизывая взглядом своих светлых серо-голубых глаз. Потом улыбнулся и спросил: «Что, долгое было путешествие?» Я кивнул. Он приложил стетоскоп к моей груди и послушал: «Болит что-нибудь?»

«Думаю, пролежни на заднице и ступнях опять воспалились», – ответил я. Первую неделю в больнице меня держали на вытяжке на спине, так что на кровати остались следы от кровоточащих язв на ягодицах и пятках. Стил взглянул на них и покачал головой.

«Сильное воспаление, – сказал он. – Долгая дорога ещё никому не приносила ничего хорошего. Попрошу медсестру промыть их и наложить лекарство от жжения и зуда». Он долго осматривал меня, тыкал булавкой сверху вниз и обратно по рукам, пытаясь найти живое место, просил меня попытаться подвигать ногами, мышцы которых, казалось, совсем омертвели. Завершив осмотр, он сказал: «Нужно сделать рентген позвоночника», затем дал указания медсестре, и они с санитаром укатили меня в рентген-кабинет. Там они переложили меня на твёрдый, блестящий стол. Ассистент зафиксировал меня в определённом положении, и из-за ширмы последовало указание задержать дыхание. Я посмотрел вверх и увидел металлический затвор, затем почувствовал, как что-то тёплое прошло сквозь меня, и жужжание аппарата стихло. Ассистент повторил процедуру, повернув меня на бок, чтобы получить вид с другой стороны, и отпечатал более дюжины снимков. Лежать в неудобном положении было очень больно. Чем больше он работал со мной, тем сильнее я чувствовал жжение в желудке. Наконец, я закрыл глаза и постарался не думать о щелчках и жужжании аппарата, обо всех этих «Задержи дыхание» и «Ещё разок» бледного, худого ассистента. Я думал о Филомоне, едущем по безжизненной пустыне в своём переделанном катафалке, и горько рассмеялся про себя. Может быть, я действительно умер, и госпиталь – только иллюзия, уводящая от реальности... Я вдруг подумал, как сильно Филомон напоминает мне деда. Дед, бывало, приезжал навестить нас... по широкой равнине в повозке, запряжённой му-

лами, самыми красивыми в наших землях кремовыми мулами... размахивая кнутом...

Со лба ассистента градом катился пот. Он тихо выругался себе под нос: «Придётся сделать ещё один грёбанный снимок! Этот Стил – тот ещё сукин сын. Если снимок не подойдёт, он ещё раз заставит делать...» Но Стил не отверг ни один из снимков. Он внимательно рассмотрел каждый, когда они подсохли, сделал несколько пометок, затем повернулся ко мне.

«Окей, выглядит неплохо. Как долго тебя держали на вытяжке?», – спросил он.

Я не помнил. Помнил только долгие, мучительные ночи, удушье, жару, пот, от которого промокали простыни, и как я старался не спать, потому что боялся, что если засну, то умру.

«Неважно, – сказал он. – Врачи там хорошо поработали, и тебе не нужна операция. Я думаю, самым лучшим для тебя будет хороший крепкий гипс, от пупка до макушки. Таким образом мы постараемся начать физиотерапию как можно быстрее. Это необходимо, чтобы попытаться спасти ноги. Понимаешь?»

Я кивнул.

«Хорошо. Если ноги всё-таки не полностью парализованы, то мы готовы сделать всё возможное, чтобы они задвигались. Однако ты должен помочь нам. Не сдавайся!». В его голосе прозвучали твёрдость и искренность. Врач хотел мне помочь. «Ты должен постоянно работать над собой», – сказал он. Он вложил два пальца в мою ладонь и сказал:

«Попробуй их сжать», и я попытался. «Кисть отвечает, значит, рука действует...»

Странно, но я не припоминал ни одного случая, когда бы мог шевельнуть пальцами до того момента, как мою руку подержала Исмельда. Сейчас моё тело, казалось, начало оживать. Это было новое ощущение, особенно острое на фоне страха, который сковал меня в ту ночь, когда разбил паралич.

«Я безумно хочу ходить!», – воскликнул я. Я просто мечтал снова начать ходить и бегать!

«Хорошо, – кивнул доктор, – тогда работаем. Не теряем времени. Сначала парикмахер. Он пострижёт тебя налысо. Так будет удобнее накладывать гипс на голову», – пояснил он. В этот момент в палату вошёл низенький толстячок. «Окей, Кано, обрежь ему голову “под ноль”».

«Да, сэр», – сказал Кано и развернул простынку, которую накинул на меня. «Как дела, малец?» – он улыбнулся и начал стричь. Он беспрерывно болтал, пока стриг, и когда улыбался, его тонкие, как подведённые усы вставали торчком. «У тебя густые волосы, тёмные и волнистые, такие девушкам нравятся, о-ля-ля», – он подмигнул и театрально зака-

тил глаза. «Такие волосы после стрижки надо сжигать, как моя бедная мама обычно говорила, чтобы их не прихватили ведьмы... и не утащили вить свои гнёзда. Совсем как обычная женщина, ха-ха, которая укладывает волосы гнездом на голове». Он разразился смехом и отбросил остриженные волосы в сторону. «Моя мать верила в ведьм. Смотри, – он поднял руку и показал, что у него всего четыре пальца. – Она говорит, что это у меня из-за наложенного на неё проклятия в то время, когда она вынашивала меня. Кто знает? Доктор Стил предлагал нарастить мне палец, и бьюсь об заклад, он смог бы сделать это, доктора сегодня прямо как боги, могут всё, но я отказался, сказал: "Спасибо, док, не надо, я и с такой рукой неплохо справляюсь со стрижками! Не стоит менять что предначертано, неисповедимы пути Господни", так и сказал».

Он закончил стрижку, нанёс мне на макушку густую тёплую пену, прикрепил лезвие к кожаному ремешку и начал брить голову.

«Так сколько тебе лет, парнишка?» – спросил он.

«Шестнадцать», – ответил я.

«Везёт тебе, у тебя ещё вся жизнь впереди. Здесь тебе понравится. Здесь всё есть: бассейн, школа, церковь, вкусная еда, ТВ, игры, – всё! Некоторым детям здесь лучше, чем дома..., многие даже не хотят уезжать отсюда...»

Когда Кано выбрил мою макушку, я почувствовал холодок.

«Ну и что с тобой случилось?» – спросил он, вытирая лезвие простышкой, накинутой на мою грудь.

«Несчастный случай...»

«А-а, жизнь полна несчастных случаев. Так много детей сегодня страдает... Полиомиелит, эпилепсия, что угодно... иногда очень тяжело это всё видеть. Не пойму, почему Бог допускает такое? Однажды я спросил об этом Фило. Ты ведь с Фило приехал, да? Он такой мудрый. Ему, должно быть, чуть не сто лет, но он всё ещё возит детей. Как бы то ни было, знаешь, что он говорит? Что это всего лишь промежуточная станция на жизненном пути. Я не пойму, о чём он. А ты понимаешь?»

Я покачал головой. Он сполоснул мою бритую голову и насухо вытер салфеткой. «Нет, не знаю, что он имел в виду под «станцией». Значит, есть и другие станции. Ну а здесь, на этой станции вас, мальцы, восстанавливают, собирают по кусочкам. Кусочек из попки вставляют в руку; переломанные в разных местах кости соединяют стальными штырями; выпрямляют кривые ноги; тех, кого считают безнадежным, возвращают к жизни... чёрт побери, однажды и тебя они поставят на ноги и, хочешь не хочешь, заставят ходить!» Он хрипло хохотнул, затем посерьёзней. «Ну вот, парень, посмотри, что получилось», – с улыбкой сказал Кано и поднёс ко мне ручное зеркало. Я посмотрел на свою блестящую бритую голову. Без волос черты моего лица – орлиный нос и

тёмные глаза – смотрелись более выразительно.

«Не горюй, – сказал он, – отрастут. Не то что мой палец, который так и не вырос. Знаешь, говорят, что волосы растут даже у мертвецов...». Он собрал свои приспособления и вышел, крикнув на прощание: «Не горюй, парень, снова вырастут!»

Я закрыл глаза и задумался: но если волосы одинаково растут и на мертвецах, и на живых, то как тогда понять, жив ты или нет? А этот доктор Стил, подумал я, чудотворец, по словам Кано, что, чёрт возьми, он собирается со мной делать? И на кой ляд мне этот гипс на всё тело? Разве это поможет мне ходить? Какую силу я должен отыскать внутри себя, калеки, которая подняла бы меня на ноги? Я напрягся и попытался пошевелить ногами, но из этого ничего не вышло. Проклятье, выругался я, проклятье!

Потом я тихо лежал и прислушивался к звукам госпиталя. Мне показалось, что я слышу девичьи голоса, где-то там девушки переключались друг с другом. Клепо говорил что-то о женском отделении. Вдали слышались звуки гитары, кто-то тихо напевал слова из известной кантри-песни Дона Гибсона:

*В этот синий грустный день
Я стремлюсь укрыться в тень,
Убегая от невзгод и от тоски...*

Доктор Стил вернулся с двумя другими врачами. «Это специалисты по накладыванию гипса, – сказал он, осматривая мою голову. – Кано поработал хорошо, ни одной царапины». Он погладил меня по бритой голове.

«Выглядит, как лысая гора», – пошутил один из врачей.

«Что ж, давайте помещать его в панцирь. Ты готов?» – спросил доктор Стил. Я кивнул, и они приступили к работе. Они работали молча, быстро и точно. Один из них смешивал гипс с водой, и кабинет постепенно наполнялся запахом свежей, влажной земли. Доктор Стил и ещё один врач наложили плотную марлю и крепко забинтовали меня. Они смочили бинт в полученном составе и наложили ещё несколько кругов бинта. Гипсовый панцирь быстро увеличивался, покрывая меня от бёдер до макушки; и только для лица и ушей остались небольшие отверстия. Пока делали панцирь, я держал глаза закрытыми. Поскольку доктор Стил руководил операцией, я чувствовал себя в надёжных руках. Он был хладнокровным медиком, знающим своё дело. Потеряв интерес к происходящему, я ушёл в себя, мысленно представил гору, подобно мне, закованную в панцирь и застывшую в ожидании тектонических сдвигов на земле, которые, как сказал Филомон, должны её освободить.

Имел ли он в виду, что я должен быть таким же терпеливым, как гора, и впасть в спячку внутри своего панциря, пребывая в анабиозе... в ожидании весны...»

«Неужели до самой весны?» – громко спросил я.

«Ну да, почти до весны», – ответил доктор.

Панцирь сжал меня со всех сторон, от пупка до макушки, оставались лишь отверстия для рук, чтобы я мог передвигаться, подобно Тортуге, которая стронется с места, когда морские воды снова затопят пустыню... такую белую и чистую, как гипс, из которого сделаны статуэтки святых в доме моей матери... Снаружи завывал зимний ветер, и я встрепенулся, сколько же сейчас времени. Кто-то пропел:

*Кто успел стащить галету,
Пока мама курит где-то?*

«Ох уж эти пацаны», – рассмеялся доктор. Он откинулся назад и закурил сигарету. Работа подходила к концу, и только Стил продолжал подравнивать гипс, стараясь, чтобы всё выглядело безукоризненно.

«Хватит уже, дай гипсу подсохнуть», – сказал один из врачей, обращаясь к Стилу. Тот, наконец, кивнул: «Да, пожалуй, довольно, будет ровный, как шомпол».

И вот теперь я был в безопасности, в полной безопасности в моём новом панцире, защищён, как гора, взвалив на себя эту новую ношу, которая давила всё сильнее.

«Ты почувствуешь, как гипс ещё немного затянется, – сказал Стил, – но это нормально. Дадим гипсу подсохнуть, потом сделаем рентген, чтобы убедиться, что он наложен правильно. Тогда всё будет хорошо», – он пожал мне руку, и врачи ушли, закрыв за собой дверь.

Прямо ужас как безопасно, подумал я. Безопасно в этом панцире. Защищён, как гора. С закрытой дверью в комнате стало удушающе жарко. Я то проваливался в тревожный сон, то выныривал из него. Вдруг я услышал, как кто-то открыл дверь.

«Эй, здесь кто-то есть».

«Это один из новеньких Стила... похоже, лежит обсыхает».

«Давай тогда пойдём в другую палату».

«Как скажешь, медсестричка...»

Они вышли, и комната снова погрузилась во тьму. Темнота становилась всё более гнетущей. Панцирь сжал мою грудь, как тиски, его острые края впились мне в живот. Я пару раз пытался позвать кого-то, но меня никто не услышал. При закрытой двери из коридора не было ничего слышно, но если лежать совсем тихо, то можно было услышать звук льющейся где-то воды. Я долго прислушивался к этому звуку, за-

тем, не в силах сдержаться, обмочился на матрас и одеяло. Я выругался, попробовал повернуть голову и обнаружил, что даже этого лишён. Я снова выругался и попытался уснуть, но не смог: гипс сковывал тело, и мучила духота в комнате. Хотя нянечка и обработала мои пролежни, они снова горели, отзываясь колющей болью в спине. Я уже собирался опять позвать кого-нибудь, но тут открылась дверь, на потолке мелькнул луч света, и дверь тихонько закрылась.

«Доктор?» – позвал я. – «Няня?» Но никто не отзывался. Видимо, кто-то просто заглянул, и я упустил свой шанс. А потом я ощутил, что в комнату кто-то вошёл и встал у дверей! Я задержал дыхание, прислушался и услышал, как некто тихонько прокрадывается ко мне.

«Кто здесь?» – спросил я. Ответа не последовало, но кто-то точно был в комнате. «Кто здесь?» – крикнул я.

«Я наблюдаю за тобой с тех пор, как ты приехал сюда», – ответил голос.

«Кто ты?»

«Неважно, кто я! Главное, я знаю, кто ты», – ответил голос. В его словах прозвучала угроза.

«Позови врача», – попросил я.

«Нет!»

«Тогда я сам позову!..» – заорал я, но тонкая, иссохшая рука зажала мне рот. Я задохнулся от запаха протухшей рыбы, исходящего от этой руки. Я сплюнул и попытался снова закричать, но грязная, шероховатая рука крепко зажимала мне рот.

«Врачи ушли на перерыв, – насмеялся незнакомец, – и к тому времени, когда они вернуться, будет слишком поздно, черепаха!» Он засмеялся и придвинулся ближе, так, что я почувствовал зловонное дыхание и увидел в темноте горящие жёлтые глаза. «Не кричи, – прошипел он. – Не будешь кричать, я отпущу тебя». Он медленно убрал свою сухую, скрюченную руку от моего рта.

Я хватал ртом воздух: «Кто ты? Чего тебе надо?»

«Я узнал, что ты здесь... и что тебя привёз Филомон. Он рассказывал тебе свои безумные истории о горе?»

«Не понимаю, о чём ты», – ответил я. Он был какой-то чокнутый.

«Ну ты-то как раз понимаешь, Тортуга! – оборвал он меня. – Не дерзи мне! Я видел, что вы приехали с Филомоном, и знаю, что Кано брил тебя! И вот тебя запихнули в панцирь, как у черепахи! Так вот, Филомон утверждает, что каждый раз, когда гора приходит в движение, здесь кто-то обретает способность двигаться! Вот в чём суть. И он считает, что ты можешь избавиться от паралича, который держит тебя, как черепаху, распластанную на спине. Но это полная чушь! Услышал меня, Тортуга? Чушь собачья! Что ж, валяй! Вперёд! Двигайся!». Его голос

сорвался на фальцет, он завизжал в каком-то безумии.

«Ты сумасшедший», – сказал я.

«Ага, сумасшедший, – ухмыльнулся он. – Видишь это?» Он показал мне свою иссохшую руку. «Вот уже целый год она у меня сохнет, и никто ничего не может поделывать. Когда-то я тоже поверил в Филомонову бредятину, но это ни к чему хорошему не привело!»

Он задыхался от крика. Его слюна летела мне прямо в лицо, широко распахнутые глаза сверкали во мраке комнаты.

«Так значит, тебя выбрали новым Тортугой, ха-ха! Поместили тебя в большой, как на горе, панцирь, ха-ха! Ну я-то посмотрю, правда или нет история Филомона! Увидим, будешь ли ты двигаться!»

Он чиркнул спичкой. В темноте вспыхнул огонёк, и в воздухе пахло серой. При свете я разглядел его лицо – измученное, сердитое, – и иссохшую руку с тёмной морщинистой кожей.

«Я выясню, Тортуга ли ты!», – крикнул он и поднёс спичку к моему лицу.

«Какой Тортуга! – заорал я. – Ты совсем свихнулся!» Я попытался отвернуть лицо от пламени, но не смог.

«Давай двигайся, – крикнул он. – Двигайся, гора! Приди и вылечи мою руку! Двигайся, Тортуга!»

«Нет! – заревел я. – Не могу!» Я закрыл глаза и почувствовал запах палёных ресниц.

«Двигайся, Тортуга! – кричал он в исступлении. – Двигайся! Раскрой свой секрет!»

В тот момент, когда пламя опалило мои глаза, я услышал, как открылась дверь и кто-то крикнул: «Дэнни! Какого чёрта ты здесь делаешь?»

Комнату залил свет. Спичка сразу потухла.

«Н-ничего», – пробормотал мальчишка по имени Дэнни и отпрянул. Я открыл глаза и увидел, как он обогнул каталку. «Я просто зашёл навестить, Майк, я... я просто заглянул к Тортуге...»

«Какого чёрта ты припёрся, – прикрикнул на него Майк. – Опять замышляешь что-то плохое! Убирайся на хрен отсюда, или я сломаю твою треклятую руку!»

Я услышал, как Дэнни выбежал из комнаты, затем как заскрипела инвалидная коляска Майка, когда он приблизился ко мне.

«Ты в порядке?» – спросил он.

«Ты появился как раз вовремя, – ответил я. – Я не знаю, зачем, но он подносил к моим глазам спичку...»

«Он свихнутый, – выругался Майк, – и творит беспредел. Изредка, под моим контролем, он ведёт себя неплохо... Так ты и есть тот новенький, о котором говорит всё отделение? Приехал с Фило, да? Я Майк. Я

слышал, как Дэнни назвал тебя Тортуга, как гору. Тебе это подходит, потому что у тебя такой гипсовый панцирь... знаешь, а ты правда похож на черепаху». Он постучал по гипсу: «Отличная работа, держу пари, это сделал Стил».

«Кто-то здесь поминает моё имя всеу?», – произнёс доктор Стил, входя в комнату.

«Привет, док, как дела? Я тут говорю с Тортугой, хвалю вашу работу...».

«Тортуга, – протянул доктор Стил, простукивая гипс и проверяя его сухость, – так Майк уже дал тебе прозвище...»

«Ему подходит, не так ли? – улыбнулся Майк. – Вообще-то Дэнни опередил меня, это он так прозвал его».

Стил улыбнулся: «Да, Тортуга в самый раз. Ну и как панцирь?»

«Немного тесноват».

«Ты привыкнешь», – бросил он.

«На животе и плечах гипс немного отошёл...»

«Это не проблема. Мы подрежем и заклеим. Готов сделать рентген?»

«Конечно».

«Хорошо, давай посмотрим, как он схватился...». Когда доктор взялся за каталку, чтобы увезти меня, Майк спросил его, могу ли я остаться в их палате, когда вернусь в отделение.

«Он мой земляк», – сказал Майк.

«Посмотрим», – кивнул доктор Стил и повёз меня в рентген-кабинет. Рентген не занял много времени, пара снимков, и доктор Стил удостоверился, что с гипсом всё в порядке: «Теперь тебе можно отдохнуть и поужинать». Он подровнял гипс с помощью маленькой электропилы, затем быстро обработал края. Стало легче, хотя я всё ещё не мог привыкнуть к весу панциря. «Долгий был день, – сказал Стил, заклеив что необходимо, – всё свалилось на нас одновременно: и посещения, и операции, – вот почему и в коридорах была такая неразбериха. В палате будет спокойнее. Я выпишу тебе на сегодня снотворное, а завтра утром зайду». Он позвал санитаря, и шустрый приятный мужчина, жующий жвачку, подскочил к нему и «взял под козырёк»:

«Что прикажете, док?»

/Источник: Anaya, Rudolfo A. Tortuga. Berkeley: Editorial Justa Publications, Inc., 1979. 197 p. Pp. 1–17. /

Перевод с английского Татьяны Воронченко

СОФЬЯ ИВАНОВА

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРЕВОДА РОМАНА ЛЮ ЦЫСИНЯ «ЗАДАЧА ТРЁХ ТЕЛ» С КИТАЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК ЧЕРЕЗ ЯЗЫК-ПОСРЕДНИК

В настоящий момент научная фантастика переживает настоящий бум в Китае, где головокружительные темпы технологических достижений могут показаться поистине невероятными: совсем недавно Китай совершил историческую посадку на обратной стороне Луны, где планирует построить постоянную исследовательскую базу, а в следующем году планирует запустить робота для исследования жизни на Марсе. 11 ноября 2014 года в США был опубликован роман китайского писателя Лю Цысиня «Задача трёх тел» (кит.: 刘慈欣, 《三体》), а спустя всего месяц версия романа на английском языке уже вошла в список лучших книг 2014 года в США по версии Amazon.

В последующие несколько лет только на английском языке было продано более 200 тысяч книг. Английская версия «Задачи трёх тел» получила пять номинаций на международных премиях в области научной фантастики и фэнтези, среди которых «Небьюла», «Прометей» и др. А автор романа Лю Цысинь стал первым в мире писателем азиатского происхождения, который удостоился престижной премии «Хьюго» за лучший научно-фантастический роман.

Роман китайского писателя вызвал мощный отклик за рубежом, успех «Задачи трёх тел» в западных странах свидетельствует о том, что китайская научная фантастика интересна зарубежным читателям. Среди основных причин, благодаря которым роман Лю Цысиня завоевал признание, не только сюжет, вызывающий размышления о конечности существования человечества, и атмосфера времени, в котором человек и технологии идут рука об руку, но и обладающие китайской спецификой исторические и культурные реалии, удовлетворяющие любопытство зарубежных читателей: развевающиеся красные флаги на космическом флоте, база «Красный берег», изображение китайской армии и полиции,

особенности времён Культурной революции, первый император Китая – Цинь Шихуан и т. д.

Немаловажным фактором, определившим успешность трилогии, выступает и сохраняющий уникальную манеру изложения оригинала перевод. Для достижения высокого уровня достоверности английского перевода и сохранения культурных особенностей переводчик и писатель Кен Лю прежде всего руководствовался принципом – уделять больше внимания культурологическим аспектам, нежели лингвистическим. В интервью для университета Южной Калифорнии он, в частности, отметил: «Иногда те, кто не знаком с искусством перевода, сосредотачиваются на таких вещах, как «непереводимые слова» или грамматические различия между языками.

На мой взгляд, это второстепенные проблемы. Различия в культурных представлениях читателей на языке оригинала и на языке перевода являются гораздо более сложными. Для меня перевод – своего рода перформанс. Главное – это понять, какое влияние автор оригинала пытался достичь своими словами, а затем найти способы воссоздать этот эффект в новом языковом сообществе и культуре».¹ Высокий уровень перевода Кена Лю был также отмечен и самим Лю Цысином: «Обычно, когда китайскую литературу переводят на иностранный язык, она, как правило, что-то теряет», – говорит он. «Я не думаю, что это произошло с «Задачей трёх тел». Скорее наоборот, она приобрела нечто большее»².

На русский язык роман был переведён с английского, а не с китайского языка. Такой перевод (через язык-посредник) требует особой внимательности и скрупулезности, чтобы избежать возможных фактических неточностей и максимально достоверно передать мысль, которую пытался донести автор оригинала. Рассмотрим некоторые из особенностей, обнаруживающихся при сравнении текста на китайском, английском и русском языках. Например, первое, что становится очевидным при сравнении оригинала и перевода на русский язык, это – название трилогии.

В оригинальном названии романа и в его переводах на русский и английский языки существуют некоторые различия: если оригинал имеет наименование «三体», что буквально означает «Три тела», то английская и русская версия чуть более расширена: «Three body problem» и «Задача трёх тел» соответственно. В первую очередь это может быть связано с тем, какую цель преследует переводчик: сделать дословный перевод, как можно более точно передающий лексическое значение и семантику слова-названия, или донести до читателя мысль, которую подразумевал автор. Задача трёх тел (Three body problem), о которой

¹<https://china.usc.edu/qa-ken-liu-translator-three-body-problem>

²<https://cn.nytimes.com/culture/20191206/ken-liu-three-body-problem-chinese-science-fiction/>

идёт речь в романе – это термин для обозначения одной из задач небесной механики. Данный вопрос изучается физиками и астрономами уже не первое столетие, а термин закреплён в каждом из трёх рассматриваемых нами языков. Поскольку роман Лю Цысиня – произведение не просто фантастическое, а научно-фантастическое, и в нём используются реальные данные и факты из физики и астрономии, имеет смысл употреблять их точные эквиваленты, чтобы не исказить данные и перевести их в том виде, какой требует научная традиция конкретного языка.

Для перевода имён собственных с китайского языка на иностранные используются разные способы и системы (фонетическое заимствование, семантическое калькирование и комбинирование, функциональная замена; транскрипционная система Уэйда-Джайлза: система пиньинь и др.). Однако при переводе имён собственных на русский язык через пиньинь следует быть внимательным.

Для переводчика с английского, не знакомого с основами китайского языка этот способ может сослужить плохую службу: далеко не все буквы английского языка и запись звуков китайского языка латинскими буквами произносятся одинаково, поэтому при переводе китайских имён с английского языка на русский их звучание может кардинально измениться. Например, в английском и китайском языках соответственно данные буквы по системе международного фонетического алфавита звучат таким образом: j – [dʒeɪ], [tɕ]; r – [ɑː, ɑr], [ɹ ~ ʒ] и т. д. В следующем предложении упоминаются имена представителей китайской интеллигенции двадцатого века: 在首都, 四十天的时间里就有一千七百名批斗对象被活活打死, 更多的人选择了更快捷的路径来逃避疯狂, 老舍、吴晗、傅雷、赵九章、以群、闻捷、海默等, 都自己结束了他们那曾经让人肃然起敬的生命。(пер. на англ.: *Over a period of forty days, in Beijing alone, more than seventeen hundred victims of struggle sessions were beaten to death. Many others picked an easier path to avoid the madness: Lao She, Wu Han, Fu Lei, Zhao Jiuzhang, Yi Qun, Wen Jie, Hai Mo, and other once-respected intellectuals had all chosen to end their lives;* пер. на русск.: *За сорок дней в одном только Пекине были забиты насмерть тысяча семьсот человек. Некоторые, такие как Лао Шэ, У Хань, Фу Лэй, Чжао Цзючжан, И Цюнь, Вэнь Цзе, Хай Мо и другие некогда уважаемые интеллектуалы, выбрали более лёгкий путь, уйдя из жизни по собственной воле*). Все вышеуказанные имена были транскрибированы с помощью системы пиньинь и переведены на русский язык в соответствии с установленной русско-китайской традицией.

Некоторые названия организаций и объединений, смысл которых более понятен иностранному читателю, переведены буквально, без специальных пояснений. Например, “红色联合”对“四. 二八兵团”总部大

楼的攻击已持续了两天, ... (пер. на англ.: *The Red Union had been attacking the headquarters of the April Twenty-eighth Brigade for two days*; пер. на русск.: *Уже второй день Красный союз вел осаду штаба Бригады Красной охраны имени Двадцать восьмого апреля*). Интересно, что в китайском предложении название объединений записаны с использованием кавычек, а при переводе на английский и русский языки кавычки не употребляются, так как маркирующим названиям способом стали заглавные буквы.

Определённые отличия наблюдаются и при анализе переводов с точки зрения опущений. Некоторые части предложения из текста оригинала были опущены при переводе на язык-посредник и на язык перевода, соответственно. Например: 叶文洁看过他写的文章, 文笔很好, 其中有一种与这个粗放环境很不协调的纤细和敏感, 令她很难忘 (пер. на англ.: *Ye remembered reading his articles, which were written in a beautiful style, sensitive and fine, ill suited to the rough-hewn environment*; пер. на русск.: *Она читала его статьи, написанные прекрасным стилем, тонкие и прочувствованные, совсем не соответствующие грубым реалиям здешней жизни*). При переводе опущено выражение 令她很难忘 (досл.: *она не могла их забыть*, то есть статьи журналиста так хороши, что забыть их трудно) – данный фрагмент был опущен как в английском, так и в русском переводе, вероятно, во избежание перегруженности предложения и смыслового повтора.

Во второй главе был фрагмент, где из абзаца при переводе на язык-посредник и язык перевода исчезло целое предложение: 在这之前, 人类恶的一面已经在她年轻的心灵上刻下不可愈合的巨创, 但这本书使她对人类之恶第一次进行了理性的思考 (пер.: *До этого злая часть человечества уже успела нанести незаживающую рану её юной душе, но эта книга впервые заставила её серьезно задуматься о злодеяниях человеческого вида*)).

Таким образом, мы можем заметить, что процесс перевода художественного текста через язык-посредник отличается от процесса перевода с одного языка на другой напрямую. Необходимо учитывать лингвистическую традицию, грамматические и лексические особенности уже не одного, а двух языков, а также работать как с текстом оригинала, так и текстом на языке посредника, чтобы повысить уровень достоверности перевода и избежать появления фактических ошибок и неточностей.

Литература:

1. Задача трёх тел / Лю Цысинь; [перевод с английского О. Глушковой]. – Москва : Эксмо, 2022. – 464 с.
2. Liu Cixin (2014). *Three-body Problem* (First Edition). In Ken Liu (Trans). New York: Tor Books.
3. 刘慈欣. 三体 (全 3 册). 重庆出版社. 2012-01.
4. Alexandra Alter, 刘宇昆, 把中国科幻小说推向世界舞台 / Alexandra Alter // 纽约时报中文网 : электронный журнал. – URL: <https://cn.nytimes.com/culture/20191206/ken-liu-three-body-problem-chinese-science-fiction/>. – Дата публикации: 06.12.2019.
5. Q&A With Ken Liu, Translator Of "The Three-Body Problem" // USC Annenberg: сайт. – URL: <https://china.usc.edu/qa-ken-liu-translator-three-body-problem> (дата обращения: 16.03.2024)
为什么三体的英文版本翻译成 The three-body problem? // 知乎 : сайт. – URL: <https://www.zhihu.com/question/24322197> (дата обращения: 21.03.2024).

ЛИНЬ ШУСЯ

От переводчика. Предлагаю вашему вниманию четыре избранных рассказа-миниатюры из книги «Воспоминания» (回望) Линь Шуся.

В августе 2002 года я и моя супруга Ма Тяньюй работали в Шанхае на конференции «Преподавание китайского языка как иностранного» и познакомились там с госпожой Линь Шуся (林淑霞), которая подарила нам тогда эту свою книгу.

Госпожа Линь обучала китайскому языку государственных служащих в Макао. Она проработала на этой должности 10 лет (с 1986 года). До этого она более 30 лет преподавала китайский язык в средней школе.

Макао (варианты: Аомынь или Аомэнь) – очень необычный регион Китая. После возвращения Китаю Макао стал официально называться Специальным административным районом (САР) Макао (澳門特別行政區). САР Макао был образован 20 декабря 1999 года в результате ликвидации португальской колонии Макао и стал одним из двух специальных административных районов КНР (вторым является Гонконг). До этого в течение 442 лет, с 1557 года, Макао управлялся Португалией, это была старейшая европейская колония в Восточной Азии.

Макао – самый густонаселённый регион в мире. Население около 700 тысяч человек. Официальные языки португальский и китайский, но преимущественно используется не официальный общепонятный язык путунхуа, а кантонский диалект. Этот регион расположен на южной оконечности Китая рядом с Гонконгом.

Сейчас Макао – очень колоритный притягательный туристический центр. Макао – открытый порт, крупный финансовый центр, известен своими казино, игорными домами, ипподромом, ночными клубами; сегодня Макао фактически является мировой столицей азарта, с 2010 года игорный бизнес приносит бюджету Макао более 70 % доходов.

Конкретные договорённости о возвращении Макао между Китаем и Португалией были достигнуты в 1986 году, и постепенно регион стал готовиться к переходу под юрисдикцию КНР в 1999 году. Поэтому государственные служащие Макао озаботились вопросом изучения нор-

мативного китайского языка путунхуа. Были организованы соответствующие курсы. Около 17000 госслужащих Макао прошли обучение на курсах изучения государственного китайского языка путунхуа, их обучали сотни учителей китайского языка.

В этой книге госпожа Линь поделилась своими воспоминаниями о том как она общалась с госслужащими Макао и преподавала им китайский язык. Большинство из них были потомками португальцев и говорили только по-португальски и на местном региональном языке юэ (так называемом кантонском диалекте, который непонятен на слух в других регионах Китая и, по сути, является отдельным языком).

Госпожа Линь пишет: «Я глубоко ощутила особый характер коренных жителей Макао португальского происхождения (土生葡人). Ведь они, являясь, по сути, представителями другого народа, с непреклонной волей, твёрдо и решительно стремились вперёд, овладевали всё новыми и новыми знаниями, проявляли любознательность, горячо и страстно стремились к познанию китайской культуры. В эпоху больших перемен они активно совершенствовались и старались достичь в этом самого высокого качества». Автор убедительно говорит о том, что «коренные жители Макао португальского происхождения являются особым символом местного общества и одной из основных ведущих сил Макао. Макао постепенно идёт к интернационализации и этот процесс как раз является результатом блестящего сочетания китайской и западной цивилизаций в этом небольшом городе. И этот результат будет непрерывно углубляться и углубляться».

Эта книга замечательна и полезна тем, что состоит из 32-х небольших увлекательных текстов-зарисовок и написана традиционными китайскими иероглифами. Ведь хотя в Китайской Народной Республике (КНР), начиная с 1958 года и позже были официально утверждены упрощённые варианты множества иероглифов, начиная с объявления политики реформ и открытости в 1978 году и особенно в последние 15–20 лет, там была и остаётся тенденция к применению традиционных иероглифов в разного рода рекламных материалах, на визитках, в титрах некоторых кинофильмов и сериалов, на сувенирной продукции и во множестве прочих случаев как эстетически более привлекательных и несущих некий шарм древности и традиционной культуры.

Есть и более практические цели применения традиционных иероглифов в КНР. Некоторые книги издаются традиционными иероглифами, если их целевая аудитория – китайцы, проживающие по всему миру. Например, у нас в коллекции есть две небольшие книжки. Первая – «Путеводитель по инвестиционным проектам аймака Хулун-Буир Автономного района Внутренняя Монголия КНР» 1993 года издания, набранный традиционными иероглифами. В этом случае целью их исполь-

зования является привлечение инвесторов: как известно важными инвесторами для Китая после объявления в 1978 году политики реформ и открытости были как раз богатые китайцы со всего мира, которые привыкли читать только традиционные иероглифы (кроме Сингапура, где решили пойти по пути КНР и использовать упрощённые варианты некоторых иероглифов; однако способы упрощения некоторых иероглифов в этих двух странах отличаются). Вторая – «О тибетском вопросе» (автор Нгапод Нгаван Дзигмей; Пекин: Синьсин, 1991. – 40 с.). Цель использования традиционных иероглифов в этой книге – донесение позиции КНР по Тибету и правдивой информации о жизни тибетцев китайцам всего мира.

И надо помнить, что вся литература на китайском языке, опубликованная в Китае до 1958 года также записана традиционными иероглифами. А такие китайские регионы как Гонконг, Макао и Тайвань до сих пор остаются зонами использования только традиционных знаков. Китайцы, проживающие в других странах и регионах мира (в основном в США, Канаде, Австралии, Европе), также используют традиционные иероглифы. Многие иероглифы в традиционном написании очень сильно отличаются от упрощённых. Например, для сравнения покажем только несколько пар часто употребляющихся иероглифов (в переводе на русский даны только самые базовые их значения): 憂 ↔ 忧 ‘горевать’, 淚 ↔ 泪 ‘слёзы’, 衝 ↔ 冲 ‘смыть’, 興 ↔ 兴 ‘интерес’, 繫 ↔ 系 ‘связывать’, 鹽 ↔ 盐 ‘соль’, 薑 ↔ 姜 ‘имбирь’, 衆 ↔ 众 ‘толпа’, 驚 ↔ 惊 ‘испугаться’, 黨 ↔ 党 ‘партия’, 農 ↔ 农 ‘крестьянин’, 豐 ↔ 丰 ‘обильный’, 體 ↔ 体 ‘тело’, 鹹 ↔ 咸 ‘солёный’, 藝 ↔ 艺 ‘искусство’ и т. п. Поэтому современному китаисту, и особенно переводчику, необходимо уметь в равной мере хорошо и быстро воспринимать тексты, записанные тем и другим видом китайских иероглифов. Советуем учить всегда сразу оба варианта. С этой точки зрения для изучающих китайский язык очень полезной может быть книга «Китайский на ладони», о которой мы рассказали в разделе «Новинки» в предыдущем 23-м номере журнала «Переводчик», ну и, конечно, данная книга Линь Шуся «Воспоминания».

Дорогие китаисты! Приглашаю вас посетить наш сайт www.vokitai.ru и познакомиться с этими рассказами в оригинале, потому что эту книгу, как и много других редких изданий (например, упомянутую выше «О тибетском вопросе») вы можете скачать на сайте бесплатно в разделе «Синотека».

Думаю, что начинающим китаистам и переводчикам также полезно будет узнать о некоторых сложностях при работе с данной книгой и вообще с некоторыми китайскими текстами.

Первая сложность – это, конечно, традиционные иероглифы, так

как приходится дополнительно справляться по словарям, чтобы точно установить форму и значение того или иного иероглифа, потому что мы чаще привыкли работать с упрощёнными иероглифами. Поэтому для перевода текстов, записанных традиционными иероглифами, необходимо планировать больше времени, если вдруг возникает такой заказ.

Вторая сложность – это местные топонимы, которые часто записываются очень редко употребляющимися иероглифами. Например, начинающий переводчик может взять заказ по переводу какого-либо стандартного небольшого документа, и попросит за перевод стандартную цену. Однако в таких документах, например в водительских удостоверениях, может встретиться место рождения держателя документа. Это может быть какая-нибудь горная деревня. Если в языках с фонографической письменностью любое даже самое замысловатое название записывается ограниченным количеством букв, то в китайском из огромного арсенала в более 80 тысяч иероглифов для называния разных населённых пунктов могли быть выбраны очень редкие иероглифы, возможно созданные в давние времена именно только для именования данной местности, и переводчику вместо планируемых 30 минут, придётся потратить, возможно, несколько часов на перевод этого документа, чтобы установить чтение только одного или нескольких редких иероглифов. Допустим, под рукой не окажется словарей, не будет доступа в Интернет и так далее. Придётся поехать в библиотеку на другой конец города. И получится, что за такие труды он получит совершенно непропорциональную затраченным усилиям оплату. Поэтому прежде чем брать в работу заказ и объявлять стоимость услуг, лучше всего предварительно ознакомиться с содержанием документа или текста. Это касается также текстов с обилием какой-либо терминологии.

Например, в нашем случае в рассказе «Как влюблённые переводчика приглашали» есть фраза 原来鲍在氹仔工作. Оказалось, что Бао работает на Тайпе. Здесь нам встретился очень редкий иероглиф 氹, чтение которого мы не знали. Пришлось достать из шкафа бумажный Большой китайско-русский словарь и выяснить, что 氹仔 это 氹仔島 dǎngzǎidǎo «остров Тайпа, один из районов Макао», а иероглиф 氹 – это традиционный вариант или диалектная разнопись иероглифа 凵 ‘яма; канава’. Также словарь помог дать сразу устоявшееся название на португальском языке Тайпа, и информацию об этом районе Макао проще найти через поисковики Интернета благодаря этому слову. По-китайски же название этого района звучит как Данцзай на стандартном языке пунхуа, и как Тхамцзай на кантонском диалекте.

Другой проблемой при переводе с китайского являются сложносокращённые слова, которые передают особые термины и понятия и не являются единицами языковых словарей. Например, для нас большую

сложность представил уже заголовок рассказа «Португальский указ» в виде 纳编前后. Оказалось, что 纳编 nàbiān – это сокращение от двух слов: 纳入 nàrù ‘принимать; включать; вносить; помещать; ставить на... (в...)’ и 编制 biānzhi ‘1. организовывать; комплектовать, формировать 2. штатное расписание; схема формирования; организация, структура 3. плести, оплести, сплести (напр. корзину) 4. разрабатывать, вырабатывать (план, инструкцию), составлять (документ, акт) 5. личный состав, штат’. Получалось, перевести название надо как «До и после включения в штат», что, полагаем, не очень красиво и понятно для рассказа. Однако ознакомление со всем текстом позволило понять суть событий: правительство Португалии издало указ, согласно которому те госслужащие Макао, которые соответствовали определённым условиям, после возвращения Макао Китаю автоматически принимались в штат соответствующих государственных ведомств Португалии. Это нам помогло определиться с более подходящим для рассказа названием. Но для того, чтобы понять, что же всё-таки означает 纳编, нам пришлось посетить в сети Интернет китайскую поисковую систему Baidu с запросом по этому сложносокращённому слову и ознакомиться ещё с самим указом.

Получается, каждый такой маленький рассказ из четырёх представленных здесь даёт нам важные навыки и знания. Первый («Португальский указ») – навыки перевода сложносокращённых терминов, которые нельзя найти в словарях, навыки поиска исторических документов. Второй («Как влюблённые переводчика приглашали») – знания о реалиях специфической языковой ситуации в Китае. Третий («Китай в их сердцах») – знания и память о трагических днях и событиях в истории Китая, о единстве китайского гражданского общества. Четвёртый рассказ под названием «Сомнилоквия, или сонный бред» напоминает всем нам, изучавшим и изучающим иностранные языки, все наши страхи и переживания во время учёбы, а иногда и во время работы, ведь работа переводчика часто сопряжена с разного рода вызовами, будь то письменный или устный перевод. От нас, переводчиков, требуется умение находить выход из любой трудной ситуации и преодолевать сложности любого характера в кратчайшие сроки, быть, как сейчас модно говорить, стрессоустойчивыми, уметь расслабляться, отдыхать, отвлекаться от проблем и не переносить свои страхи в свои сны, как это делал ученик госпожи Линь Шуся по имени Ди. Ну, а все вместе эти четыре рассказа в какой-то мере дают нам представление о прекрасном солнечном Макао и его жителях.

Книга госпожи Линь Шуся примечательна также своим ярким оригинальным оформлением. На обложке представлен фрагмент замечательной, на наш взгляд, картины известного макаоского архитектора

Карлоса Маррейроса (馬若龍, Carlos Marreiros) «Маканцы» (《澳門土生》), написанная акриловой краской на деревянной плите и хранящаяся в бывшей мэрии Макао.

Основная идея картины такова (со слов госпожи Линь Шуся). Более 400 лет назад португальцы с юга и севера страны начали совершать свои великие морские открытия. Из Европы в Азию они принесли западную культуру и религию, вступали в брак с женщинами Китая, Японии, Индии, Шри-Ланки и Малайзии, так появились макаоские португальцы – маканцы. В течение ближайших к нашему времени 150 лет проживания в Макао маканцы чаще всего вступали в брак с китайцами, образовав несколько крупных маканских кланов и уникальную местную культуру и играя роль связующего звена, моста между Китаем и Португалией и другими странами Запада. На картине представлены знаковые культурные реликвии и здания Макао, в которых мы видим гармоничное сочетание традиций Востока и Запада. Можно сказать, что эта картина отражает взаимную интеграцию китайской и западной культур на протяжении сотен лет.

Избранные рассказы из книги «Воспоминания»

ПОРТУГАЛЬСКИЙ УКАЗ

В 1987 году была подписана китайско-португальская совместная декларация, и Макао вступил в переходный период. После этого и особенно после того, как в 1994 португальское правительство опубликовало Указ о возможности перевода определённых категорий госслужащих Макао в Португалию, многие родившиеся в Макао португальцы погрузились в мучительные размышления: принять ли им приглашение переехать в Португалию или остаться в Макао и служить новому правительству?

Коренные португальцы Макао метались между двумя этими решениями, и период 1993 и 1994 годов был для них самым сложным: один указ – два выбора.

Люди мучительно размышляли, переживали и страдали в душе. Один ученик, сокрушенно вздыхая, сказал мне: «Приёмный отец возвращает меня биологическому отцу, но мой биологический отец меня игнорирует!»¹

От окружающих меня учеников я узнала, что большинство из них не хочет переезжать в Португалию. Но им не хватало понимания и до-

¹ Дело в том, что в Указе было множество условий и требований, которым некоторые госслужащие Макао не соответствовали и не могли претендовать на аналогичные должности в Португалии. (Прим. пер.).

верия к новому правительству Макао после 1999 года, и самым главным вопросом, который мешал им принять окончательное решение, был вопрос гражданства. Уехать или остаться – эти мысли днём и ночью крутились у них в голове, но окончательный выбор они сделать никак не могли. У некоторых студентов возникали споры с супругами или возлюбленными: кто-то с лёгким сердцем готов был покинуть родную землю, кто-то не представлял себя без родного Макао. Противоречия множились и усложнялись.

Однажды перед контрольной работой один ученик в отчаянии сказал мне: «Учитель, я действительно не могу контролировать свои эмоции и сосредоточиться на задании».

Честно говоря, в то время многие мои ученики имели страдальческий вид. Помню, что только староста группы проявил благоразумие. Он сказал мне: «Учитель, мы с женой решили подчиниться судьбе, и будь, что будет, если бы я думал об этом день и ночь, то давно бы сошёл с ума».

Чтобы избавиться от беспрестанных неразрешимых сомнений и тревоги, мы, наконец, отправились всей группой в информационное агентство Синьхуа, к нам присоединились члены семей некоторых учеников.

В тот день нас принял глава агентства господин Цзун Гуаньяо. Мои ученики высказали все свои сомнения и опасения, и господин Цзун подробно ответил на все вопросы. Я помню, что, говоря о проблеме гражданства, которая больше всего волновала коренных португальцев, господин Цзун весело сказал: «Пожалуйста, не спрашивайте меня, можно сохранить гражданство Португалии или нет. Не волнуйтесь, в будущем у вас будет паспорт специального административного района Макао. Покинув Макао, если вы из кармана достанете американский паспорт, значит, вы американец, если предъявите португальский паспорт, значит – португалец».

КАК ВЛЮБЛЁННЫЕ ПЕРЕВОДЧИКА ПРИГЛАШАЛИ

Бао пришёл на первый наш урок раньше всех остальных слушателей-мужчин. И потом на протяжении более трёх лет он всегда приходил на занятия первым. Все три года на его столе в аудитории постоянно стоял магнитофон. Он делал аудиозаписи, чтобы повторять все уроки дома. Учился он действительно очень добросовестно.

По характеру Бао – добрый и скромный. Все считали его хорошим товарищем по учёбе, который с энтузиазмом помогает всей группе. Говорили, что он также хороший муж.

Через год после начала изучения китайского языка Бао стал от-

цом. Естественно, мы все пошли к нему домой, чтобы поздравить его. А когда его сыну исполнился месяц, Бао неожиданно пришёл ко мне домой с женой и новорождённым ребёнком и даже принёс мне в подарок банку яиц в рисовом укусе с имбирём.

Жена Бао – гражданка Китая из провинции Фуцзянь. Госпожа Бао говорила на не очень чистом кантонском диалекте. Когда мы встречались, она мало говорила, а больше вежливо улыбалась. Как-то раз Бао рассказал мне, что до женитьбы, когда они начали встречаться, им пришлось воспользоваться помощью переводчика.

Оказалось, что Бао работает на Тайпе¹. Он был скромным и очень застенчивым, поэтому у него не было девушки, когда он достиг брачного возраста. Позже приятель познакомил его с одной девушкой. Бао с ней встретился, и они почувствовали интерес друг к другу. Однако столкнулись с большой проблемой языкового барьера, потому что эта девушка была родом из Фуцзяни и приехала в Макао совсем недавно, она не понимала даже кантонского диалекта.

Бао был уроженцем Макао и говорил по-португальски и на кантонском диалекте. Хотя они полюбили друг друга, но они не могли понять друг друга, пообщаться у них не получалось. Это их заставило по-нервничать!

Наконец, кому-то пришла в голову хорошая идея: «Попросите кого-нибудь перевести». Вот так влюблённым пришлось встречаться в компании с переводчиком. Получался такой вот перевод их встреч: юэ ↔ минь².

К счастью, Подлунный старец³ не обманул влюблённых, и они вступили в счастливый брак!

История знакомства и бракосочетания этой китайско-португальской пары молодых людей действительно особенная!

Бао увлечённо рассказывал, а госпожа Бао то и дело счастливо улыбалась.

Я думаю, что, возможно, у каждой китайско-португальской супружеской пары есть своя уникальная история создания семьи.

¹Тайпа (氹仔) – название района в Макао, который расположен на острове и находится в 2,5 километрах к югу от полуострова Макао. (Прим. пер.).

²Юэ (粵) – кантонский диалект, минь (閩) – диалект китайского языка, используемый в провинции Фуцзянь (также как и кантонский он не понятен на слух в других регионах Китая). (Прим. пер.).

³Подлунный старец (月老) – божество брака, легендарный дух, который отвечает за брак между мужчиной и женщиной, согласно мифу он связывает красным шнурком ноги будущих супругов. (Прим. пер.).

КИТАЙ В ИХ СЕРДЦАХ

Время пролетело быстро, и трёхлетний курс обучения подходил к концу. Курсанты все больше и больше интересовались Китаем. Весна сменилась летом, и все ученики каждый день обсуждали путешествие, которым они хотели отпраздновать окончание учёбы. Самым популярным пунктом, конечно же, был Пекин.

Но как раз в это время в Пекине произошли события 4 июня¹.

Утром 5 июня по дороге на работу я сбилась с привычного темпа, меня охватила сильная тревога, на душе было тяжело и больно.

Когда я вошла в лифт, я сказала себе, что иностранцам трудно понять что творится в моей китайской душе, и мне следует взять себя в руки.

Однако, как только я вышла из лифта, я услышала голоса своих учеников, они шумно обсуждали репортаж про события 4 июня, который видели вчера по телевизору. Увидев меня, все они наперебой стали рассказывать мне об увиденном и услышанном.

«Учитель, вы это видели? Эти студенты...» – поспешно сказала одна из учениц со слезами на глазах.

«Учитель, эта сучка из гонконгского парламента ХХХ ещё заявляет...» – студентка, которая всегда была тактичной и мягкой, вопреки ожиданиям выпалила это, грубо и яростно выругавшись, чем вызвала всеобщий взрыв смеха.

«Учитель, в репортаже сказали, что у раненых нет медикаментов, поэтому призывают всех сделать взносы на покупку лекарств. Давайте мы тоже соберём деньги», – тихим голосом предложил один из учеников, и все остальные кивнули в знак согласия.

Слова моих учеников удивили, взволновали и глубоко тронули меня. Я вдруг почувствовала, что в нас течёт одна кровь, ведь иначе они не почувствовали бы такие же потрясение и боль, как я?

После этого мои ученики каждый день приходили с распечатками новостей из зарубежных СМИ, фотографиями и комментариями для раздачи всем. Каждый день при встрече все делились друг с другом новой информацией и обсуждали её. Поэтому в этот период мне часто приходилось неоднократно напоминать им об уроке, прежде чем они могли сосредоточиться на занятии.

Помню, староста группы, который всегда очень ответственно относился к учёбе, после очередной контрольной работы взял свой лист с выполненным тестом и сказал мне: «Учитель, посмотрите, я никогда не набирал меньше 99 баллов. В этот раз у меня только 93 балла. Я не могу

¹ События 4 июня 1989 года на площади Тяньаньмэнь (六四事件). (Прим. пер.).

контролировать свои эмоции и переживания». В этот момент многие из моих учеников рассказали, что они тоже смотрят телевизор и плачут.

Когда Торговая палата проводила гражданскую панихиду по погибшим в Пекине студентам, мои ученики собрали деньги, чтобы сделать венок, а некоторые из них вместе со мной даже приняли участие в поминальной церемонии.

Наконец я осознала, что эта группа португальских государственных служащих испытывает те же чувства, что и китайцы, эти чувства исходят из человечности и справедливости. А человечность и справедливость вне времени, пространства и государственных границ¹.

СОМНИЛОКВИЯ, ИЛИ СОННЫЙ БРЕД

Ди – добросовестный в учёбе и требовательный к себе человек. На первом году изучения китайского языка, он часто делился со мной своими переживаниями о том, что недостаточно правильно артикулирует звуки. И для того, чтобы улучшить своё произношение, он денно и нощно непрестанно упражнялся.

Однажды ночью он без остановки бормотал во сне zhi–zi.² Через некоторое время вдруг подскакивает и сам себя спрашивает: «Ой! А почему у меня во рту солоноватый привкус?»

Проснувшись рядом спавшая жена, торопливо встала и, внимательно присмотревшись, видит, что он, оказывается, раскусил себе кончик языка. В этот момент они посмотрели друг на друга и расхохотались.

Потом жена Ди рассказала мне, что Ди часто вот так бормочет, во сне упражнялся в фонетике. Пожалуй, это и называется «о чём днём думаешь, о том ночью сны видишь».

Перевод с китайского Николая Воропаева

¹ Здесь изложены исключительно воспоминания о фактах глубокой симпатии группы португальских учащихся к Китаю и не затрагиваются политические вопросы. (Прим. автора).

² Потенциальные слогоморфемы (какие-либо иероглифы, читающиеся как zhi и zi) китайского языка, записанные фонетическим алфавитом китайского языка на латинской основе ханьюй пиньинь. Изучение этого алфавита является обязательным в начальной школе в КНР, и иностранцы сейчас во всём мире изучают китайский язык с помощью этого единого стандарта алфавитной записи и транскрипции слов нормативного китайского языка путунхуа. Этот алфавит был утверждён правительством Китая в 1958 году и его можно приравнять к таким достижениям страны как атомная и водородная бомбы и полёты в космос, потому что до этого китайский иероглиф на протяжении тысячелетий был немим. (Прим. пер.).

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ «ИЗЫСКАННОСТИ» КИТАЙСКИХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Выразительность – уникальное свойство речи, способное разбудить, внушить, затронуть глубинные чувства, воодушевить или очаровать, напугать или успокоить. Образность является одним из способов создания выразительности. Слова в различных высказываниях, тексты в несхожих ситуациях общения обладают не одинаковой выразительностью. В текстах разных жанров, создаваемых с различными целями, используются не одинаковые способы выразительности.

Мы общаемся образами и часто даже не замечаем этого: мы привыкли объяснять, приводя сравнения, увещевать внушительными повторами, образами и интонацией. Возможности языков не имеют границ, фонетические и морфологические, лексические и грамматические явления способны нести особенный, выразительный смысл, который по задумке автора может становиться таковым только в конкретном контексте. Просторечное выражение в составе серьёзного ораторского выступления становится выразительным, клише, характерное для официальной речи, появляясь в непринуждённой беседе, способно перенастроить собеседника на серьёзный разговор. Многообразие стилистических средств и приёмов, обладающих эмоциональным и функциональным колоритом, приобретает специфические черты при сопоставлении разных языков, при необходимости передать содержание и стилиевой колорит оригинального текста в переводе.

В китайском языке с древнейших времён существовала категория 雅言 (*yaan*, досл.: *изысканный язык*), а в практике перевода критерий стилиевого соответствия 雅 (кит.: *ya*, досл.: *изысканность*) всегда отмечался как значимый, начиная с самых ранних переводов, когда древние китайские переводчики переводили на китайский язык с санскрита буддийские сутры, и позже, спустя несколько тысячелетий, рассматривался в качестве основной трудности при выполнении переводов западной научной, просветительской, а затем и художественной литературы на китайский язык в Новое время.

В понимании речевого мастерства и стилистики древние мыслители отмечали следующие важные компоненты: во-первых, смысл 意 (кит.: *i*), трактуемый разными философами как воля, желание или эмоции (всё то, что составляет содержательную сущность высказывания);

во-вторых, слова 言 (кит.: янь), называемые также речью, или языковые средства (способные вместить искомое содержание); в-третьих, художественную выразительность 雅 (кит.: я), определяемую древними как изысканность, красота или утончённость (то есть такие языковые формы, которые способны сделать из сказанного особенное). Указанные компоненты составляли уникальную модель словесного творчества, необходимую для достижения авторского намерения: смысл – слова – изящный (наиболее эффективный) способ употребления.

Данные концепты речевой деятельности, объективируемые практикой мудрецов, слагавших канонические тексты, летописцев, фиксировавших значимые события и факты, придворных учёных, следивших за каждым словом, произнесённым при правителе, нашли отражение и в процессе перевода, прежде всего, в силу того, что перевод – это тоже создание текста – текста, обладающего определённой содержательной значимостью в культурном развитии, с единственным лишь различием, состоящей в том, что создаваемый при переводе текст должен в содержательном отношении быть равным тексту оригинала.

Уникальность теоретических воззрений китайской лингвистики и переводоведения состоит в возможности объективировать так называемую «изысканность» языка как самостоятельную категорию текстообразования. Здесь и далее в работах, затрагивающих стилистические аспекты языка и перевода, а также при выполнении анализа китайского текста под «изысканностью» будем понимать такое свойство текста, которое позволяет ему отвечать нормам высказывания, принятым в обществе и допустимым для общения в данной сфере в подобных коммуникативных условиях. Так, например, изысканность ораторского текста всегда обусловлена степенью понятности для слушателей, с одной стороны, и выразительной логичности, с другой стороны. Логика построения текста является важным свойством, влияющим на его «изысканность», поскольку «логика связи между содержательными частями определяет его целостность и позволяет видеть его начало, основную часть и конец, которые должны быть взаимосвязанными»¹, что вполне закономерно, отвечает популярной в Китае метафоре, указывающей на требования, предъявляемые к каждой из содержательных частей ораторского текста.

У текста, предназначенного для публичного адресата, невзирая на его содержание и объём, должна быть голова феникса, живот свиньи и хвост леопарда (кит.: 凤头、猪肚、豹尾). То есть начало текста должно быть ярким, подобно голове мифической птицы фэнхуан с пронизывающим взором и светящимся гребнем с лучами, напоминающими лучи

¹ 写文章要讲逻辑，就是要注意整篇文章、整篇说话的结构，开头、中间、结尾要有一种关系，要有一种内容的联系，不要互相冲突 см. 《毛泽东选集》，第五卷，217页，人民出版社，1977.

восходящего солнца. В одном из ранних письменных памятников «Книге гор и морей» (кит.: Шанхайцзин), в частности говорится, что голова феникса олицетворяет доброе и вечное. Метафора, использованная для описания основной части текста, указывает на полноту содержания и достаточность фактов, а образ леопарда, точнее говоря, его длинный хвост, связан с такими свойствами, как бодрость и мощь, лаконичность и конкретность, минимализм и большой потенциал для обдумывания¹.

Для приобретения «изящности» могут использоваться определённые языковые средства и приёмы, демонстрирующие стилистическую эффективность с позиций достижения конкретных в каждом речевом событии целей. Изучение изысканности как константы текстообразования имеет большое значение в практике перевода. При анализе исходного текста мы можем объективировать те средства выразительности, употребление которых нацелено на достижение конкретного стилистического эффекта.

Как было сказано выше, способы выражения отмечены сферой функционирования речевого произведения, его назначением и ориентированностью на результат. Следовательно, функциональная отнесённость предназначенного для перевода текста имеет в выборе средств выражения изысканности первостепенное значение, а, значит, тексты разных функциональных стилей и жанров демонстрируют отличие именно на основе тех стилевых фактов, которые можно соотнести с категорией «изящности». Одним из важных критериев выразительности следует считать, на наш взгляд, фактор адресата, аккумулирующий выбор формата текста и способов его предьявления, определяющий степень суггестивности и стандартизованности, допустимого предела лаконизации смысла и экспрессивности содержания.

Одним из наиболее характерных стилей, учитывающих параметры публичности и ориентированности на массового адресата, при этом в должной степени демонстрирующим категории институциональности, является стиль публицистики и прессы, включающий ставшие в сегодняшних условиях развития общества и коммуникации самостоятельными функциональными стилями (в соответствии с классификацией функциональных стилей современного китайского языка, представленной в учебнике «Стилистика китайского языка») публицистический стиль, стиль прессы, стиль ораторских выступлений, рекламный стиль. Не преследуя цели объективации дифференциальных признаков стилеобразования, в данной работе под публицистическим текстом мы будем понимать речевое произведение, предназначенное для публичного

¹ «Стилистика китайского языка» под ред. Ли Юньхана и Шэн Юншэна, издательство Гуандун цзяюй чубаньшэ, 2008 г., с. 499.

предъявления адресату. Такой текст создан для распространения в письменной или устной форме и предназначен для популяризации научно обоснованных идей и фактов, имеющих значимость в какой-либо сфере деятельности. Это может быть экономическая тематика или политическая проблема, пропаганда защиты окружающей среды или научно-технологического развития, обращение лидера страны к членам общественной организации или к населению, открытие торжественного мероприятия или объявление о запуске новой программы и т. д. При анализе исходного текста выразительные средства призваны снять тематическую сложность восприятия, часто перегруженных терминологией высказываний, а, с другой стороны, выразительность как стилевая черта позволяет отличать тексты публичного характера от текстов научного или делового стилей.

Это именно то свойство, которое делает подобные тексты яркими, понятными аудитории, на которую они рассчитаны, и, в силу этого, отличающиеся особенной и неповторимой «изысканностью».

Для переводческой практики такая выразительность может создавать определённые трудности, так как степень экспрессивности и образности в китайском и русском публицистическом дискурсе в достаточной степени различаются, к тому же часто случается так, что образы, использованные в предназначенных для массового китайского получателя текстах, часто не имеют регулярных переводческих соответствий, а их воспроизведение в тексте перевода может привести к многословным объяснениям. Например: значение яркой метафоры «торт» в предложении 在共享发展理念的引领下，一方面充分调动人民群众的积极性、主动性、创造性，不断把“蛋糕”做大；另一方面应不断完善收入分配制度，把不断做大的“蛋糕”分好... (пер.: *Следование концепции общедоступного, с одной стороны, полностью подчёркивает стремление народа к активности, инициативности и инновациям, тем самым, ведёт к непрерывному росту; с другой стороны, требует неустанного совершенствования механизмов распределения доходов, то есть ведёт к улучшению распределения результатов непрерывного роста.*) в переводе передано посредством раскрытия значения, определяющего её стилистический эффект.

Для популяризации социально значимых идей служат простые и понятные образы, которые со временем становятся закономерным способом придания публицистическому тексту своеобразной «изысканности». Выразительность в данном случае заключается в образных **чэньюях**, которые способны в ярких красках, но при этом в достаточной степени лаконично «нарисовать» взаимосвязь выбранных в развитии ориентиров, перспективы или безуспешность реализуемого курса, на-

пример, в предложении “经济发展不应是对资源和生态环境的竭泽而渔, 生态环境保护也不应是舍弃经济发展的缘木求鱼...”¹ (пер.: *Экономическое развитие не должно составлять угрозы для окружающей среды, защита которой не должна свести на нет все попытки экономического развития*) использование выделенных чэньюев объединено в контексте предложения одним образом (ловля рыбы), который в первом случае демонстрирует хищнические последствия, а во втором указывает на абсурдность способа решения. Здесь изысканность образных выражений обусловлена стилистическим эффектом, который удваивается, благодаря художественной симметрии и лаконичности чэньюев, выступающих одним из наиболее распространённых способов, демонстрирующих существенные свойства стилистической «изящности».

В другом примере для подчёркивания значимости продуманных решений описана метафорическая ситуация, связанная с тем, как можно случайно поскользнуться на арбузной корке и упасть там, где не ожидаешь: 在创新发展方面, 习近平总书记指出:“实施创新驱动发展战略, 不能‘脚踩西瓜皮, 滑到哪儿算哪儿’, 要抓好顶层设计和任务落实”² (пер.: *В отношении инновационного развития генеральный секретарь Си Цзиньпин указывает: «В осуществлении запуска инновационного развития нельзя ‘действовать наобум’, необходимо приложить усилия для реализации высокоуровневого планирования и задач»*). А в следующем примере можно увидеть сразу несколько выразительных приёмов разных уровней с использованием образов глубокой воды, гор, тигров, крепкой кости, экспрессивность которых при переводе может быть утрачена, но содержательный компонент сохранён благодаря пониманию переводчиком их стилистического эффекта: 中国已经进入改革的深水区, 需要解决的都是难啃的硬骨头, 这个时候需要‘明知山有虎, 偏向虎山行’的勇气, 不断把改革推向前进³ (пер.: *Теперь, когда Китай уже вступил в процесс глубокого реформирования нам необходимо решить очень сложные задачи, сейчас требуется смелость для преодоления известных опасностей, чтобы добиться успеха в осуществлении реформ*).

Использованные образы заключены в языковые факты разных уровней: слова 深水区 (досл.: *глубоководное место*), 硬骨头 (досл.: *твёрдая кость*), словосочетания, 进入改革的深水区 (досл.: *попасть в*

¹习近平.在海南考察工作结束时的讲话,2013-04-10 Си Цзиньпин. Выступление по завершению инспектирующих работ на Хайнане. (Прим. пер.).

²习近平.习近平谈创新驱动:不能“脚踩西瓜皮”要抓好顶层设计.中国共产党新闻网, 2016-03-15. Си Цзиньпин. «Рассуждения о запуске инноваций «нельзя ‘действовать наобум’, необходимо приложить усилия для реализации высокоуровневого планирования», Новостной портал КПК.

³习近平在欧洲学院发表重要演讲.人民日报,2014-04-02. Си Цзиньпин. Доклады важных выступлений в европейских вузах, Жэньминь жибао, 2 апреля 2014 г.

глубокое место), 难啃的硬骨头 (досл.: твёрдая кость, которую трудно грызть), и даже предложение (пословицу) 明知山有虎, 偏向虎山行 (досл.: ясно знать, что на горе есть тигр, намеренно идти к горе, где есть тигр), которое не только демонстрирует обладающий высоким стилистическим эффектом метафорический образ, но и является фигурой экспрессивного синтаксиса – параллельным построением, способным придать высказыванию определённую «изысканность».

Особенностью текстов, в которых транслируется общественно значимое для массового получателя содержание, как правило, является интеграция информационного и экспрессивного компонентов. В соотношении этих сегментов в публицистическом тексте на русском и китайском языках отмечается явное отличие: в китайском публицистическом тексте используется гораздо больше выразительных средств. Это связано не только с образными значениями, заключёнными в словах, метафоричных оборотах или единицах фразеологического фонда китайского языка, но и с традиционными для китайской логики изложения парными и параллельными построениями, которые наряду с немаркированными экспрессивным эффектом языковыми формами воспринимаются в китайской языковой реальности как закономерность.

Литература:

1. 汉语修辞学 黎运汉, 盛永生/主编, 广东教育出版社, 2008, 560 页.
2. 汉语修辞学 黎运汉, 盛永生/主编, 广东教育出版社, 2008, 560 页.
3. 习近平.在海南考察工作结束时的讲话. электронный ресурс:
<http://jhsjk.people.cn/article/29831795>
4. 习近平在欧洲学院发表重要演讲.人民日报, электронный ресурс:
<http://politics.people.com.cn/n/2014/0402/c1024-24798823.html>
5. 习近平.习近平谈创新驱动:不能“脚踩西瓜皮”要抓好顶层设计.中国共产党新闻网, электронный ресурс:
<http://cpc.people.com.cn/xuexi/n1/2016/0315/c385475-28199107.html>

ЗЕМЛЯ ДАУРСКАЯ

ЗАБАЙКАЛЬСКИЕ ВЁРСТЫ АНРИ РУССЕЛЯ

От переводчика. Анри Руссель, граф Henry Patrick Marie, Count Russell-Killough (1834 – 1909). Один из известнейших альпинистов второй половины XIX века, исследователь Пиренеев, много путешествовал по миру. Член Французского географического общества. Написал он и о своем путешествии по Сибири в книге «Шестнадцать тысяч лье по Азии и Океании. Путешествие 1858–1861 гг. графа Анри Русселя, члена Французского географического общества. Сибирь, пустыня Гоби, Пекин, река Амур, Япония, Австралия, Новая Зеландия, Индия, Гималаи. Париж, 1864».

Эту книгу он посвятил известнейшему в Сибири да и в России графу Николаю Николаевичу Муравьеву-Амурскому, генерал-губернатору Восточной Сибири. Его стараниями с 1858 года территории по левому берегу всего Амура до самого устья стали принадлежать России.

Знаменитый альпинист проделал обычный путь по России из Петербурга через Москву, и далее по Московскому тракту до Иркутска, и уж оттуда к месту пограничной российской торговли с Китаем Кяхте.

В переведённом мною отрывке путешественник, пытавшийся попасть в Пекин, добрался до китайской столицы, но был выслан властями назад в Россию. Он снова вернулся в Кяхту, откуда и поехал по Забайкалью, которое ныне по новому административному делению стало Дальневосточным округом.

Муравьев своей властью генерал-губернатора административными распоряжениями много способствовал графу в облегчении его передвижений по подвластной ему территории и даже неожиданно для него пригласил Анри Русселя проехать вместе с ним по Забайкалью. Губернатор сам собирался проехать из Кяхты по Забайкалью и Дальнему Востоку в Японию, так что им было по пути.

Глава XII

Пребывание и праздники в Кяхте. – Забайкалье. – Нерчинск и ссыльные. – Отплытие в Сретенск. – Приплываем в Усть-Стрелку

Дважды с моим читателем пересёк я угрюмые пустыни Монголии, радуюсь теперь почти так же, покидая навсегда их, вместе с ним эту

азиатскую Сахару и эту гористую преисподнюю для путешествия вниз по Амуру, покидаю эти идолопоклонные земли для путешествия среди цветов, величественных лесов и заснеженных вершин, где перед моими глазами возникнут утешительные символы христианства.

Зеновича, кто так тепло прошлый раз встретил нас в Кяхте, там не было, он был занят управлением в Троицкосавске, а в Кяхте его заменил г. Карпов. Я совсем почти не был с ним знаком, но едва он узнал, что я должен остаться в городе на некоторое время, тут же предложил мне пожить у него. Было бы несправедливо с моей стороны не назвать поименно каждого, у кого я побывал гостем за пять недель моего пребывания в городе, где меня необыкновенно тепло принимали, иногда чуть ли не по-царски.

В Кяхте я особенно подружился с одним ссыльным католиком. Его скромность запрещает мне назвать его имя. Под крышей его дома произошла моя счастливая, хотя и кратковременная, встреча с польским ксёндзом, который объезжал свой приамурский приход величиною гораздо больше, чем вся Франция! Поскольку я направлялся в ту же сторону, у меня было возникла мысль сопровождать его в поездке. Но, побоявшись стеснить его рвение, решил я терпеливо ждать в Кяхте, в то время как Лаворов¹ помчался в Петербург, надеясь успеть переехать Байкал по льду, что было довольно проблематично.

В это время генерал Муравьев вот-вот должен был отправиться на Амур и в Японию, Кяхта не была ему по дороге, я и не надеялся его увидеть. Впрочем, для меня было невозможно, воспользовавшись столькими его благодеяниями, попросить ещё об одном, что было бы уже чересчур. По счастливому обстоятельству, Кяхта удостоилась его посещения, что продолжалось не менее двух недель, которые были заняты обедами, русскими и китайскими, балами, фейерверками и т. д. и т. п. В это время прибыл из Петербурга генерал Игнатев², которому только одно его путешествие в Бухару было бы достаточным для его славы, если бы ему даже не поручались постоянно с тех пор весьма важные миссии. Вместе с ним приехал мой друг граф Сен-При, с которым я расстался полгода назад в Москве. Он собирался теперь поехать в Пекин. Настало для нас веселое время развлечений, не говоря уже о занятиях гимнастикой, симпровизированной г. Бодкиным, которого я знал по Парижу. В очаровательном оазисе, названном «Фонтан», каждый день давали мы любительские спектакли для кяхтинского общества. Мы в них так отличались, что флаконы одеколona стали почти необходимостью, из зала слышны были нервные возгласы дам: «Хватит! Довольно!»

¹ Лаворов – приятель графа. (Прим. пер.).

² Генерал Игнатев – граф (с 1877) Алексей Павлович Игнатев – киевский и иркутский генерал-губернатор, генерал от кавалерии из рода. (Прим. пер.).

Меня также угощали несколько раз музыкой; в глубине Сибири звучал для меня «Карнавал в Венеции» Шулова. Поскольку я был не чужд игре на виолончели, по доброте души мне пытались разыскать этот инструмент, но все мои усилия пробудить его к жизни, не увенчались успехом, так как на смычке не осталось струн, то виолончель, видимо, навсегда расстроенная природой, потеряла способность к звучанию.

Наконец 15 мая, граф Муравьев-Амурский отвёл меня в сторону, чтобы узнать о моих намерениях, и, видя мое замешательство и высказанные препятствия, предложил со своим обычным великодушием сопровождать его в большом путешествии по Амуру.

В смущении я принял это предложение, испытывая радость и признательность, и хотя у меня абсолютно ничего не было готово для такого длительного путешествия, через сутки я оказался в тридцати верстах от Кяхты в Усть-Кяхте, где присутствовал на пышном прощальном обеде, данном негоциантами этого города, и ставшем завершением целого ряда гомерических трапез, которыми нас угощали целый месяц. После обеда началась сцена прощания; по русскому обычаю все уселись на несколько минут в глубоком молчании. Потом генерал встал, и начались прощальные обнимания. Прощание было тягостно, хотя и кратко: стояло три экипажа без кучеров, и лошади перебирали ногами в нетерпении. Поднявшись в коляску, предназначенную мне (поскольку в этот раз это уже был не тарантас), я в последний раз оглядел эту толпу милых мне друзей, и особенно тепло поблагодарил гг. Карпова и Зеновича, и снова покатыл с воодушевлением по азиатским степям, весь переполненный разными чувствами, думая о превратностях этой, столь краткой жизни, в которой столько очарования, но иногда и печалей.

За три дня показалась новая трава, горы на глазах покрылись яркой зеленью, зашумели ручьи, а солнце закатывалось, жаря по-тропически. Я не узнавал такой Сибири.

Генерал Игнатьев, сопровождавший нас до следующей почтовой станции, вечером расстался с нами. Мы ехали всю ночь, генерал Муравьев занимал коляску со своим секретарём, я сидел в другой коляске с членами его свиты. Следующим утром я проснулся на плоту, переправлявшемся через реку с экипажем *бурятов*¹, ужасных людей, о которых я уже говорил, которые, из монголов, ставших русскими, остались, тем не менее, верными своим *юртам* и своему грубому языку. Вскоре мы прибыли в Селенгинск, в то самое место, где ртуть моего термометра несколько месяцев тому назад стала замерзать, но теперешний вид мест-

¹ Bouraëts – буряты. Приводится в орфографии автора. (Прим. пер.).

ности, сплошь покрытой зеленью, стал настолько другим, что я ничего не узнавал.

На следующей станции со мной произошла небольшая история, о которой я позволю себе рассказать, используя привилегию, предоставляемую путешественникам, и в которой отказывают настоящим героям, привилегию говорить «я», досажая всем рассказами о своих кампаниях, каким бы эгоистичным ни был их мотив, какими бы, ни лишенными всякой славы и опасности они были. На меня набросился и сильно укусил великолепный, но один из самых неблагодарных и диких псов, которого генерал Муравьев когда-то нашёл в устье Амура, сам граф не без опасения к нему подходил. Он был весь чёрен, как ньюфаундленд (водолаз, тернёв), но несколько меньше ростом, красноглаз, рычал, но никогда не лаял. Он был настолько нелюдим, что ни с кем не общался. Чтобы привлечь внимание науки к такому странному характеру, я сообщаю о собачьей атаке на меня, к счастью, вызвавшей только кратковременное затмение чувств.

Весь день 15 мая порывами мело снег, вечером приехали в Верхнеудинск¹, где мы переночевали, а на следующее утро поехали на восток, в Забайкалье.

Эта провинция, пожалуй, наиболее важна из всех амурских, в особенности благодаря рудникам серебра, золота и свинца, поскольку сельское хозяйство находится ещё в зачаточном состоянии. Если мы говорим только о золоте, то добыча его предоставлена частному предприятию, оно добывается иногда до трёх тонн в год.

Не следует забыть упомянуть как весьма примечательный факт, что в крайне холодном регионе живёт и процветает пять тысяч верблюдов.

Меня три вещи особенно живо поражают: прекрасная дорога, скорость наших лошадей и (но, может быть, не та последовательность моих впечатлений), красота женщин.

Дорога крепкая, белая, как скульптурный мрамор, хорошо наезженная, звенела, как кристалл от ускоренного галопа наших семи лошадей в ряд, со скоростью 22 версты, т. е. 24 километра в час. Станции сменяли друг друга, и в этих недавно построенных деревушках, где сибирский крестьянин находит достаток и счастье, у нас было только время быстро выкурить сигарету и взглянуть на страницы с гравюр английской или французской «Иллюстрации», вывешенные на краю земли, чтобы напомнить жителям гигантской империи, как героические защитники Севастополя умели умирать. Впрочем, кровь, что течёт в венах этих добрых крестьян, очень знаменита, так как они являются отпры-

¹ Верхнеудинск – ныне Улан-Удэ. (Прим. пер.).

сками этих неукротимых казаков. Те, хотя история едва говорила об их подвигах, кончили отнятием земли у китайцев и половины Азии кусками.

У них прекрасные потомки, и здесь мы видим людей, которые кажутся сошедшими с полотен Рафаэля; голубые глаза, ангельскую ясность, золотисто-шёлковые волосы, восхитительный стан, мягкость и скромность. Юность, которая длится до тридцати лет, вот чем восхищаешься на каждом шагу в Забайкалье.

Природа, впрочем, преобразилась во всём своём великолепии. Горы, к которым мы приближались, правда, не предлагают взору возвышенные панорамы высоких горных цепей земного шара. Они были как Урал с округлыми вершинами и пологими склонами, но нигде я не видел подобного изобилия растительности; здесь скромный ирис и фиалка; там густые и непроходимые массы даурских рододендронов всё покрывающих ярко-красным плащом, здесь дикий абрикос и лютик; там огромные сибирские кедры, остовы которых сплавляют в арктические моря по самым великим рекам мира. Они будут бродить под саваном полюсов до тех пор, пока увлечённые новыми течениями к краям моря Баффинова, они послужат согреванию рас людей, спрашивающих себя, откуда же они появляются. Всё, что есть самого грациозного и самого внушительного в растительном царстве, покрывало землю, которой никогда не касались удобрения, где жатва даёт десятикратные урожаи и где производимые продукты отвечают потребностям дня.

Семнадцатого мая мы проехали мимо одного большого озера, ещё замёрзшего и покрытого снегом, и, преодолев перевал немного больше километра высотой, спустились в огромный бассейн Амура, прибыв утром в маленький город Читу. День восемнадцатое мая прошёл в подъёме и спуске с горных склонов, где наши лошади, несмотря на их железные ноги, должны были распрягаться из опасения, что они упадут без сил шагов через двадцать далее. Девятнадцатого мая достигли мы берегов Нерчи, немного не доезжая до её соединения с Шилкой. Я никогда не видел настолько кристально прозрачной воды как в сибирских реках, которые в этом отношении сравнимы с потоками с наших гор. Её самые большие реки мирно текут с величавым спокойствием, вливая в море такие массы воды, которые только река Святого Лаврентия¹ одна, может быть, превзойти. Нет водопадов, очень мало порогов и стремнин, очень большие глубины и огромная ширина, всё соединяется, чтобы сделать из них как самые красивые, так и самые полезные водные потоки, если бы почти вечная зима не сжимала их своей железной рукой. Сам Амур, по которому мы поплывём вниз, несмотря на его ширину и всё, что о

¹ Река Святого Лаврентия (fleuve Saint-Laurent) – это символ Квебека, самая большая река Канады и одна из двадцати самых больших рек Америки и мира. (Википедия).

нём говорится не только путешественниками, но и географами, с одним исключением к этому правилу: кроме того, что он остаётся подо льдом полгода, у него есть недостаток – быть часто малой глубины. Вопреки этому, тем не менее, бескорыстный взгляд туриста не может им не очаровываться в любую минуту, и я Амур нахожу намного выше реки Святого Лаврентия, с которой у него более чем одна географическая аналогия. Растительность Канады и Восточной Сибири, расположение озера Байкал и великих канадских озёр, подобное течение этих двух огромных рек и даже климат, хотя сибирский будет ещё суровее, – всё это создаёт поразительное подобие между этими двумя частями земного шара.

Мы переправились на плоту через Нерчу. Шириной она метров шестьсот. Погода была великолепна, мы направились пешком вдоль её берегов и по широким лужайкам к маленькому, но знаменитому городу Нерчинску, живописная церковь которого оказалась справа. С многих точек зрения этот город очень интересен. Прежде всего, он дал своё имя знаменитому договору 1689 года, по которому русские отдали Амур китайцам. <...>

Нерчинск не менее знаменит своими рудниками свинца, золота и сурьмы, которые, впрочем, располагаются очень далеко от города, и я не смог их посетить. Это туда отправляют из Москвы, то с кандалами на ногах, то в санях, самых больших преступников, которые (как я уже сказал) искупают под землёй преступления, за которые во всякой другой стране их исключили бы из царства живых. Как предполагать, что подобное осуждение будет хуже смерти, поскольку если я должен верить самым компетентным властям, эти ссыльные никогда не работают ни два дня подряд, ни по воскресеньям, они спят на поверхности. Есть много честных людей в английских рудниках, которых стоит больше пожалеть, чем их. Нет каторжника в Сибири, который, если его поведение будет хорошо, не мог бы стать однажды свободным поселенцем. Были самые большие преступники, среди которых хорошо известен тот, кто убил сотню людей, стал самым честным человеком на земле и пользовался публичным уважением. Единственная вещь, которая им никогда не разрешается, это вернуться в Европу.

Политические ссыльные, которым народ даёт симпатичное прозвище «несчастные», ещё менее стоят жалости. Если некоторые из них приговорены к каторжным работам, им всегда стараются смягчить наказание, и при первой амнистии они возвращаются в Европу. Им уступают в полную собственность 15 гектаров земли, часто даже им дают дерево для постройки жилья и провизию на первый год. Множество польских ссыльных приобрели неплохие состояния в разных промыслах.

Наконец ссылаемый в Сибирь не теряет своих сословных прав,

если этого иначе не заслужил.

Теперь вернемся к Нерчинску. Находящийся на высоте 600 метров над уровнем моря и расположенный на такой восточной долготе, климат этого города один из самых суровых, хотя он находится на широте Лондона. Средняя годовая температура равняется -5° , иногда на термометре можно увидеть -45° ; летом наблюдалась 33° в тени, вопреки стольким превратностям, растительность там одна из самых обильных.

Нерчинск находится на крайней черте парового судоходства на Амуре, по крайней мере, теперь, поскольку сейчас есть надежда подняться на пароходах до Читы, иначе говоря, за три тысячи четыреста километров от моря!

Наконец этот посёлок ещё примечателен тем, что большая дорога из Петербурга, главная артерия Сибири там кончается, это *восемь тысяч километров*, дистанция, которую со скоростью наших железных дорог можно проехать на поезде за неделю на полных парах. Эта железная дорога, может быть, будет построена, но как покрыть расходы на её строительство? Можно ли будет даже поддерживать пар при такой температуре? Будущее покажет! Однако настоящие путешественники пожалуют о путешествиях на санях, несмотря на свои частые неудовольствия. Прекрасная порода лошадей исчезнет, и ещё одна страна потеряет свой индивидуальный характер.

Должно ли назвать «прогрессом» полный метаморфоз божьих творений, которые скоро не станут больше по его подобию, и это безудержное желание переместиться с наибольшей скоростью, которое, кажется, становится первой необходимостью человека? Если эта роскошь и эта легкость передвижения развивают торговлю, ещё не видно, чтобы они способствовали большей дружбе между людьми.

Когда можно всё видеть без труда, тогда ничего не наблюдают, желания становятся ненасытными, даже сама любовь к родине, если родина остаётся, исчезнет. Но может быть, когда устанут путешествовать как ядра в сражении, когда все Вергилии¹ станут на место Стефенсонов, когда найдут слишком жалким этот мир, пересечённый столько раз во всех направлениях, может быть, попытаются поискать ещё в нехоженных, неизведанных странах пастушескую простоту первых веков. Тогда люди придут жить и петь на берегах Любви, и прежде чем эта прекрасная река сможет увидеть окровавленные волны, увидят все печальные берега, и она сама со стыда утеряет навсегда свое имя.

Локомотив, к счастью, был неизвестным, когда мы попали в Нерчинск, и даже почтовых лошадей не было, чтобы продолжить наш путь

¹ Вергилий – знаменитый древнеримский поэт, Стефенсон – изобретатель паровоза. (Прим. пер.).

до деревни Сретенск, где мы должны были сесть на пароход по Шилке. Итак, мы взяли лошадей у казаков, расположенных на длинной линии как поселенцы-солдаты от Урала до Камчатки. Мы приехали к вечеру по довольно ровной местности с прекрасными пастбищами в Сретенск, огни которого виднелись на другой стороне реки. Было нелегко из-за полной темноты переправить весь наш багаж при свете факелов по воле течения, которое, к счастью, было не слишком сильным. Едва мы перебрались, как были встречены с распростёртыми объятиями генералом Корсаковым¹, знаменитым путешественником, проехавшим по Сибири по разным направлениям не меньше тридцати тысяч лье. Несмотря на такую подвижную жизнь с приключениями, он не стал менее приветливым, и только из-за отсутствия места мы не поселились у него.

Моим первым действием на следующее утро было нырнуть, не раздумывая, в воды Шилки, но температура была далеко не комфортная, я живо выскочил из воды, чтобы до завтрака познакомиться с моими будущими спутниками по путешествию, среди прочих черкесским князем Дадешкильяни, которому была доверена вместе со званием великого адмирала обязанность везти нас под парусами до места слияния Шилки и Аргуни, где вместе они создают реку Амур. Суда уже были готовы, причаленные к берегу. Эти три судна совсем немного походили на катера, имея 15 метров в длину, с одной мачтой и парусом в середине. Они были с небольшой осадкой, тем не менее, с палубой и красивым салоном.

Это было 21 мая, с криками ура мы отправились на этих украшенных многочисленными флагами катерах от усыпанной народом набережной, откуда сотни людей махали нам платками. Наши экипажи, все в красном, дружно начали грести, крича и напевая сибирские песни, чтобы затем сделать небольшую передышку, поплыв без шума вёсел по течению. И тогда заросшие лесом холмы, возвышавшиеся с каждой стороны широкой и чистой реки, казалось, начали двигаться и проплывать перед нами вместе с облаками, которые поднимались из долин, затем, обогнув скалистый мыс, мы уже больше не видели Сретенск. Он ещё является пунктом без особого значения, но так как паровые суда могут подниматься до него, без сомнения, здесь возникнет позднее город, где разместятся американцы. Уже сейчас в нём строят заводы и доки, где ремонтируют суда на рейде, который называют «рейдом Муравьёва». Пока население состоит в основном из казаков и их семей, они обрабатывают землю, и показывают столько понимания и энергии во всём что они предпринимают, что в лице их есть что-то благородное. Несмотря

¹ Михайл Семёнович Корсаков (1826–1871) – русский государственный деятель, военный губернатор Забайкальской области и наказной атаман Забайкальского казачьего войска (1855–1860), генерал-губернатор Восточной Сибири (1861–1871), генерал-лейтенант. (Википедия).

на небольшой рост их лошадей, все эти люди представляют собой прекрасных воинов легкой кавалерии, которые сумеют удержать в почтении китайцев.

Непрерывное сообщение по воде теперь связывает меня с Европой. Надо быть погребённым так долго в глубинах континентов и испробовать все средства передвижения, использованные в путешествиях на суше, чтобы понять, насколько чувствуешь себя комфортно после этого, спускаясь по мягкому течению реки.

Я не ощущал в себе радости и не думал бы ни о чём другом, кроме как прошедших страданиях, если бы я, когда подошло время обеда, не обнаружил с ужасом, что нет стола на моём судне. Мы шли на буксире судна, на котором везли множество овец и свиней, ясно предугадывающих свою судьбу, так как они не переставали испускать жалобные крики. Но смотря на этот утешающее зрелище, я всё боялся, что старый казак, который присматривал за этими дорогими существами, не имеет никакого водного опыта, боялся, что он потонет вместе со своими пассажирами, и обречёт нас на голод. Однако сомнения мои скоро развеялись: наше судно и второе разместились справа и слева от большого судна генерала Муравьёва, мы перешли на него и очутились за великолепно сервированным столом, ещё одним доказательством его широкого гостеприимства. Молитва перед обедом была сказана достопочтенным архимандритом Аввакумом, тем самым, который приехал из Парижа освятить новую русскую церковь и который, постарев в Пекине и в Маньчжурии, должен был служить переводчиком генералу. Когда все уселись, то принялись за научную диссертацию о таинственных причинах ненасытного аппетита иностранца¹, приехавшего с Пиренейских гор. Я представлял им новые доказательства, отдавая должную честь хлебосольному столу, где я всегда бывал принят с каким-нибудь приятным словом.

Что было бы со мной в этих затерянных местах, закрытых, может быть, ещё надолго, без этой крайней и отеческой заботливости, которая сопровождала меня повсюду.

После обеда генерал предложил обществу прекрасные манильские сигары, прибывшие сюда морем. Плывя таким образом, с нашим салоном с огнями через мрачные и мёртвые даурские леса, где наши три корабельных фонаря казались красными движущимися звёздами, мы должны были казаться ночными сверхъестественными привидениями диким обитателям берега.

Эта первая ночь была очень холодной, мы нашли на следующее утро слой льда на воде; но на прибрежном песке, в тени деревьев, лежа-

¹ Речь здесь идёт о самом авторе, большом любителе поесть много и разнообразно. (Прим. пер.).

ли огромные глыбы старого зимнего льда, наваленные друг на друга, высотой в человеческий рост. В горных оврагах их было такое количество, что хотя и не вечный, лёд образовывал настоящие маленькие ледники, закрытые сверху соснами, лиственницами и рододендронами. Мы проплыли, бросив на них взгляд, на место бывшей небольшой разработки золота и рано утром оказались посреди местности, которая всё больше и больше напоминала мне Канаду – в *Шилкинский Завод*, довольно тесно расположенную деревню на левом берегу, с прямыми и широкими улицами, в которых деревянные дома, как обычно, стояли на четырёх сваях в несколько футов высоты для предостережения от снега. Там, несколько сретенских офицеров, сопровождавших нас, попрощались с генералом, мы продолжили с облегчением веса судна плыть по спокойному течению Шилки. К несчастью, ветер дул в лицо, и, желая выйти из течения на поворотах реки, где поток убыстрялся и бурлил у скал, мы вынуждены были часто выбирать другой вариант – плыть почти навёрняка на песчаные отмели. Из этого следовало то, что мы теряли друг друга из виду, рискуя не собраться вместе даже для обеда.

Однако мы плыли круглые сутки, и через три дня после нашего отплытия из Сретенска, Шилка стала шириной в 600 метров и глубокой соответственно. Знаком удачи было для нас появление дыма парохода, который месяцем позднее смог подняться до Нерчинска, то есть на шестьсот километров выше по течению. В этот момент я выскочил на палубу, чтобы увидеть знаменитое слияние этих двух рек, создавших азиатскую Миссисипи: я увидел выходящие справа, из глубины непроходимых лесов, воды Аргуни, менее прозрачные, чем в Шилке, и два источника, до этого момента таинственные, наконец узнанные; они никак не вытекают, как это считалось, из озера Далай-Нур, с которым они соединяются только когда озеро выходит из берегов. Китай теперь прямо перед моими глазами, я вплываю в воды Амура.

Глава XIII

Отплытие из Усть-Стрелки на пароходе: превратности этого плавания. Амур с коммерческой и живописной точек зрения

Этот пароход, на котором мы должны были устроиться до моря, назывался «*Леной*». Построенный в Америке по плану пароходов, плавающих в верховьях Миссисипи, то есть с единственным задним гребным колесом с очень малой осадкой, он был перевезён по частям на паруснике до Новониколаевска в устье Амура и собран заново. Это был один из пароходов малого флота, предназначенный для перевозки почты и пассажиров на новоприобретённой Россией реке. Поскольку паро-

ходное сообщение ещё не установилось, пароход использовался только чиновниками управления, и он теперь шёл навстречу генерала Муравьёва, который имел естественную слабость к основанной им самим колонии и стремился руководить всем в ней происходящим. Американцы обычно делают полезные вещи, если они не входят в понятие изящных, но трудно представить более несовершенное, чем эти одноколесные пароходы, которые скорее двигаются малым ходом, если их не тащат. Впрочем, мы в этом убедимся.

Приплыв в *Усть-Стрелку*, место слияния Шилки и Аргуни, и не увидев ни одного человека, потому что деревня была в двух километрах, мы немедленно принялись разгружать наш багаж с трёх парусников, которые должны были закончить свою миссию. Затем удобно устроились на пароходе вместе с тремя негоциантами из Кяхты, направлявшимися по делам в Шанхай. Якорь поднят из тины, и ужасно громкий свист разбудил всё эхо по берегу реки.

Сначала мы делали семь узлов в час благодаря скорости течения около трех узлов¹ Мы уже сидели за столом, сравнивая достоинства нашего нового корабля с медлительностью других, когда весь корабль задрожал, завязнув в тине без движения. Экипаж был спущен на воду, подсунув балки под киль судна, люди запели, не попадая в ритм, они пытались взбодрить инертную массу корабля голосом и жестом. Когда через четверть часа сверхчеловеческих усилий этим уже закоченевшим несчастным удалось произвести небольшой сдвиг судна, мы принялись орать: «Идёт, идёт!». Увы! Нет же, это была скала. Кровь застыла в закоченевших телах, люди вышли из воды, не потеряв задора, с тем только, чтобы с новыми силами приняться за дело. Я часто замечал, что русские в трудных делах действуют медленно, даже впадают в сонливость и не знают, как взяться за дело, но никогда не отступаются, у них в этом проявляется азиатский характер. Русские солдаты вполне заслужили похвалу Наполеона: «Недостаточно их убить, их надо свалить». Наши матросы, едва согревшись несколькими каплями водки, все снова погрузились в воду, и наконец, через полчаса они, утешившись тем, что некоторые из них, плохие пловцы, чуть было дорого не заплатили, вызволили нас, сдвинув с мели в почти двухметровой толще холодной воды. Я распространился по этому поводу, потому что это был первый случай в своем роде; но не проходило ни дня во время путешествия, когда бы мы не садились на мели из-за незнания состояния русла реки.

Прежде чем судить об Амуре, следует вспомнить, что навигация была в те поры в зародышевом состоянии, поскольку генерал Муравьёв её торжественно открыл в 1854 году. Пробираясь через лабиринт ост-

¹ Узел равен 1,852 км/ч. (Прим. пер.).

ровков на большой реке посреди всех этих, так сказать, архипелагов, придающих реке вид моря, как можно было надеяться не потерять фарватер, подобные случаи ещё до сих пор часты даже на Миссисипи и лучше известных реках. Ложе реки кажется всегда глубоким, нужно только его найти. Вот почему с того дня, когда станет прекрасно известно течение этой великолепной реки, со дня, когда плавание по ней станет совсем простым делом, процветание районов, через которые она протекает, невозможно не предсказать. Это место сбыта, необходимое для торговли зерном, древесиной, мясом; место для продвижения множества продуктов. Не говоря уже о горной, ещё слабо развитой промышленности во всех этих местах. 120 тысяч ныне живущего населения амурских провинций продают сейчас государству и частным лицам более шестидесяти тысяч тонн ржи, пшеницы, ячменя, овса и гречихи. Вот результат свободы торговли, установленной на всём протяжении реки до Иркутска.

Что сказать мне об Амуре, если я стану на точку зрения художника или поэта? Я искренне считаю его самой живописной из всех рек. В ней не найдешь совсем этого однообразия, которое тяготеет над великими американскими реками, где можно сказать, что всё видел, проехав сотню лье, в Амуре не видно этой отвратительной грязи, куда небо никогда не смотрится, нет этих отвращающих нас чудовищ. В нём всегда чистые воды, самые разнообразные берега, лесистые, изломанные линии, обширные, как океан, или возвышающиеся суровыми утёсами; на его берегах можно увидеть почти всю растительность земного шара: тополя, ивы, лиственницы, сосны и вишни растут вперемежку рядом с вечными снегами и создают бесконечные перспективы, неожиданно прерывающиеся смело нарушающими эти линии мысами. Воздух, наконец, везде насыщенный самыми опьяняющими запахами. Вы забываете, что находитесь на родине северных оленей, и вас переносит в страны, где растут пальмы и кактусы, где обжигающий и бальзамический ветер, кажется, гудит вместе с насекомыми.

/ Из книги "Seize mille lieues à travers L'Asie et L'Océanie, voyage exécuté pendant les années 1858–1861 par le comte Henri Russel-Killough, membre de la société française de géographie. Sibérie, désert de Gobi, Peiking, fleuve Amour, Japon, Australie, Nouvelle-Zélande, Inde, Himalaya...Paris, 1864" /.

Перевод с французского Николая Епишкина

VICTOR BALABANOV

WHAT DOES THE WORD “CHITA” MEAN?

Quite a lot of people would like to know the definite answer to this question. But the right and concrete answer may be made only why the regional centre is called so. It was called so because it is situated on the bank of the river Chita which even in the official documents is called “Chitinka”.

But what does the word “chita” proper mean, what does it bear? And precisely this word is mostly enigmatic. Many people were interested in the interpretation of its sense. The more people try to do it, the more interpretations appear.

In the last century (XIX) the country study researcher M. A. Zenzinov explained the origin of that word from the orocha name of the birch bark or the rug made of it. In 1958 G. T. Vasilevitch and then V. G. Izgachev expressed the idea, that the name came from the Evenk word “chata” or “chatala” that means “clay”, “clay like”. But the same word is used by the Evenks calling the mud on the river bank, coal and burning coal. In 1962 N. G. Kiryukhin wrote that the name of the place came from the Evenk name and mentioned Chitu Matuganov roaming along the banks of the river. In 1966 in “Short toponymic dictionary” the author V. A. Nikonov supposes that perhaps it came from the nyvkh “chita” – meaning “well”?

But all these opinions have a number of drawbacks; the main one is summed up on the fact that all these opinions represent suppositions: they are not proved by precise historical facts. And the facts which serve as the proofs could be easily disapproved.

In connection with the opinion of the soviet archeologist L. R. Kyzlasova that “Zabaikalye along the rivers Selenga, Chikoi and up to the river Onon” is the native land of the Uigur, there appeared one more opinion, the opinion of the author of these lines. In the Uigur language “chyt” means “dwelling”, “fortified habitation”. In Tuva autonomous republic, for example, there are ruins of the Uigur fortifications with the names “Chaata”.

In the toponymy of the natives of the territory there was one peculiarity. In the first place this or that name was given to the mountain or adjoining groups of mountains (but not to the range of mountains). The rivers flowing from those mountains were given the same name as the mountain or the group of mountains was called. And only in the cases when the name underwent later changes, this peculiarity might not be observed. All this may be expressed in the following way: a man gives the name to the river and adding Russian toponymic peculiarity one may say: from the river it goes to the place of habitation.

Now, look at the small scale map of the Chita river head. The river be-

gins in the mountain situated on the spur of the Yablonovy range of mountains. The Yablonovy range of mountains here is the watershed of the Ingoda and the Vytym. On the same mountain or adjoining group of mountains (that is from the place where the river Chita starts to flow), only from the north-west side there is one of the river heads of the river Yumurchen (the right tributary of the Vytym). This river head is called “Chitnak”.

All this gives birth to the idea that the explanation of the origin should be searched in the upper reaches of the river Chita or Chitnak. Did the Uigur really live on the Vytym or in the basin of the Ingoda? The archeologists though answered to that question negatively.

As you see, the name of our regional centre remains as enigmatic as the name of the capital – Moscow.

TRAVELLING THROUGH CHITA

In the XVIIIth century quite a number of foreign and Russian scientists travelled in Zabaikalye. And all of them went through the Chita stockaded town. Rafting from here along the Ingoda and Shilka they reached Kharamangut (now the station Darasun), Nerchinsk, Sretensk, up to the mouth of the Argun, went to the Nerchinsk plants. Making a tour they returned to the Chita stockaded town again. Even the writer D. Defoe sent his Robinson Crusoe up along the river Shilka and Ingoda through Nerchinsk up to the village Ploty or Plotbishche (place where rafts were made), as Chita was originally called.

A lot of famous scientists such as D. G. Messerschmidt, G. F. Miller, I. G. Gmelin, S. P. Krasheninnikov, B. German, P. S. Pallas, N. P. Sokolov, I. G. Georgi, E. G. Laksman, Ye. M. Patren and others went through the Chita stockaded town in those times. And each of them left some descriptions or notes about Chita and its environs.

Messerschmidt returning to Chita from travelling around Zabaikalye fixed the earthquake in Chita, which happened there on the 25th of January 1725. The river Ingoda, as the scientist wrote took “a voyage for 6 days” according to the measure of those times. In 1735 through the Chita stockaded town went the academic detachment, headed by the famous scientists of that time G. F. Miller and I. G. Gmelin. The students S. P. Krasheninnikov, A. Gorlanov, V. Tretyakov, I. Yakhontov joined the detachment. The students having made separate expeditions, presented Miller the descriptions: Yakhontov – “The way from Selenginsk to Nerchinsk”, Gorlanov “The cartway from Nerchinsk to the Chita settlement”. Krasheninnikov described the Ingoda and settlements on its banks which lie lower than Chita. About the settlement proper in the near of Chita river mouth he wrote that there were

eight resident houses near the ostrog and church named in honour of Archangel Mikhail and Nikolai, the miracle man.

B. German after the travelling around Zabaikalye published three volume work “Compositions about Siberian mines and plants” (1797–1801). B. German wrote “The surface of Dauria with its hills is similar to the place on which a barrel of apples was scattered”.

In 1772 P. S. Pallas, N. P. Sokolov and I. G. Georgi visited Chita. Travelling along the Moscow track, where from Undinsk up to Chitinsk there were more than 20 settlements and stations Pallas wrote then: “I continued my way up to Chitinsk, passing a large lake Kenon, up to the village Zasopohnaya, which is situated 6 versts upper than Chitinsk on the Ingoda, where we stopped to bake bread for the next ride”.

On the river Chita for Pallas and his team a raft had been built and “on the thirteenth of May our carts were brought from Zasopohnaya on the raft, on which we passed the Chita ostrog, drifted down into the Ingoda”. He reaches Kharamangut (Darasun) and from there he goes to the Onon. Pallas thought that the name Yablonovy range of mountains came from the passing Yableny-daban (footpath pass), criticizing those before him who thought that the origin of this name came from the pile of apples or from the plant – crab apple.

Not very famous French nature researcher Ye. M. Patren also visited Chita. On the recommendation of Pallas he was appointed to take part in the expedition to the Kolyma and Chukotka territories. But due to the frustration of health he could not participate in the expedition up to the end, reaching only Zabaikalye in 1785.

Having come to France, he published in French some articles about Dauria. In particular, he was one of the first who told about the mining of wonderful stones – semiprecious stones. In 1795 he wrote “Oriktophographia”, in which quite a lot of information was devoted to Dauria. He considered that under the name of “Dauria” was meant a large territory to the east from lake Baikal up to the Pacific Ocean which was mastered by the Russians in the XVIIth century. Zabaikalye, that is, a part of Dauria from the Baikal up to the Argun, is the continent composed of ancient rocks. Later on, already in the works of V. A. Obruchev it is known as “the ancient crown of Asia”, though in less borders, than Ye. Patren defined. Ye. M. Patren goes along the Ingoda, Shilka and Argun. Before the formation of rivers there, on Patren’s opinion, there existed some large basin. Judging by the fact that the lower area along the Ingoda and Shilka that is farther to the east, the larger becomes the pebble, he comes to the conclusion: the ancient basin had the current from east to west.

In the XVIIth century, especially in the second half, there appeared many articles and books about Dauria in French and English, which were not

translated into Russian or were translated only partly. The works of Patren also belong to them.

THE SECOND RENEISSANCE

In 1840 a well-known country study researcher V. P. Parshin visited Chita. In the book “A Trip to Zabaikalye” he wrote the following: “The Chita ostrog looks like a small stockaded town, with wonderful natural garden, shadowy, charming. Sparkling Ingoda sometimes is partly seen through the greenery, sometimes it is hiding in a dark site of trees, the bushes of blooming apple tree and aromatic bird cherry tree wove into mysterious arbour and the sight of it could be hardly believed that it was a creative art of nature. The settlement proper is spread on the hill and enlivens the landscape even more. Here the warehouses for different kinds of transport going from Verkhneudinsk to Nerchinsk are concentrated. The moving of people shows trade activity. The buildings are unpretentious but nice in architecture”.

During the time being of the Decembrists in Chita it grew three times in comparison with the previous time. Anyway, the streets began to take shape and as the centre – the Main street, the drawings of which were made by the prisoners.

After the departure of Decembrists many households revived by them gradually fell into decay. The houses of the deceased lonely peasants were ruined and used as firewood. The house of Alexander Dyachkov fell into complete disuse – it was the former Dyachkov casemate. The big casemate built by the Decembrists was also ruined. The high paling of casemate was partly used for the fencing of semi halting place and partly was used as firewood.

The Decembrist Zavalishin having come to Chita for settling didn't recognize it: “I found Chita literally speaking in ruins and residents from the constant bad harvests dispirited. I may only say that only my persuasions and personal example made many people sow in 1840 and strangely – in this case not the force of arguments produced an effect, but some dark hope, that with the returning of the secret men (the Decembrists were called so at that time) the time about which there remained a saying that “with the secret men we were rich in everything, and after them there was nothing” would return. Anyway, as good luck would have it, 1840 was extremely bumper-crop year and let people, as the saying goes, to take a breath”.

By that time in Chita being the centre of the Chita volost (small rural district), (the creation of S. I. Smolyaninov), the administrative work was executed well. But the engineer-colonel Rodstvenny being appointed as the head of the Nerchinsk plants in 1842, didn't appreciate all the importance of the Chita ostrog in the field of transfer of bread, iron and other products and

instruments coming to Nerchinsk plants from the west. And in 1844 by his order the Chita commission and police stations were abolished.

But the cargo was coming and coming. It was necessary to transfer it to the Nerchinsk mining plants. The goods had to be accepted in Chita, stored, and removed on the rafts. That was the time when the importance of Chita as the transshipment point became clear. In any case the Nerchinsky-Zavod mining office had to keep its agents and salesmen in Chita.

In 1848 a new general-governor of Eastern Siberia N. N. Muravyov made a petition to form Zabaikal oblast (region). He considered that the centre of the region should be built somewhere in the area of Chernovo settlement, so that having passed the Yablonovy range of mountains on Moscow track, one could immediately happen to be in the capital of Zabaikalye.

At that time Chernovo was a small village consisting of eight households. Other environs of the village didn't differ from it greatly. In Yeryomino there were nine households, in Zasopohnaya – 16, in Zastepino and Kluchevskoi (Domna-Kluchi) – 9 households, in Pritupovskaya – 15 households. In short, there were no settlements more than Chita not only in the environs, but in the whole Chita volost.

D. I. Zavalishin gave some arguments to persuade general-governor that one couldn't find better place than Chita to found the regional town. It happened historically that the Chita ostrog occupied the central and most comfortable place for transportation.

“The importance of Chita – the Decembrist proves, – is not only in its central position, comprising the knot of all possible communications, but in the change of the character of the way”.

Usually in the Chita ostrog quite a lot of people were concentrated coming from the mines, and at that time quite a brisk trade took place here.

In any case the variant of building a new town on the waste land was refused. Quite a little time would pass – and Chita would begin to grow and become a regional centre.

“TO TOWN STATUS...”

Hardly had the ukase (decree) about the formation of the Zabaikal region and the appointment of the Chita borough as the regional centre appeared when the settlement started to reform. A year before the ukase was introduced into being a military battalion came there and the life became more animated.

“Little by little the ruins were transformed, empty houses became inhabited, the new ones have been built... if the battalion was transferred there earlier, there definitely couldn't be found a place for the headquarters”,

D. I. Zavalishin, the town historian and its active resident, wrote in the middle of October 1850.

Traders and merchants started to come here with different goods. “Now there is a number of several shops, besides those who came here temporarily”.

D. I. Zavalishin writes hereafter that in Chita at that period “luxury stepped further than means; if somebody wanted to visit the local church (the only common place for the meeting), one would think about Chita as the blooming town judging by the attire of its residents especially women. However, its future in this respect is quite obvious and the best proof of that is that it has its own forces for the development, and the thing that it started to develop against the incorrect regulations of the plant administration”.

In July and then in October 1851 as the confirmation of that there comes the ukase, according to which the borough Chita receives “the town status”. But one thing is “to create the town” on paper, and the other – to build, to organize its administration”.

Earlier the administration was formed in the following way: if there is a town, consequently, there must be the policemen; if there are blocks in the town, consequently, there must be non-commissioned police officer. The army is formed, consequently, there must be army administration; the region is formed – then there should be regional administration.

All these administrations were formed not at once – there were no places for offices. The first administrators were in Irkutsk. At that time, when the general-governor of Eastern Siberia N. N. Muravyov was roaming on service in Zabaikalye, “somewhere not far from him there was the administration of a new-formed region, so that without prolongation the orders could be implemented”. In Chita they hired private houses, flats. Still much time should pass, when there appeared regional administration in Chita, the house of military economic administration and the governor’s house. Zabaikal region was on a special status – “militarized”, that’s why it was ruled by the military governor in the rank of a general. The first such governor was major-general P. I. Zapolsky.

In October 1852 to provide the quick growth of the town an active part of the population was given privileges. Among them there was the right of free trade on indefinite sum in Chita and Zabaikal region. The persons of “free status” or as they were also called the “non-command ones” could be enlisted in Chita into merchants, lower middle classes, craftsmen or the guild with preservation of advantages they had in the former place of living. Everybody was given a plot of land for house building and construction with “special pay”.

As the administration was being formed, the reports on Chita were made by the chief of the police. That’s what is told in the report for 1853. In

Chita by that time there were 142 houses (and in 1843 there were only 86), none of them was made of stones, 14 houses belonged to different bureaucratic departments. Besides in 1853 two houses were built by the “economic direction”: district court and military economic administration of the Zabaikal Cossack forces.

In the borough-town there lived 755 residents, among them 366 persons of military department; there were 215 women. There were no educational institutions. And the chief of the city police writes, that residents “who have children received home education”.

The Post station which kept three state troikas and a couple of “residents” horses, was situated in the hired private house. The treasury in Chita kept shops: victuals, wine and salt. There was a military infirmary, barracks for soldiers, guard-house, semi-halting place, two powder cellars. Private traders kept ten shops, stoff shop, public house, forge, four mills. There were a church and a chapel. The town income coming from the interest of the public house control in 1853 comprised 409 roubles, and one and a half kopecks. The chief of the city police in the report also announces, that “there is neither industry, factories or plants, nor firefighters and instruments”.

In such a way, overcoming problems, the borough transformed into regional town, the capital of the Zabaikal Territory.

/Из книги: Балабанов В. Ф. «Строкой и памятью отмечено...». – Чита: Экспресс-издательство, 2007. – 316 с./

Перевод с русского на английский Нины Марковой

ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ ДЕКАБРИСТОВ

ЛЮДМИЛА ЭМИРЗИАДИ

Многоуважаемые читатели! Сегодня в нашей рубрике «Эпистолярное наследие декабристов» мы продолжаем публиковать перевод книги известной французской писательницы, награждённой несколькими литературными премиями, чьи книги переведены на многие языки мира, Ирэн Фрэн «Я последую за тобой в Сибирь¹». Книга вышла в свет 19 сентября 2019 года во Франции в издательстве Paulsen (Польсэн) и посвящена одной русской француженке, Полине Гебль, ставшей русской по воле судьбы, по зову любящего сердца. Преодолев многотрудный путь из Петербурга в Читу, она венчалась в Михайло-Архангельской церкви (ныне Церковь декабристов), приняв православие, а вместе с ним и новое русское имя – Прасковья Егоровна Анненкова. Настолько велико было её желание стать законной женой и разделить судьбу ссыльнокаторжного декабриста Ивана Александровича Анненкова, приговорённого к 15 годам каторжных работ за участие в восстании 14 декабря 1825 года. Об их романтической истории, всепобеждающей любви и нелёгкой судьбе мы рассказывали в одном из предыдущих номеров журнала «Переводчик».²

Ирэн Фрэн создала свою книгу на основе аутентичных материалов, которые были скрупулёзно собраны ею сначала во Франции, затем в Москве и Санкт-Петербурге, а позднее также в Чите, Петровском Заводе, Иркутске. Французская писательница закончила путешествие по следам своей героини Полины в Нижнем Новгороде, где поселилась семья Анненковых после амнистии 1856 года, где и упокоились они на местном кладбище.

В этом номере вы познакомитесь с переводом следующей, VIII главы книги, которая названа «Ад» и повествует о пребывании семьи Анненковых, других декабристов и их жён в Петровском Заводе. В своих воспоминаниях практически все декабристы и их жёны писали о том, что их отбывание каторги в Чите было для них раем по сравнению с

¹ Ирэн Фрэн. Я последую за тобой в Сибирь – Je te suivrai en Sibérie». Перевод VII главы книги опубликован в журнале Переводчик №№ 20–23. (Прим. пер.).

² Журнал «Переводчик» № 8, 2008. СС. 150–161. (Прим. пер.).

тем, в каких условиях они оказались на новом месте. Насколько оправдано такое название главы? Судите сами.

Ещё в мае 1828 года царь Николай Павлович повелел построить новую тюрьму для декабристов в Петровском Заводе, поскольку тюрьма в Чите оказалась перенаселённой. И уже в 1830 году строительство тюрьмы в Петровском Заводе было закончено. А на август того же года был назначен пеший переход заключённых в новопостроенную тюрьму, на новое место отбывания каторги и выполнения каторжных работ.

Переход в Петровский Завод совершался пешком. Декабристы были разделены на две партии, одна из которых выдвигалась из Читы 7 августа 1830 года, другая – 9 августа. Порядок их следования и маршрут были тщательно разработаны самим комендантом С. Р. Лепарским, кроме того, он значительно усилил охрану государственных преступников. Путь их лежал по тракту из Читы на север. За день в среднем проходили по 30 километров. Переход был совершен за 48 дней, с остановками через два дня на третий. Проводниками декабристов и конвоя были буряты, с которыми узники быстро нашли общий язык, составив особый словарь для объяснения с ними. Авторами этого словаря стали братья Николай и Михаил Бестужевы, они же вели путевые дневники и делали зарисовки живописной забайкальской местности. К Петровской тюрьме первая партия декабристов подошла с пением «Марсельезы».

В начале 30-х годов XIX века Петровский Завод был настоящим захолустьем, расположен во впадине, окружённой сопками, он был приписан к Нерчинским рудникам, и там был построен завод, на котором плавиле железо. Ни днём, ни ночью не стихала работа, монотонный грохот молота кузнечного цеха никогда не умолкал, вокруг всё было покрыто чёрной копотью, как в преисподней. Кроме того, не оправдались ожидания декабристов по поводу новой тюрьмы. Они очень надеялись, что она будет лучше, чем в Читинском остроге.

Однако условия жизни на новом месте были поистине ужасны. Об этом довольно колоритно писала своему отцу Г. И. Чернышеву Александрина Муравьёва: «Мы – в Петровском, и в условиях в тысячи раз худших, нежели в Чите. Во-первых, тюрьма выстроена на болоте, во-вторых – здание не успело просохнуть, в-третьих, хотя печь и топят два раза в день, но она не даёт тепла, и это в сентябре, в-четвёртых – здесь темно: искусственный свет необходим и днём и ночью: за отсутствием окон нельзя проветривать комнаты. Нам, слава богу, разрешено быть там вместе с нашими мужьями, но как я вам уже сообщила, без детей [...]. Если бы даже нам дали детей в тюрьму, всё же не было бы возможности их там поместить: одна маленькая комнатка, сырая и тёмная, и такая холодная, что мы все мёрзнем в тёплых сапогах, в ват-

ных капотах и колпаках.»¹

Эти жалобы Муравьёвой совсем не напрасны. Двое узников сошли с ума в Петровской тюрьме – это Я. Андреевич и А. Борисов.

Женщины тотчас забили тревогу и через своих влиятельных родственников в Петербурге они добились разрешения Николая I на незначительное переустройство. Началась перестройка каземата: прорубили окна, переложили печи – это расценивалось как большая победа.

Сами женщины по приезде в Петровский Завод торопятся купить или построить свои дома, ведь осень в Забайкалье короткая и скоро придут холода. В этих домах живут их дети и прислуга, а сами они чаще живут со своими супругами в тюремной камере. Полина, правда, чаще находится дома, готовит много еды, всех нужно накормить. Некоторое время спустя семейным узникам разрешили жить вне тюрьмы. Потянулись годы тяжёлой, изнурительной жизни. 22 ноября 1832 года умирает Александрина Муравьёва – первая жертва петровского заточения. Её смерть вызвала глубокое уныние, сострадание всех декабристов, которые знали её как замечательнейшую женщину, умершую на своём посту.

Это была первая смерть столь близкого для всех человека, и она болью отозвалась в сердцах декабристов. Однако ни крушение политических надежд, ни личная катастрофа, ни ссылка на каторгу не сломили бодрости духа этих людей; они нашли опору друг в друге, моральную поддержку в обществе товарищей.

ИРЭН ФРЭН (род. в 1950 году)

Я ПОСЛЕДУЮ ЗА ТОБОЙ В СИБИРЬ

Глава VIII. Ад

ТРАНССИБИРСКИЙ ЭКСПРЕСС всю ночь следовал на запад с сильными раскатами гудка. Я плохо спала.

Такой сильный рёв. Но кроме того, в первый раз после Москвы, беспокойство. Как только день пробился через занавески моего купе, я поняла почему: теперь я путешествую без Полины. Её рассказ остановился недалеко от вокзала, где я буду сходить. И если я готова провести ближайшие 24 часа в этой долине, куда, кажется, никто не ездит, то

¹ Письмо А. Г. Муравьёва – Г. А. Чернышёву от 1 октября 1830 г.
<http://decabristy-online.ru/pismadam.htm/> Дата обращения 20.02.2024. (Прим. пер.).

лишь для того, чтобы противостоять её молчанию. И заполнить его, если будет возможно. Я заранее боюсь этого.

Полчаса назад, когда одна из двух солидных и властных *проводниц* (*provodnitsi* – в тексте русское слово написано латиницей – Э. Л.), управляющих жизнью моего вагона, принесла мне чай, я перечитывала последние страницы воспоминаний Полины, те, которые относятся к её путешествию из Читы в Петровский Завод. Неоднократно кажется, что она находится на грани депрессии. На одном из этапов перехода она расплакалась. Она была застигнута врасплох, когда ей пришлось пересекать разлившуюся реку по длинному пешеходному мосту, неся младенца на руках, её охватывает ужас. Инцидент – по всей видимости, приступ головокружения, даже если она не обращает на него внимания – повторяется, когда она вынуждена преодолеть загромождённый лошадьми мост без ограждения.

Подобное преодоление трудностей за три года до этого взволновало бы её. Она бы восприняла это как спектакль. Или, как это было по дороге Москва–Иркутск, она бы искала подвига, попытавшись, например, пересечь мост быстрее других. В тот день она теряет свои прежние способности.

Следует признать, что шесть недель в телеге по ужасным дорогам с двумя малолетними детьми, не зная, где она окажется, есть от чего дойти до нервного срыва. То, что ей известно о Петровском Заводе, она узнала от бурят, и это заключено в одной фразе: деревня находится в горах, и климат там нездоровый.

*

Единственный подвиг, который Полина совершает во время этого путешествия, это то, что несколько раз убеждает кочевников обменять лебедей на игральные карты. Она их жарила вечером на почтовой станции, где меняли лошадей. Здесь я узнаю свою Полину.

*

Нашпигованные компьютерами, сотовыми телефонами и таблетками, заслуживаем ли мы права называться путешественниками? В отличие от Полины, мы редко отправляемся в неизвестность. О Петровском Заводе я знаю в сотни раз больше, чем она. Со времён Екатерины II, исследователи открыли залежи железной руды в окрестных горах. Не было рабочих инструментов для каторжан, сосланных в Сибирь. Когда императрица узнала о существовании месторождения, она решила построить чугунный плавильный завод в этом регионе, и её выбор пал на эту влажную долину, расположенную в двадцати километрах от шахты, и известную только кочевникам, которые шли чайным путём.

Долина была пустыня, нужно было найти ей название. Царица,

между своими любовниками, философскими чтениями и управлением всей Россией, была слишком занята. Она не утруждала себя: основала завод и назвала его просто по-русски *завод* (*zavod* – в тексте русское слово написано латиницей – Э. Л.). И поскольку это было совсем уж заурядно и так как она планировала учредить другие заводы, добавила *Петровский* (*Petrovski* – то же самое – Э. Л.), просто, чтобы различать их и отдать дань уважения своему прославленному предку Петру Великому.

Предприятие долгое время процветало. Город населялся рабочими и торговцами, потом пришёл Транссиб, позднее, при Сталине, стальной мастодонт был подчинён чрезмерным целям пятилеток – всё это случилось позднее с тем плавильным заводом, который знала Полина. Он не пережил развала СССР.

С тех пор Петровский Завод пустеет, здесь умирают чаще, чем рождаются. За тридцать лет он потерял почти треть своего населения. Там осталось всего пятнадцать тысяч жителей, разбросанных по долине. В основном, железнодорожники Транссиба и лесорубы, которые опустошают леса на благо китайцев. Что касается легендарного чайного пути, он умер после революции 1917 года.

Я нашла несколько свидетельств путешественников. В 2013 году один француз проезжал через Петровский Завод на внедорожнике; и говорит о нём как о «большой деревне». Три года спустя, в самый разгар зимы, русские туристы фотографировались перед музеем. Он был завален снегом; туристы казались гордыми своим подвигом, что промёрзли до мозга костей. Другой, несомненно, испытывающий ностальгию по советской промышленности, загрузил снимок стального монстра металлургии. Кучи щебня, выбитые окна, стены, разрушенные ржавчиной, – картина, вызывающая депрессию, за исключением трубы забавно нетронутой, которая задымила всё, что могла. Нужно было бы снова зажечь её для фото.

На сайте в разделе «Лучшие места в Петровске-Забайкальском» отдельно упоминается «Музей», больше ничего. Никакого ресторана, кинотеатра, ни ночного клуба. Но гостиница, в которой я зарезервировала комнату, – единственная в городе – была обозначена: длинное здание серого мышиного цвета, относящееся к эпохе Брежнева. На сайте были выставлены отзывы клиентов, не слишком привлекательные: один «Сносно» и три «Ужасно».

Мне это было всё равно. Я собиралась провести здесь одну ночь, в то время как Полина была заперта на шесть лет в Петровском Заводе. И когда она прибыла сюда, никто не ждал её. А меня придёт встречать на вокзал Наташа и будет сопровождать меня по её следам.

*

В данный момент остатки, которые я нахожу через окно поезда, восходят не далее, чем на двадцать лет назад: переплетения металлолома, битумные плиты, проеденные дикой травой, гигантские трубы, висящие в пустоте, остатки завода, выпотрошенные бульдозерами, у которых не хватило мужества закончить работу. Затем возникает превосходная станция, где транссибирский поезд останавливается. Настало время мне протискиваться между толстыми пятидесятилетними женщинами, гнущимися под хозяйственными сумками, набитыми мелкой бытовой техникой *сделано в Китае (по-английски – Э. Л.)*, и я на перроне.

Наташа очень хорошо говорит по-французски. Она безотлагательно признаётся мне: она никогда не ступала в Петровский Завод. Приехав из Улан-Удэ вчера вечером, она уже позвонила Светлане, директору музея, которая пообещала ей показать нам город.

В микроавтобусе, в котором мы расположились, я с трудом делаю записи. Извилистая дорога, которая ведёт в долину, была сплошь и рядом в выбоинах. В тряске мой взгляд выхватывает картины, которые удаётся увидеть. Поля, несколько деревянных домов, маленькая дешёвая столовая, стадион, отмеченный монументальными статуями атлетов, гигантский дворец культуры, спорта и отдыха с отпечатком великого официального советского искусства и опять поля, деревянные дома: этот город не есть город, но огромная степь, хаотично застроенная бревенчатыми бараками. Некоторые из них, самые красивые, с резьбой по дереву и окнами, покрашенными в тёмно-зелёный или голубой павлиний цвет, датированы 1880–1900 годами, эпохой, когда чайный путь был ещё жив. Литейный завод процветал, нахлынули торговцы. Это они построили такие дома. Их крыши иногда кривые: почва болотистая, у них нет опоры, они сильно оседают каждую зиму и однажды вдруг обрушиваются, как старики, которые отжили своё. От их бывшего великолепия остаётся только груда свалившихся друг на друга брёвен.

Ни магазина, никакого кафе. Поля, наконец, уходят на второй план, только для того, чтобы уступить место неопределённой вселенной, состоящей из чего-то невозможного или необратимого. Зброшенная почта, разрушенные общественные бани, старая перевалочная тюрьма времён ГУЛАГа, (в тексте маленькими буквами «goulag» – Э. Л.) старинная синагога, трансформированная в налоговый центр. Единственный мастодонт, сталелитейный завод сталинской поры, бросает вызов и возвышается, несмотря на свой полнейший разгром, стоит прямо, как маршал Красной Армии в тени своей преданной дымовой трубы, которая наблюдает за его неотвратимым сходом в могилу. В нескольких сотнях метров я замечаю другую дымовую трубу. «Это труба старинного кузнечного цеха», – сообщает мне Наташа. Отбойный моло-

ток, который изматывал слух Полины в течение шести лет, находился так близко.

Очень жарко, я открываю окно. Тотчас я начинаю кашлять: на каждой выбоине машина поднимает густую серую пыль. Это уже не пыль от кузнечного цеха, а дорожная пыль, летящая из-под колёс. Наташа сникла: «Всю весну не было дождя».

Затем она указывает мне на большое поле у подножия горы. Мои глаза настолько привыкли к акварелям Бестужева, что я угадываю то, что она собирается мне сказать: это местоположение тюрьмы.

ОТ ТОЙ ТЮРЬМЫ, план которой разработал Николай Первый, не осталось абсолютно ничего. Однако он был убеждён, что разработал самую современную машину контроля и наказания, которая являлась шедевром тюремной архитектуры, которая станет образцом и будет бросать вызов годам: шестьдесят четыре камеры одинакового размера, семь на шесть метров, расположенные вдоль коридора. Для их отопления – большие фаянсовые печи. Для прогулок – маленький дворик, тщательно разделённый на отсеки отвесными скалами. А для безопасности – каскад засовов, замков, защёлок.

Полина увидела исправительную тюрьму с одной из гор, которая нависала над долиной на выходе из леса. Это было первое здание, которое открылось её взору. Она была ошеломлена. Так же, как и Мария, и сами заключённые.

Их воспоминания совпадают. Всё их удивило – план тюрьмы в форме лошадиной подковы, крыша красного цвета, желтоватая штукатурка, которой были покрыты стены. Они были настолько сбиты с толку, что им понадобилось несколько минут, чтобы заметить недалеко от того места плавильный завод, зачаток деревни и на соседнем холме кладбище. Они не могли вымолвить ни слова; и когда, наконец, заговорили, то только для того, чтобы воскликнуть: «У тюрьмы нет окон!».

ОКАЗАВШИСЬ ВНУТРИ ИСПРАВИТЕЛЬНОЙ ТЮРЬМЫ, они обнаружили, что окно было. Но только в коридоре вдоль камер и выходило во внутренние дворики. Как только дверь их застенка закрывалась за ними, они оказывались чуть ли не в полнейшем мраке, и только там они поняли, какой замысел вынашивал Николай, в то время как он разрабатывал проект этого здания: разрушить маленькую республику, которая была задумана в общих спальнях Читы. Это можно было сделать проще всего на свете: изолируя их и лишая света.

С того момента, как охранники запирали их темницы, осуждённые испытывали то же чувство, которое испытывал Иван в Петропавловской

крепости: они входили в свои могилы. Некоторые говорили: свой гроб.

Женщины с сентября месяца 1830 года бросились в контрнаступление. Мария без промедления написала царю, чтобы тот прорубил окна в стенах камер, в то время как её спутницы начали следить за вторым конвоем заключённых. При объявлении о прибытии они побежали и встали на пост возле тюрьмы, чтобы поприветствовать их и чтобы, увидев этот бастион женщин, мужчины знали, что они всегда могут рассчитывать на них.

Ничего больше не оставалось, как ждать ответа от Николая. Это будет долго, они знали. Женщины торопились строить свои дома до первого снега.

*

Этой зимой у заключённых была самая большая трудность в том, чтобы не сломаться. Через несколько недель их зрение ухудшилось. Некоторые считали, что они станут слепыми.

Мария была одной из первых, кто забил тревогу. Она заметила, что разочарование, если не сказать депрессия заключённых, была связана не только с нехваткой света. А также из-за шумов внутри самой исправительной тюрьмы, весь этот металлический грохот, который непредсказуемо разрывал тишину. Как бы они ни старались предотвратить его, они жили как бы в засаде от малейшего щелчка замков и скрипов дверных засовов. Несомненно, надежда отделаться от этого шума была совсем ничтожной. Было достаточно того, что они слышали, как резонировали эти металлические звуки, для того, чтобы чувствовать себя ещё более угнетёнными.

Каждый день приносил свой набор неприятных сюрпризов. Брёвна стен, сколоченные наспех, начали рассыхаться, ледяные ветры, которые метались по долине, проникали в щели, люди дрожали от холода, и не приходилось рассчитывать на большие и дорогие фаянсовые печи, которые Николай велел установить в камерах, у них была плохая тяга. Угроза удушья или пожара была постоянной. Заключённым приходилось заворачиваться в толстые шерстяные камзолы и пелиссы¹. Они мёрзли всю зиму.

Марии, какой бы стальной стержень ни был внутри неё, было трудно прогонять свои тревоги, когда она присоединялась к своему мужу в тюрьме. Что сказать об Иване? Почти определённо приступы беспокойства, которые одолевали его с момента заключения в Петропавловскую крепость, появлялись снова.

Картина, с которой столкнулась Полина, совсем тягостная: заниматься строительством дома, приводить его в порядок, обустроить,

¹ Пелисс – верхняя одежда, с рукавами или без них, изготавливалась из разных материалов и носилась поверх платья. (Прим. пер.).

нанимать служанок, находить пропитание. Слишком поздно заниматься садоводством, а у неё нет запасов. Чтобы найти, как выжить, она должна спешно наладить связи в деревне, приблизить к себе кочевников, торговцев, вести переговоры, жульничать, всё это делать, никогда не переставая следить за своими двумя маленькими детьми, когда на улице до минус двадцати, минус тридцати, а скоро будет и до минус сорока. И за Иваном, которому плохо.

Сломалась ли она? Если да, то мы об этом ничего не узнаем, и это не только потому, что её рассказ остановился: молчаливо страдать – это само собой разумеющееся правило сообщества с момента их прибытия в Петровский Завод. Здесь не надёжно, доносчики продолжают виться вокруг Лепарского¹. Вопрос не в том, что Бенкендорф² или Николай узнают, что им тут больше не вмогуту, это будет означать отдать им победу. Не выдержать – это будет означать подвергать тому же риску других. Как говаривала Александрина: «Пока ты вне дома, ты ничего не показываешь. Но когда ты возвращаешься в свою спальню, ты можешь плакать сколько захочешь».

Трудно понять, удавалось ли Полине встречаться с Иваном так же часто, как это было в Чите? Мужчинам не разрешалось выходить из тюрьмы в первые месяцы их заключения в Петровский Завод. Царь приговорил их к унынию. И он принудил женщин сделать невозможный выбор: они смогут разделить застенки с мужьями, но это будет без их детей. Если они выберут сторону этих «несчастливых жертв опрометчивой любви», как он называл их отпрысков, они всецело посвятят себя материнскому долгу. Супружеские встречи в таком случае будут проходить в тюрьме два раза в неделю и ни разу больше.

Мария выбирает проводить каждую ночь в камере своего мужа, номер 54, в нескольких метрах от № 57, камеры Ивана, и № 62, которая была предназначена прекрасному Поджио³.

Александра⁴ и Каташа⁵ написали Бенкендорфу письмо, в котором они просили его вмешаться, чтобы император вернулся к своему решению. Он не передал их письмо, он ответил сам. Это было – *нет*.

¹ Лепарский Станислав Романович (1754–1837) – генерал-лейтенант. С 1827 года комендант Нерчинских рудников, а затем Читинского и Петровского острогов. (Прим. пер.).

² Бенкендорф Александр Христофорович (1782–1844) – генерал-адъютант, главный управляющий Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. (Прим. пер.).

³ Поджио Александр Викторович (1798–1873) – декабрист, отбывал каторгу в Читинском остроге, а затем в Петровском Заводе. (Прим. пер.).

⁴ Александра – Давыдова Александра Ивановна. (Прим. пер.)

⁵ Каташа – княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая. (Прим. пер.).

Ольга¹ не помнит, чтобы её мать проводила ночи в камере с Иваном. Напротив, она вспоминает, что она водила её повидаться с отцом. Некоторые документы, письма или воспоминания, дают понять, что женщины не переставали уходить и приходить – из дома в тюрьму. По истечении нескольких месяцев Лепарский, очевидно, решил игнорировать диктат царя.

Мария, надо сказать, снова принялась его дразнить. Как в Чите, она называла его «Охранник» или «Мёсье Я – не-могу». Он притворялся, что игнорирует это, но вздыхал: «Я предпочитаю вести переговоры с сотней заключённых, чем с одной из этих женщин». Он имел честь противостоять им. Хотя знал заранее: он будет побеждён. И, несомненно, он был доволен тем, что находится рядом с этими дамами, это была жизнь, которая искала своё место и находила его всегда: у Александрины только что родилась вторая девочка, а Каташа, которая в европейской России ни разу за десять лет замужества не была беременной, готовилась к родам.

В глубине души ему нравилось, что читинское сообщество будет восстановлено в каких-то ста метрах от тюрьмы, вокруг этих домов, тесно прижатых один к другому с двух сторон дороги, которая вела к металлургическому заводу.

МУЗЕЙ, ГДЕ МЕНЯ ОЖИДАЛА СВЕТЛАНА, был устроен в доме Каташи, единственном, который устоял против зим Петровского Завода. Когда его реставрировали в конце семидесятых годов, он осел в землю, как старые дома купцов, и угрожал рухнуть. Его демонтировали, затем заново собрали в сотне метров от его первоначального местоположения, там, где нижний слой почвы был более надёжным.

Сегодня он имеет красивый вид как снаружи, так и внутри. В память о Каташе, у которой была мебель, отправленная её семьёй, с тем чтобы воскресить атмосферу внутреннего убранства, в котором она жила, интерьер украсили мебелью той эпохи – пианино, круглый столик на одной ножке, скатёрки, маленькие секретеры.

Светлана ведёт меня на второй этаж, чтобы показать мне документ, которым она гордится: план города, датированный 1842 годом. Там указаны все дома женщин и то, в каком именно году они уехали. Александра и Каташа прожили в них в течение трёх лет, а Полина и Мария – 6 лет, и были последними, кто покинул Петровский Завод.

¹ Ольга Ивановна Анненкова (1830–1891) – родилась в Чите, единственная из детей Анненковых, кто помнил все тяготы тюремной жизни и железные оковы. Прасковья Егоровна говорила по-русски довольно плохо, поэтому доверила свой рассказ дочери. Воспоминания были озвучены и записаны на французском, затем Ольга Ивановна перевела их на русский язык и издала в 1888 году в ежемесячном историческом издании «Русская старина». (Прим. пер.).

Местная администрация далека от того, чтобы их забыть. Каждому дому присвоен номер, который отсылает к легенде и указывает имя его прежнего обитателя.

Полина не захотела отдаляться от других женщин, совсем наоборот. Она построила свой дом между домами Марии и Каташи. Александра проживала напротив Натальи¹ в конце улицы, недалеко от металлургического завода.

Дома Елизаветы² и Александрины расположены лучше всего: им нужно пройти всего каких-нибудь сто метров, чтобы добраться до тюрьмы. Каташе, которая придумала обустроить балкон на втором этаже своего элегантного жилища, удалось устранить и это препятствие. С высоты балкона она может следить за всем, что происходит возле исправительной тюрьмы.

План упоминает также название этой дороги, на которой женщины построили в ряд свои дома, как в Чите, *Дамская (Damskaia)*, улица Дам.

Ни одна акварель Бестужева³ не увековечила эту улицу, или если даже он нарисовал её, то она потерялась. Светлана показывает мне рисунок, подписанный другим заключённым, Репиным⁴. Он тоже владел кистью очень уверенно. К счастью на нём представлена та сторона улицы, где находился дом Полины.

Он кажется более скромным, чем дома её соседок, но, по словам Светланы, которая нашла акт продажи дома, в нём было шесть комнат, и он был наделён этажом, куда можно было попасть по большой лестнице. Он был комфортно меблирован, возможно, благодаря Бестужеву, выдающемуся столяру: три шкафа и шесть канапе. Кроме того, пианино, которое не фигурирует в документе: о нём известно из другого источника, что Полина подарила его своей подруге, без ведома Лепарского. Несомненно, женщине, с которой она нелегально занималась мелкой торговлей.

План указывает, что за её домом простирался большой сад. По окончании первой зимы Полина разбила там огород и наверняка, по русскому обычаю, обустроила избушку, где размещалась баня. По словам Светланы, она велела построить парники, курятник, свинарник и хлев, где содержала одну или двух коров. «У всех женщин они были, даже у княгинь! – весело замечает Светлана. – Иначе как бы они выжили?».

¹ Наталья – Наталья Дмитриевна Фонвизина. (Прим. пер.).

² Елизавета – Нарышкина Елизавета Петровна. (Прим. пер.).

³ Бестужев Николай Александрович (1701–1855) – См. также Переводчик № 23. СС. 249–251.

⁴ Репин Николай Петрович (1796–1831) – декабрист, художник-акварелист. (Прим. пер.).

Гвоздь программы музея – это макет тюрьмы. Ничто на нём не упущено: ни частоколы, разделяющие на маленькие дворики огромное пространство, которое тянется между двумя крыльями здания, ни огороды и теплицы, которые велели построить к началу весны одержимые огородничеством заключенные.

На этом макете камеры изображены с окнами: семь месяцев спустя после письма Марии царь смирился с тем, чтобы пробить внешнюю стену исправительной тюрьмы. Один метр на тридцать пять сантиметров и на два целых и одну десятую метра от земли, лучше сказать, речь шла о прорези. Если люди хотели ухватить немного естественного света, они должны были читать стоя, а когда дневной свет ослабевал, взбирались на табурет, как на насест.

Лепарский предчувствует, что ситуация станет невыносимой, он отступает от правил. В течение дня двери, выходящие в коридор, будут оставаться открытыми, и камеры, таким образом, получают свет из дворики.

Он разрешает заключённым обставить свои застенки на их усмотрение и, если они желают, собираться вместе. Марии не нужно было повторять дважды: она тотчас пишет своим, просит, чтобы ей прислали какую-то мебель, даёт команду торговцам Иркутска, добивается покраски бревенчатых стен в зелёный бутылочный цвет и переделывает застенок мужа в комнату-салон: библиотека, диван, два комода, чайный сервиз из серебра. После она развешивает на стены иконы и портреты членов семьи и перевозит свои дорогие клавикорды в исправительную тюрьму.

Бестужев торопится зафиксировать на акварелях новую жизнь своих сокамерников. Его брат Михаил, сидящий в кресле с вытянутыми на стул ногами и углубившийся в журнал. Мария, прежде чем сыграть своему мужу, убеждается, что её клавикорды настроены. Доктор Вольф¹, непримиримый атеист и философ на тот момент, размышляет перед столом, на котором он расположил череп и часы. Поджио, очевидно, подставляет своё лицо солнечным лучам, которые падают из его мини-окна. Только что присоединившаяся к группе женщин Анна Розен² пишет письмо под диктовку своего мужа. А он, Бестужев, как в Чите, увлечённо рисует.

Казалось бы, безобидная сцена, которая скрывает, как в Чите, политическое послание в адрес всё ещё обширного круга личных друзей и сторонников: посмотрите на последнее изобретение царя, он нас изоли-

¹ Вольф Фердинанд Богданович (1796/7–1854) – врач, декабрист. (Прим. пер.).

² Розен Анна Васильевна (1797/98–1883/84) – жена декабриста А. Е. фон Розена, дочь В. Ф. Малиновского, первого директора Царскосельского лицея. (Прим. пер.).

рует, лишает дневного света. Но не беспокойтесь, мы держимся. Все заняты, движутся вперёд, сопротивляются, мы никогда не отдадим ему победу. И он может ввергнуть нас, как он этого хочет, во тьму, но это ничего не меняет: мы едины.

Великолепный образ мыслей принимает формулу заклинания. С приходом света читинская благодать вернулась. «Лилипутская республика», как её назвал один из заключённых, выжила и даже усовершенствовалась. Каждый год президент, канцлер, депутаты избирались тайным голосованием абсолютным большинством. Созданы комиссии, бюджет общей кассы, книги и журналы распределены демократично – заключённые получают с этих пор журналы дюжинами. Журналы с такими серьёзными названиями, как «*Дискуссионный журнал*», «*Обзор Двух Миров*», «*Панч*», «*Times*», «*Frankfurter Zeitung*», тюрьме незачем завидовать лучшим европейским читальным залам. План Николая, между тем, начинает оказывать воздействие: тень достигла их сердец. Тюремное сообщество, уже прошедшее испытание зимой, надламывается. С одной стороны, одинокие и брошенные, которые не получают никаких новостей от своих. С другой, женатые заключённые и их междусобойчик, братья, дяди, кузены, депортированные вместе с ними, и те заключённые, которые вопреки всему решили поддерживать огонь читинской микрореспублики: Бестужев, Вольф, Поджио, Лунин¹, Свистунов², друг Ивана, и некоторые другие.

Женщины приходят их навестить до пяти, шести, десяти раз в день. Они приводят своих детей, поддерживают салон в их камерах. Мария продолжает обеспечивать почтовые услуги, её спутницы делают всё возможное, чтобы поддержать тех, кто страдает и находится в отчаянии. Просто времена изменились. Они видят в них уже не ангелов, но матерей семейств. И законы их республики не могут этого изменить. Это ход вещей, жизнь, которая всегда ищет возможности построить новое на руинах прежних времён. Подтверждение тому: после Каташи и Александрины, Полина беременна. Рождение ребёнка ожидается в октябре.

Бестужев не сдаётся. Он придумал девиз: «Ты живешь? Действуй!». И рисует снова и снова. Предлагает всем заключённым, которые этого хотели, нарисовать их портреты. Чтобы укрепить их связи. Чтобы сопротивляться, оставить следы, он убеждал их, что они являются действующими лицами важного, существенного момента. Так как он полностью уверен: рано или поздно их история будет вписана в историю

¹ Лунин Михаил Сергеевич (1788–1845) – Георгиевский кавалер, декабрист. (Прим. пер.).

² Свистунов Пётр Николаевич (1803–1889) – декабрист, автор мемуаров. (Прим. пер.).

великую. И поскольку он считает, что Лепарский является одним из героев этой истории, он рисует и его портрет тоже.

Коменданту к тому времени исполнилось уже семьдесят шесть лет, хороший внешний вид, несмотря на беспокойный лоб. Его чёрные вороньи волосы начинают седеть, но он излучает хорошую энергию. Он совсем не страдает ожирением, как утверждали Полина и Мария. Возможно, он похудел в Петровском Заводе. Ситуация напряжённая в исправительной тюрьме. Он больше не может давать отпор.

(Продолжение следует).

/Из книги Irène Frain «Je te suivrai en Sibérie», Paulsen, 2019. – 478 с./

Перевод с французского Людмилы Эмирзиади

КОНКУРСЫ, КОНКУРСЫ!!!

ИТОГИ XXIX МЕЖДУНАРОДНОГО КОНКУРСА МОЛОДЫХ ПОЭТОВ-ПЕРЕВОДЧИКОВ 2024 ГОДА

Формула успеха: «Знания + Умения + Вдохновение!»

31 марта 2024 года подведены итоги XXIX международного конкурса молодых поэтов-переводчиков, который проводился под эгидой Забайкальского регионального отделения Союза переводчиков России при участии и поддержке кафедры европейских языков и лингводидактики и кафедры китайского языка историко-филологического факультета ЗабГУ. В конкурсе приняли участие 125 переводчиков с английского, немецкого, французского, китайского и русского языков.

Целью конкурса является выявление талантливой молодежи в области перевода художественной литературы с иностранных языков на русский и с русского языка на иностранные.

Задачи проведения конкурса:

1. Объединение переводчиков художественной литературы под эгидой Забайкальского регионального отделения Союза переводчиков России.
2. Стимулирование молодежи к совершенствованию знаний в области иностранных языков и творческой деятельности. Усиление роли художественного перевода для достижения взаимопонимания между народами в контексте расширяющегося диалога культур.
3. Приобщение зарубежных читателей к забайкальской поэзии в переводе на иностранные языки.

Участниками конкурса стали молодые люди из различных регионов нашей страны и из-за рубежа. Оргкомитет конкурса отмечает большую активность студентов, представляющих университеты и колледжи из городов Рыбинска, Стерлитамака, Читы (Россия), Хулун-Буира (КНР), Армении.

Кроме того, в конкурсе принимали активное участие учителя иностранных языков и учащиеся гимназий и общеобразовательных средних школ. Среди них в первую очередь следует назвать многопрофильную языковую гимназию № 4, многопрофильную гимназию № 12 (Чита);

МБОУ СОШ № 14 (Саров, Нижегородская области); городские общеобразовательные средние школы № 27, № 33, № 48 (Чита); МОУ СОШ с. Тарбагатай, МОУ СОШ п. Новопавловка, МОУ СОШ с. Баляга, МОУ СОШ с. Толбага (Забайкальский край).

Кроме того, интерес к конкурсу проявили многие представители работающей молодёжи и творческой интеллигенции.

Основные номинации:

1. Перевод поэтических текстов с английского, немецкого, французского и китайского языков;
2. Перевод забайкальской поэзии с русского на иностранные языки.

В соответствии с «Положением» о конкурсе жюри определило авторов лучших поэтических переводов с английского, немецкого и русского языков.

Переводы с английского языка

1. Мусорина
Юлия Александровна	учитель английского языка МБОУ «СОШ № 27» (г. Чита).
2. Коржова
Екатерина Максимовна	музейный работник (г. Чита)
3. Хренникова
Татьяна Владимировна	психолог, МОУ СОШ с. Акша (Забайкальский край).
4. Букина
Калерия Александровна	студентка 2 курса ФГБОУ ВО «Рыбинский государственный авиационный технический университет».
5. Жеребков
Иван Андреевич	студент 2 курса китайского отделения историко-филологического факультета ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет».

Переводы с немецкого языка

1. Краус
Лилия Владимировна	пенсионер (г. Чита).
2. Хренникова
Татьяна Владимировна	психолог, МОУ СОШ с. Акша (Забайкальский край).

Переводы с русского языка (перевод лирики забайкальского поэта, прозаика и переводчика Бориса Макарова)

на английский язык

1. Коржова
Екатерина Максимовна музейный работник (г. Чита)
2. Глибина
Анна Викторовна студентка 2 курса Института информационных технологий и систем управления РГАТУ им. П. А. Соловьёва (Ярославская область).

на немецкий язык

1. Краус
Лилия Владимировна пенсионер (г. Чита).

Конкурсное жюри особо отмечает авторов лучших переводов, которые представили адекватные переводы с нескольких языков: Екатерину Коржову (английский, русский), Татьяну Хренникову (английский, немецкий), Лилию Краус (немецкий, русский).

Оргкомитет выражает благодарность учителям иностранных языков, которые провели большую работу по привлечению старшеклассников к участию в конкурсе молодых поэтов-переводчиков.

Авторы лучших переводов награждены почётными грамотами, остальные участники – сертификатами.

Забайкальское региональное отделение Союза переводчиков России поздравляет авторов лучших переводов и всех участников международного конкурса молодых поэтов-переводчиков 2024 года и желает им дальнейших успехов в постижении искусства художественного перевода!

Председатель ЗабРО СПР Ольга Стельмак

Переводы с английского языка

Ina Coolbrith (1841 – 1928)

Ина Кулбрит

All

Всё

An hour to live – to be!
To laugh, to weep, to sigh!
An hour to love, alas! –
And then to die.

Пусть проживу лишь час,
Но будет в нём и радость и печаль!
И будет только час любви!
А после умереть не жаль.

Why take one thought of care
For aught 'twixt birth and death,
When all is compassed in
So brief a breath?

Всё

Лишь час, чтобы жить и быть!
Смеяться, вздыхать, рыдать!
Лишь час, чтоб любить, увы! –
И жизнь вслед за тем отдать.

К чему беспокоиться зря
О сроке коротком нашем,
Когда пролетит всё стремглав,
А мы не заметим даже?

Перевод Марии Сидоркиной

Evenfall at the Gate

A rose-shot purple on the sunset hills,
And skies of golden fire;
Silence that, like a benediction, fills
The hour, save where the lyre
Of ocean throbs in strains that fall and rise
Against the harbor bar;
Then dusk, and on the brow of Tamalpais
Trembles a single star.

The poet

He walks with God upon the hills!
And sees, each morn, the world arise
New-bathed in light of paradise.
He hears the laughter of her rills,
Her melodies of many voices,
And greets her while his heart rejoices.
She, to his spirit undefiled,
Makes answer as a little child;
Unveiled before his eyes she stands,
And gives her secrets to his hands.

К чему переживать о том,
Что в жизни нам дано,
Когда всё главное в судьбе
В одно мгновение заключено?

Перевод Юлии Мусориной

Вся жизнь

Дан лишь час на существование:
Час на радость и на печаль,
Час на нежное обожание,
А потом – только смерть, как жаль!

Так зачем же страдать и мучиться:
В чём всех тягот земных подвох,
Если всё это улетучится
За один лишь короткий вдох? . . .

Перевод Екатерины Коржовой

Вечер у ворот

Закат рисует пурпуром холмы,
Объяв небесный свод златым пожаром.
Весь этот час благословенной тишины,
Что суждено прервать мелодией не даром,
Когда взиграет лира океана,
Над гаванью бурлящей песней волн.
И вновь Тамалпаис так первоначально
В ночи звездой тоскливой освещён.

Перевод Калерии Букиной

Поэт

Он с Господом гуляет по холмам!
Заворожённый мира пробуждением.
Его таинственным преображеньем.
Дивится говорливым ручейкам,
Его разноголосым песнопеньям,
Приветствует его с волненьем.
И как невинное создание
Даёт свои ответы мирозданью.
Свои объятия поэту открывает
И все свои секреты доверяет.

Перевод Юлии Мусориной

Поэт и Муза

Он ходит с Богом по холмам!
Пред ним весь мир, отбросив сон,
Вновь райским светом окроплён.
Он, внемля звонким родникам,
Напевам Музы многозвучной,
Ликует вновь о неразлучной.
Она, от скверны прочь уйдя,
Ему ответит, как дитя;
Пред ним ей снять свою вуаль
Уже не страшно и не жаль.

Перевод Екатерины Коржовой

Sara Tiesdale (1884 – 1933)

Сара Тисдейл

Compensation

Вознаграждение

I should be glad of loneliness,
And hours that go on broken wings,
A thirsty body, a tired heart
And the unchanging ache of things,
If I could make a single song
As lovely and as full of light,
As hushed and brief as a falling star
On a winter night.

Я приняла бы благодарно одиночество,
Часы, в унынье и отчаянье идущие,
Снесла бы жажду и изнеможение,
И суету, однообразием гнетущую,
Когда сумела б написать я песню,
Изыществом своим и простотой,
Подобную звезды паденью
Ночною зимнею порой.

Перевод Ивана Жербкова

The Faery Forest

Сказочный лес

The faery forest glimmered
Beneath an ivory moon,
The silver grasses shimmered
Against a faery tune.

Под луной цвета кости слоновой
Лучезарно блистал дивный лес.
Под мелодии звук оркестровый
Травы вальс закружил до небес.

Beneath the silken silence
The crystal branches slept,
And dreaming thro' the dew-fall
The cold white blossoms wept.

В тишине от заката пунцовой
Ветви спали, в хрусталь облачась,
И мечтали испить росы снова.
Слёзы лились с цветов, серебрясь.

Перевод Татьяны Хренниковой

Сказочный лес

Лес сказочный мерцал
Под белою луной.

И нежный шёпот трав
Стал песнею ночной.

И в колыбели сна
Деревья замирали.
А белые цветы
Росинками сияли.

Перевод Юлии Мусориной

Swallow Flight

I love my hour of wind and light,
I love men's faces and their eyes,
I love my spirit's veering flight
Like swallows under evening skies.

Полет ласточки

Я люблю час ветренный и ясный,
Я люблю лица людей и их глаза,
Я люблю полёт души прекрасный,
Что парит, как птица в небесах.

Перевод Татьяны Хренниковой

Полёт ласточки

Люблю я час ветров и нежный мира свет,
Люблю я лик людей и ясные их очи,
Люблю души изменчивой полёт,
Что ласточкой кружит всё ближе к ночи.

Перевод Калерии Букиной

Michael Shipley (born in 1964)

Blossom

Some flowers never bloom at night:
They wait, and open when it's light.
My heart held love the same way too,
Waiting all this time for you.

Майкл Шипли

Цветение

Бутон под звёздами свой набирает цвет
И раскрывается, забрезжит лишь рассвет,
Так и любовь во мне вдруг расцвела,
Она всё время лишь тебя ждала.

Перевод Татьяны Бут

Цветение

Есть цветы, что в ночи закрываются:
Их бутоны лишь днём просыпаются.
Так любовь моя в сердце спала.
Она встречи с тобою ждала.

Расцвет

Порой цветок в ночи бутон не раскрывает,
Свет солнца ждёт он и с рассветом расцветает.
Я так же ждал всю жизнь, любовь в душе храня,
Чтобы открыть её лишь для одной тебя.

Перевод Юлии Мусориной

Перевод Ивана Жеребкова

Цветение

Такие есть цветы, что ночью не цветут,
А солнечных лучей с терпеньем ждут.
И сердце так, любовь свою храня,
Томится в ожидании тебя.

Перевод Марии Сидоркиной

Reborn

Setting in the evening,
Rising every morn,
You and each passing day
Are, like the sun, reborn

**Ellen Maria Huntington Gates
(1835 – 1920)**

Dear things, I watch you flying
Far off across the sea;
You are not dead or dying,
You simply died to me.

But still in life's December,
My heart leaps up and sings,
For I with joy remember
The coloring of your wings.

Цветение

Не каждый цвет себя раскроет ночью:
Лишь только в час рассвета расцветёт.
И сердце, что любовь хранит бессрочно,
Всё время лишь тебя покорно ждёт.

Перевод Татьяны Хренниковой

Возрождение

Солнце клонится к закату,
Утром просыпается.
Так человек с лучами солнца
Снова возрождается.

Перевод Юлии Мусориной

Эллен Мария Хантингтон Гейтс

Всё, что я любила, улетает
В дальнюю над морем высоту;
Нет, мечта жива, не умирает,
Просто я не чувствую мечту.

Всё же я о смерти не стенаю,
Сердце вскачь ликует и поёт,
С радостью сейчас я вспоминаю
Цвет мечты, что вдаль, летя, зовёт.

Перевод Екатерины Коржовой

Есть вещи, что на памяти страницах
Ещё лежат, их помню, словно явь.
Но улетели они в небо синей птицей,
Хоть не хотелось мне их отпускать.

Однако под конец пути мирского,
Моя душа ликует и поёт,
Ведь вспоминаю я всё это снова,
И тает на душе замёрзший лёд.

Перевод Татьяны Хренниковой

Переводы с немецкого языка

Heirich Heine (1797 – 1856)

Die Heil'gen Drei Könige

Die Heil'gen Drei Könige aus Morgenland,
sie fragten in jedem Städtchen:
"Wo geht der Weg nach Bethlehem,
ihr lieben Buben und Mädchen?"

Die Jungen und Alten, sie wussten' s nicht,
die Könige zogen weiter;
sie folgten einem goldenen Stern,
der leuchtete lieblich und heiter.

Der Stern blieb stehen über Josephs Haus,
da sind sie hineingegangen;
das Öchslein brüllte, das Kindlein schrie,
die Heil'gen Drei Könige sangen.

Генрих Гейне

Три святых короля

Святые короли из утренней земли
вопрошали в каждом городишке:
«Скажите, где путь к Вифлеему лежит,
дорогие, девчонки, мальчишки».

Ни млад и ни стар, не знали того,
короли тогда двигались дальше,
вослед за одной звездой золотой,
им ясно с любовью светящей.

Над домом Иосифа встала звезда,
подошли они все к колыбели;
там ослик мычал, ребёнок кричал,
а три святых короля – пели.

Перевод Лилии Краус

Три мудреца

Три мудреца с востока путь держали,
И спрашивали, делая привал:
«Где Вифлеем, мы часом заплутали,
Кто б нам из вас дорогу указал?»

Увы, никто не знал пути-дороги,
И мудрецы спокойно дальше шли;
Вела звезда в заветные чертоги,
Им пролагая тропку впереди.

Звезда зависла над Иосифа избушкой,
И мудрецы вошли спокойно в дом;
Ревел малыш, лежащий на подушке,
И мудрецы запели песнь втроём.

Перевод Татьяны Хренниковой

Joseph von Eichendorf (1788 – 1857)

Ich suche die blaue Blume,
Ich suche und finde sie nie,
Mir träumt, dass in der Blume

Йозеф фон Эйхендорф

Я синий цветочек ищу,
Ищу и не нахожу,
Мечтаю, что в этом цветке

Mein gutes Glück mir blüh.
Ich wandre mit meiner Harfe
Durch Länder, Städt und Au'n,
Ob nirgends in der Runde
Die blaue Blume zu schau.
Ich wandre schon seit lange,
Hab lang gehofft, vertraut,

Doch ach, noch nirgends hab ich
Die blaue Blum geschaut.

Christian Morgenstern (1871 – 1914)

Herr Winter
geh hinter,
der Frühling kommt bald!
Das Eis ist geschwommen,
die Blümlein sind kommen
und grün wird der Wald.
Herr Winter
geh hinter,
dein Reich ist vorbei.
Die Vögelein alle,
mit jubelndem Schalle,
verkünden den Mai!

Wilhelm Busch (1832 – 1908)

Sie war ein Blümlein hübsch und fein,
Hell aufgeblüht im Sonnenschein.
Er war ein junger Schmetterling,
Der selig an der Blume hing.
Oft kam ein Bienlein mit Gebrumm
Und nascht und säuselt da herum.
Oft kroch ein Käfer kribbelkrab
Am hübschen Blümlein auf und ab.
Ach Gott, wie das dem Schmetterling
So schmerzlich durch die Seele ging.

Doch was am meisten ihn entsetzt,
Das Allerschlimmste kam zuletzt.

Счастье покажется мне.
Я с арфой моею брожу
По странам, дорогам, долинам,
Не вижу, не нахожу
В округе цветов этот синий.
С давней поры я кочую,
Устал уже я мечтать.

Но, ах! Видно, не смогу я
Тот синий цветок отыскать.

Перевод Лилии Краус

Кристиан Моргенштерн

Царица–зима,
ступай-ка назад!
Весна будет скоро здесь!
Уж тронулся лёд,
Цветов час грядёт,
И станет зелёным лес.
Царица – зима,
ступай-ка назад!
Царство твоё уж тает.
И птички все мигом
С ликующим криком,
О мае оповещают.

Перевод Лилии Краус

Вильгельм Буш

То был изящной красоты цветок,
В сиянье солнца он расцвёл светло ...
Она же юной бабочкой была,
Что на цветке блаженство обрела.
И пчёлка с бормотанием кругом,
Жужжа, летала, лакомясь тайком.
То, ползая, жуки кишмя-кишели,
По нежному цветку и всё гудели.
Мой Бог, и какво же бабочке той было:
Мученье её душу бередило.

Но бабочку момент один пугал
И вскоре он действительно настал.

Ein alter Esel fraß die ganze
Von ihm so heißgeliebte Pflanze.

Пришёл осёл и, к сожалению,
Сжевал любимое растение.

Перевод Лилии Краус

Забайкальская поэзия

Макаров Борис Константинович (1939 – 2023)¹

Переводы с русского языка на английский / немецкий

Что видят там орлы за облаками?
Внизу – туман, клубящийся веками.
Вверху всегда, всегда одну и ту
Холодную, глухую пустоту.
...Так почему же, отдохнув
 слегка,
Орлы опять летят за облака?...

What do the eagles see behind the clouds?
A mist below – there is no doubt.
And at the top they always see the same –
An emptiness of endless cold and pain.
...I wonder why the eagles can't just
 stay,
Why always to the clouds fly away?..

Перевод Анны Глибиной

What do the eagles see behind cloud's curling?
Below – the fog for ages has been whirling.
Above the space of sorrow can unfold:
The void, that's ever speechless, ever cold.
...So why do eagles have a fleeting
 rest,
But then again they fly with zeal and zest?...

Перевод на английский Екатерины Коржовой

Was sehen dort die Adler hinter Wolken?
Da unten – Nebel, der sich ewig ballt.
Und oben – immer, immer noch dasselbe.
Stockfinst' re Leere, sie ist taub und kalt.
...Warum ist's so,
 nach etlicher Erholung
Die Adler fliegen wieder über Wolken?...

Перевод на немецкий Лилии Краус

¹ См. информацию о Борисе Макарове СС. 5–6; 14–15.

На лунном диске клин гусиный,
Как колдовские письма...
Костром языческим осина
Горит у моего окна.
И что за чудо –
В этот вечер,
Волшебным светом озарён,
Я вижу лица, слышу речи
Былых и будущих времён.

Этюд

Ласточка-касаточка,
Пронось стрелой
Чуть реки коснётся
Грудкой золотой.
Стала золотою
Грудь её не зря.
Делится с рекою
Золотом заря...

Брату Владимиру

Боюсь возвращаться в родные места.
А вдруг там уже незнакомые лица,
А вдруг там уже ни креста, ни куста,
И не на что больше молиться.
А вдруг там уже ничего из того,
С чем хочется мне повстречаться.

...Ведь прошлое ближе, чем реке в него
Доводится нам возвращаться...

Нынче в сказки плохо верится...
Но ушёл корабль в полёт,
И в ковше Большой Медведицы
Рыбкой сказочной плывёт...

The moon and geese are soaring higher,
Like ancient writing's wizard whim ...
The asp resembles heathen fire:
My window sees its flash and gleam.
And what a wonder! –
Night rejoices! –
I've been illumed with magic shine!
And I see faces, hear voices
Of bygone time, of coming time!

Перевод на английский Екатерины Коржовой

Etude

Swallow, little darling bird,
Rushing like a bolt,
Touches just a bit the ford
With its breastling, gold.
Such a gold and charming
Breast is not by chance:
Ford is all inarming
Sunset's golden glance...

Перевод на английский Екатерины Коржовой

To the brother Vladimir

Though missing my land, I'm afraid to come back.
And what if I see unfamiliar faces,
And are tombs and shrugs those I now only lack,
And has prayer lost holy traces?
And what if it's nothing I'd like to retrieve,
To meet in refulgence of morning.

...The past is more facile to ever achieve.
In case of infrequent returning...

Перевод на английский Екатерины Коржовой

Heute glaubt man an Märchen kaum
Aber ist im Flug das Schiff.
In der Schaufel großen Himmelswagens
Wie ein fabelhaftes Fischlein schwimmt.

Перевод на немецкий Лилии Краус

Амнезия

Что ни кино – то амнезия...
Ни тот не помнит, и ни тот...
Посмотришь, кажется, Россия
В полубеспамятстве живёт.
А, может, в этом доля правды,
И подлечиться нам пора.
Вон там, на входе на парадном,
Я видел свастику вчера...

Бабье лето

Шаг за дверь – и в бездну света,
В синь, размах, простор земли!...
...Золотое бабье лето
С белым облачком вдали...
Сенокосы и путины
Откипели, улеглись.
Серебринки-паутинки
Над лесами поднялись.
Блеск морозный в травах утром
В рощах – дрема-тишина.

...И в любви спокойной, мудрой
Сила зрелого вина.

Откуда горько-сладкая грустинка,
Которую ты чувствуешь тогда,
Когда поёт старинная пластинка
Иль плещется осенняя вода?
От осознания – всё на свете
бренно –
И музыка, и люди, и река...
От вспышки мысли яркой,
дерзновенной, –
Всё на века.
Всё в мире – на века...

Amnesia

We've got amnesia of values...
We don't remember our debt...
It seems to me, that Russia rallies
With morbid purpose: to forget.
I feel the verity existing:
Perhaps, psychiatrist can help
To altogether be resisting
Against becoming fascist's whelp...

Перевод на английский Екатерины Коржовой

Indian Summer

To the deep of light I'm comer:
To the blue, to scope of land! ...
... It's the golden Indian summer,
It's white cloud that can expand ...
Zeal for mowing, zeal for fishing
Finished festive interludes.
Argent spider-webs are wishing
To ascend above the woods.
Morning's frost is scintillating,
Groves are dozing through the shine.

... Placid love is wisely waiting
For the might of seasoned wine.

Перевод на английский Екатерины Коржовой

My grief is both destroying and redounding,
I feel it always after I have heard
The record of my childhood softly sounding
Or autumn water swashing in the ford.
Destroys, because all lives are ever
perished –
Friends, music, any bank and any shore ...
Redounds, 'cause creed's audacious,
and it's cherished, –
All's evermore.
The world's for ever more ...

Перевод на английский Екатерины Коржовой

Молния

Ударит в полночь гулко, длинно
Огня серебряный поток –
И неказистая былинка
Вдруг превращается в цветок.

Lightning

It's clap at midnight's hollow, tedious,
Like silver blaze it can illumine –
It has just now been blade, so hideous,
But managed all at once to bloom!

Перевод на английский Екатерины Коржовой

Литературно-художественный журнал «Переводчик» /Статистика/

*За 2001 – 2024 гг. опубликованы переводы с 40 иностранных
и национальных языков России, а также с русского языка
на иностранные*

1. Абазинский язык	21. Китайский язык
2. Абхазский язык	22. Корейский язык
3. Алтайский язык	23. Латинский язык
4. Английский язык	24. Македонский язык
5. Армянский язык	25. Мальтийский язык
6. Белорусский	26. Монгольский язык
7. Болгарский язык	27. Немецкий язык
8. Бурятский язык	28. Норвежский язык
9. Венгерский язык	29. Польский язык
10. Вьетнамский язык	30. Португальский язык
11. Галисийский язык	31. Русинский язык
12. Грузинский язык	32. Русский язык
13. Датский язык	33. Сербский язык
14. Ивритский язык	34. Словацкий язык
15. Индонезийский язык	35. Татарский язык
16. Ингерманландский язык	36. Фарерский язык
17. Исландский язык	37. Французский язык
18. Итальянский язык	38. Хорватский язык
19. Испанский язык	39. Якутский язык
20. Каталанский язык	40. Японский язык

ЮСТЕЙН ГОРДЕР (род. в 1952 году)

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ МИСТЕРИЯ

На пороге 2024 го года, в самом конце декабря вышло в свет переиздание книги «Рождественская мистерия»¹ прославленного норвежского писателя Юстейна Гордера. Книга вышла в переводе с норвежского Элеоноры Панкратовой.

Книга построена как традиционный для скандинавских и некоторых других европейских стран адвентский календарь (адвент – период с 1 по 24 декабря – время ожидания Рождества). Каждый день, начиная с 1 декабря, читатель вместе с главным героем, мальчиком Иоакимом, знакомится с библейской историей, а также путешествует вместе с пропавшей много лет назад девочкой Элизабет. Её странствие – это путь сквозь время и пространство, приближение к тому чудесному дню, когда в городе Вифлееме родился младенец Иисус.

Эта книга и рождественская сказка, и детектив для детей и взрослых. Она же является своеобразным путеводителем по достопримечательностям разных стран, попутно знакомит читателя с важными историческими фактами и культурными явлениями (легенда о Святом Николае, прообразе Санта-Клауса; описание строительства Кёльнского собора, легенда о Гамельнском крысолове и др.)...

Ангел, указывающий девочке Элизабет путь в Вифлеем, говорит ей самые главные, заветные слова, объясняющие суть величайшего для всех христиан события: пришествия в наш земной мир Спасителя. «Иисус пришёл в этот мир, чтобы научить людей любить друг друга. Нет более сложной задачи для людей, чем эта, но в то же время нет завета и важней...И далее: «...мы не должны начинать драку только из-за того, что думаем по-разному. Ведь в этом величайший смысл Рождества...».

Элеонора Панкратова

¹ Юстейн Гордер. Рождественская мистерия. Переизд. Перевод с норвежского Элеоноры Панкратовой. – Ростов на Дону: издательство «Феникс», 2024. – 292 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

БУЛДЫГЕРОВА АННА НИКОЛАЕВНА (Чита)

Окончила китайское отделение факультета иностранных языков Забайкальского государственного педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Работает старшим преподавателем кафедры китайского языка историко-филологического факультета Забайкальского государственного университета. Принимала участие в работе VIII Летней школы перевода СПР (Крым, 2015 г.), действительный член Союза переводчиков России. Сотрудничает с журналом «Переводчик». **E-mail: annbuldigerova@mail.ru**

ВОРОНЧЕНКО ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА (Чита)

Окончила Иркутский государственный университет им. А. А. Жданова («Русский язык и литература»), Иркутский государственный педагогический институт иностранных языков им. Хо Ши Мина («Английский язык»). Литературовед, переводчик. Доктор филологических наук, профессор Забайкальского государственного университета. Действительный член Союза переводчиков России. Входит в редакционный совет журнала «Переводчик». Научные интересы сосредоточены в области мексикано-американской («чикано») литературы и творчества авторов – представителей коренных народов Сибири, Северного Китая и Америки. Автор ряда монографий и серий высокорейтинговых статей в указанных направлениях. В числе переводов мексикано-американских авторов: популярное эссе известного писателя XX–XXI вв. Рудольфо Анайя «Писательский пейзаж: Эпифания в пейзаже» и знаковый рассказ «Рождественские фаролитос», главы романа Гертруды Атертон «Калифорнийцы» и др. Лауреат премии Ю. В. Кулагина за особые достижения в научной деятельности. Лауреат Государственной премии Забайкальского края за вклад в научную деятельность по изучению народов, проживающих в Забайкальском крае (2023). Государственная награда РФ – орден Дружбы. **E-mail: tavoronch@mail.ru**

ВОРОПАЕВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ (Москва)

Окончил с отличием факультет иностранных языков (китайско-английское отделение) Забайкальского государственного педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Кандидат филологических наук (аспирантура Института языкознания РАН, диссертация «Прецедентные имена в китайскоязычном дискурсе», 2012, специальность 10.02.22). Переводчик, член Национальной лиги переводчиков. Как устный последовательный (с 1997) и синхронный переводчик (с 2006 года) с/на китайский язык в период с 2002 года по настоящее время работал на более 500 различных мероприятиях, в том числе в рамках ШОС, БРИКС и Комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств России и Китая. Из них на более 150 мероприятиях как синхронный переводчик. Работает научным сотрудником Отдела языков Восточной и Юго-Восточной Азии Института языкознания РАН. Автор и соавтор более 10 учебных пособий, словарей и спра-

вочников по китайскому языку, в том числе, инновационного лингвокультурологического словаря-справочника для изучающих китайский язык, культуру, историю, литературу Китая «Китай: имена на все времена. Прецедентные персонажи»; Персональный сайт: www.vokitai.ru **E-mail: voropaev@vokitai.ru**

ВЬЮНОВ ВЯЧЕСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ (Забайкальский край)

Учился в Иркутском геолого-разведочном техникуме, на факультете журналистики Иркутского университета, в Литературном институте имени М. Горького. Член Союза писателей России. Работал штукатуром-маляром, лаборантом, корреспондентом, кочегаром, шофёром, промысловиком-охотником, поваром, взрывником, кузнецом, лесником, литконсультантом, горняком и др. Первые стихи появились в областной периодической печати в 1969 году. Участник совещания молодых литераторов Читинской области (октябрь 1978-го), совещания молодых литераторов в Тынде. Печатался в журналах «Сибирь», «Байкал», «Наш современник», «День поэзии», «Сибирские огни», «Слово Забайкалья», а также в ряде изданий в Чите, Иркутске, Москве. Первая подборка стихов в поэтическом сборнике «Начало» (Иркутск, 1979). Первая книга «Огни на дальней стороне» (Иркутск, 1984). В поэтический сборник «Осенней ночью у костра» (Иркутск, 1989) включены лирико-философские стихи. Главы из сатирического романа «Храм Александра Невского» опубликованы в газетах «Комсомолец Забайкалья» и «Чита литературная». В 2024 году опубликована книга поэзии и прозы «Сладкая печаль сердца» в 2-х томах. **E-mail: duturul@bk.ru**

ЕПИШКИН НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ (Чита)

Окончил факультет романских языков Иркутского государственного института иностранных языков им. Хо Ши Мина, Высшие курсы преподавателей иностранных языков для языковых факультетов при МГПИ им. Ленина. Специалист в области лексикографии, переводчик с французского. Составитель «Краткого исторического словаря галлицизмов русского языка», «Исторического словаря галлицизмов русского языка». Опубликованы: хронологический словник «Французские ткани и их цвет», «Московитские письма» Ф. Локателли (перевод с французского). Вышли в свет «Хронологический словник Исторического словаря французской моды в России: одежда, обувь, головные уборы, прически», «Исторический словарь французской моды в России» в 3-х т., переводы с французского книги Александра Стурдзы «Размышления об учении и духе православной церкви», Дрё дю Радье «Словарь любви» в журнале «Переводчик» (№№ 15, 16), Панаит Истрати «Советский Союз без маски» (Чита, 2018), «Исторический словарь слова «любовь» и его однокоренных» (Чита, 2023), «Всё вечные французы» (Чита, 2023). **E-mail: epishkinni@mail.ru**

ЗИМАН ЛЕОНИД ЯКОВЛЕВИЧ (Москва)

Окончил с отличием историко-филологический факультет МГПИ им. Ленина, Государственные центральные курсы заочного обучения «ИН-ЯЗ». Кандидат педагогических наук, доцент, отличник народного просвещения, член Союза писателей Москвы, почётный член Союза переводчиков России. Автор учебных и учебно-методических пособий и программ, статей, рецензий, литературно-театральных композиций и инсценировок, стихотворных и прозаических перево-

дов с английского и итальянского языков. Всего – 410 публикаций. В последние годы работал на кафедре раннего изучения иностранных языков Московского городского педагогического университета. **E-mail: Lziman@yandex.ru**

ИВАНОВА СОФЬЯ ОЛЕГОВНА (Чита)

Студентка четвертого курса китайского отделения (направление подготовки «Лингвистика», профиль «Перевод и переводоведение») историко-филологического факультета Забайкальского государственного университета.

E-mail: geefchinto@yandex.ru

МАКАРОВ БОРИС КОНСТАНТИНОВИЧ [1939 – 2023]

(с. Акша, Заб. край)

Окончил историко-филологический факультет Читинского государственного педагогического института им. Н. Г. Чернышевского. Известный забайкальский поэт-переводчик, журналист, заслуженный работник культуры РФ. В 1972 г. стал членом Союза журналистов СССР, в 1978 г. – членом Союза писателей. Опубликованы книги стихов поэта: «Начало начал» (1975), «Возвращаются птицы» (1978), «ЦВЕТНЫЕ коромысла» (1983), «Узы» (1987), «На изломе времён» (2001). Около сорока лет занимался переводом бурятской поэзии. В 2001 году вышли в свет три стихотворных сборника переводов с бурятского: «С родников начинаются реки большие...», «Вечный свет» и «Волшебные зеркала». В 2008 году появились ещё два сборника переводов с бурятского – «Степные берёзы» и «Когда поёт кукушка». В 2009 году к 70-летию со дня рождения поэта было опубликовано юбилейное 2-х томное издание «Стихи и поэмы» (Москва: Изд-во «Русь»). Дипломант открытого международного поэтического конкурса на тему «Стихи о переводе и переводческой деятельности» (2013). В 2014 году вышла в свет книга избранных переводов с бурятского «Дороже всех богатств» (Чита: Экспресс-издательство).

МАРКОВА НИНА АЛЕКСЕЕВНА (Чита)

Окончила Читинский государственный педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского и аспирантуру по германской филологии в РГПУ им. А. И. Герцена. Кандидат филологических наук, доцент, действительный член Союза переводчиков России. Является автором разделов «Лексикография» и «Земля Даурская» в журнале «Переводчик». Составитель Русско-английско-латинского словаря флоры и фауны. **E-mail: nina_markova@mail.ru**

МАРКЕЛОВА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА (Москва)

Окончила филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова и гуманитарный факультет Университета Исландии; кандидат филологических наук. Литературовед. Основные публикации: монография «Становление литературы Фарерских островов и формирование фарерского национального самосознания» (2006). Опубликованы переводы: Шарлотта Вайтсе «Письмоносец» (пер. с датского), Хатльгрим Хельгасон «101 Рейкьявик», «Женщина при 1000 С», «60 кг солнечного света», «Автор Исландии»; Ауртни Бергманн «Торвальд Странник», антология «Пять исландских пьес» (пер. с исландского), «Корабль призраков» (антология традиционного исландского фольклора), антология фарерской поэзии

«Классика фарерской поэзии», «Антология современной исландской поэзии»; подборки стихов и малой прозы исландских и фарерских авторов. Автор восьми сборников стихов. Автор публикаций на исландском и фарерском языках в журналах «Tímarit Máls og menningu», «Stína» (Исландия), OUTSIDER (Фарерские острова). Дипломант открытого международного конкурса «Поэтическое определение перевода» (2016). **E-mail: dimentionen@yahoo.dk**

ПАНКРАТОВА ЭЛЕОНОРА ЛЕОНИДОВНА (Москва)

Окончила МГУ им. М. В. Ломоносова, литературовед и переводчик, кандидат филологических наук. Член Союза писателей Москвы. Член Союза переводчиков России. Почётный член гамсуновского общества. Автор статей, посвящённых норвежским писателям в энциклопедиях, предисловий в книжных изданиях, статей в периодической печати. Переводчик произведений Кнута Гамсуна, романов Сигрид Унсет, сказок Петера Асбьёрнсена и Йоргена Му, произведений Нильса Юхана Рюда, Кнута Фалдбаккена, Юстейна Гордера, а также Одда Соломсуена, Эвы Себерг, Тура Обрестада, Сигмунда Доксума, Дага Сулстада, Марион Коксвик. Переводчик фундаментального труда профессора Пера Саугстада «История психологии» (2008). Печаталась в журналах «Юность», «Иностранная литература», «Литературное обозрение», в норвежской печати (газета «Aftenposten», журналы «Prosa», «Forfatteren», «Nordlit») и др. Участник международных конгрессов, конференций и семинаров в России, Норвегии, Дании, Швеции, Финляндии, Германии, Англии, Болгарии.

E-mail: noralauri@yahoo.com

ПАНЬКИНА ОЛЬГА ВИКТОРОВНА (Москва)

Окончила с отличием филологический факультет МГУ. Поэт-переводчик. Автор более 70 книг переводов. Перевела 24 романа, рассказы, пьесы, стихи около 300 поэтов. Автор проектов: «Библиотека литературы Македонии», «Македонский роман 21 века». С 2010 года председатель РОО «Македонский культурный центр». Член Союза писателей Македонии, Союза литературных переводчиков Македонии, член Московской городской организации Союза писателей России. Лауреат II Международного фестиваля «Поющие письма» (2010), среди многочисленных наград за перевод: им. Чехова (2011), медаль Грибоедова (2012), Золотой диплом IX форума «Золотой витязь» (2018); «Золотое перо» (2010), премия им. Глигора Прличева (2011), медаль Македонской академии наук и искусств «Блаже Конеский» (2012), «Гоцева мысль», «Арт Феникс» (2014), «Почётное Рациново признание» Союза писателей Македонии (2015), «Звёздный македониум» (2016), государственная награда медаль «За заслуги перед Македонией» (2019). В 2020 году стала лауреатом литературной премии «Югра». В 2021 г. получила «Золотого витязя» – высшую награду Международного форума славянских культур, в 2022 г. – лауреат Международного фестиваля «Степная лира». В 2023 г. стала лауреатом литературной премии «Ясная Поляна».

E-mail: olga_pankina@hotmail.com

ПЕРЕЯСЛОВ НИКОЛАЙ ВЛАДИМИРОВИЧ (Москва)

Окончил заочно Литературный институт им. А. М. Горького (семинар критики). Поэт, критик, прозаик, переводчик стихов национальных поэтов; член Междуна-

родной ассоциации писателей и публицистов; член Союза журналистов Москвы и Международной федерации журналистов; действительный член Петровской академии наук и искусств; секретарь Правления Союза писателей России. Работал шахтёром, геологом, журналистом, директором Самарского областного отделения Литературного фонда России. Участник выездного пленума Союза писателей России в Чечне, конгресса народов России в Якутске, Первой Международной поэтической конференции в Каире и дней литературы в Пхеньяне. Автор 46 книг стихов, прозы и критики, печатался в газетах и журналах России, Украины, Беларуси, Молдовы, Казахстана, Башкортостана, Туркменистана, США, Китая, Германии, Болгарии, КНДР и других стран. Член редсоветов журналов «Донбасс» (Донецк), «Бийский вестник» (Бийск), «Дон и Кубань» (Ростов), член редколлегий альманаха «День поэзии» и других изданий.

E-mail: nik-mar@rambler.ru

СЛАВОРОССОВА ЕВГЕНИЯ АЛЕКСЕЕВНА (Москва)

Окончила философский факультет Московского государственного университета им. Ломоносова. Поэт, переводчик, журналист. Долгое время работала шеф-редактором журнала «Детская школьная академия» и литературным редактором журнала «ЧИП – детям», была членом редколлегии журнала «Первоклашка». В настоящее время работает заместителем главного редактора альманаха «Истоки». Стихи и переводы её печатались во многих центральных журналах, газетах, альманахах и коллективных сборниках. Автор книги стихов «Утренний поезд», детской книги «Детективное бюро мистера Спича», нескольких сказочных повестей и многих статей на темы литературы, искусства и др. Получила звание «Лучший автор года» в журнале «ЧИП – детям». Дипломант открытых международных конкурсов: «Стихи о переводе и переводческой деятельности» (2013). «Поэтическое определение перевода» (2016). **E-mail: detschoolakad@mail.ru**

СТЕЛЬМАК ОЛЬГА ВИКТОРОВНА (Чита)

Окончила Читинский государственный педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского и аспирантуру по германской филологии при МГПИ им. В. И. Ленина. Кандидат филологических наук, доцент. С 1995 по 2010 гг. работала деканом факультета иностранных языков ЗабГГПУ. Почётный работник высшего профессионального образования РФ. Поэт-переводчик, почётный член Союза переводчиков России, председатель Забайкальского регионального отделения СПР, гл. редактор журнала «Переводчик». Опубликованы книги переводов английской и американской поэзии на русский язык: «Прекрасное пленяет навсегда...» (1998, 2004), «The Songs of Joy and Sorrow» (2009). Стихи и переводы также опубликованы в журналах «Переводчик», «Гуманитарный вектор», «Встречи», «Рождая звезду...». Автор поэтических сборников: «Я дарю тебе осень ...» (2000), «Волшебный мир любимых грёз» (2003), «Мой зачарованный мираж...» (2006); «Сладкой грусти наслажденье...» (интернет-издание на сайте «Стихи.ру», 2012). Опубликованы стихи в коллективных поэтических сборниках: «Поэт 2012 года», «Союзники», «Российские поэты», «Сборник стихов», «Любовная лирика». Дипломант поэтического конкурса «Поэт 2012 года».

E-mail: ovstelmak@mail.ru

ФЕЩЕНКО-СКВОРЦОВА ИРИНА НИКОЛАЕВНА

(г. Бенавенте, Португалия)

Окончила Волгоградский государственный педагогический университет. Кандидат педагогических наук, доцент, имеет более 60 научных публикаций. Занималась проблемами творчества, языка и культуры. Поэт, эссеист, автор пяти поэтических сборников, литературоведческих статей, эссе об искусстве. Член Союза российских писателей, международного союза писателей. Автор многих альманахов поэзии России и Украины, антологий («Поэзия третьего тысячелетия», по итогам литературного конкурса «Согласование времен»), зарубежных альманахов («Встречи» № 30, Филадельфия; «Стороны света», № 9). Лауреат конкурса «Вся королевская рать» (литературно-критическая статья). В Португалии живёт с 2003 года. Подтвердила учёную степень в португальском университете. Опубликовала ряд эссе и научных статей о творчестве португальских поэтов – классиков и современных авторов, («Новый мир»; «Иностранная литература», «Prosodia», «Новый филологический вестник» и др.). В её переводе вышли: поэзия Антонио Нобре «Мельник ностальгии», антология португальской поэзии XV – XX веков «Лузитанская душа», Фернандо Пессоа: «Книга непокоя» (2016 г.), «Поэзия Оды Рикарду Рейша», «Рубайят», «Poesia. Первая антология Фернандо Пессоа (SHANTARIN, Лиссабон, Португалия, 2022 г.).

E-mail: irenerussian@mail.ru

ШАРАПОВА АЛЛА ВСЕВОЛОДОВНА (Москва)

Окончила факультет журналистики МГУ. Поэт-переводчик. Автор поэтических сборников «Среди ветвей» 1996, «Владимирская Вишня» 2016, «Ждущая», 2017. Член Союза писателей Москвы. В студенческие годы занималась в литературных студиях «Луч» (у Игоря Волгина) и «Спектр» (у Ефима Друца). Ещё будучи студенткой, начала публиковаться как переводчик поэзии. Переводила стихи и драматические произведения англоязычных и скандинавских поэтов (Джеффри Чосер, Филип Сидни, Уильям Батлер Йейтс, Редьярд Киплинг, Хенрик Ибсен, Гамсун), а также поэтов Востока – с подстрочников. Возглавляла секцию переводов в профкоме литераторов при издательстве «Художественная литература», вела и ведёт литстудии и семинары. Лауреат премии имени Н. С. Лескова (Ярославль) за поэзию и переводы, победитель конкурсов «Живая литература» и «Серебряная псалтирь» в номинации «Поэзия», победитель конкурса «Поэт года–2016» в основной номинации. **E-mail: allarash@mail.ru**

ЭМИРЗИАДИ ЛЮДМИЛА ВИКТОРОВНА (Чита)

Окончила Читинский государственный педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского. Работает специалистом управления международной деятельности Забайкальского государственного университета. Действительный член Союза переводчиков России, автор, переводчик и редактор раздела «Эпистолярное наследие декабристов» в журнале «Переводчик». Опубликованы переводы с французского языка писем жён декабристов и глав из романа Ирэн Фрэн «Я последую за тобой в Сибирь...». Редактор серии популярных книг известного забайкальского краеведа, «народного академика» Виктора Балабанова.

E-mail: intdep@mail.ru

Литературно-художественное издание

Переводчик

Выпуск 24

*Сборник издаётся в соответствии с оригиналом,
подготовленным редакционной коллегией, при участии издательства*

Главный редактор О. В. Стельмак

*Контактный телефон 8(3022) 21-87-30
e-mail: ovstelmak@mail.ru*

Подписано в печать 15.05.2024.
Формат 60x84/16. Бумага ксерографическая.
Гарнитура Times New Roman. Способ печати цифровой.
Усл. печ. л. 12,8. Уч.-изд. л. 10,5. Заказ № 24009.
Печать по требованию.

ВГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30